

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Выпуск 26

РЕНОМЕ

Санкт-Петербург
2024

Редколлегия:

И. И. Елисеева, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, проф.,
засл. деятель науки РФ (гл. ред., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
С. И. Бояркина, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
О. Н. Бурмыкина, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
К. А. Галкин, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
К. С. Дивисенко, канд. соц. наук (зам. гл. ред., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Н. В. Колесник, канд. соц. наук (отв. секретарь, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
С. Маннила, PhD (Национальный институт
здоровья и благосостояния, Хельсинки, Финляндия);
М. В. Масловский, д-р соц. наук, проф. (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Д. Б. Тев, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Е. В. Тыканова, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
И. Шубрт, д-р соц. наук, доцент
(Карлов университет, Прага, Чехия)

Editorial board:

Irina I. Eliseeva (Doctor of Economics, Professor, Corr. Member of the RAS,
editor in chief, Sociological Institute of FCTAS RAS);
Saniya I. Boyarkina (PhD, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University);
Olga N. Burmykina (PhD, Sociological Institute of FCTAS RAS);
Konstantin A. Galkin (PhD, Sociological Institute of FCTAS RAS);
Konstantin S. Divisenko (PhD, Sociological Institute of FCTAS RAS);
Natalia V. Kolesnik (PhD, Sociological Institute of FCTAS RAS);
Simo Mannila (PhD, Terveyden JA hyvinvoinnin laitos — National Institute
for Health and Welfare, Helsinki, Finland);
Mikhail V. Maslovsky (Doctor of Sociology, professor, Sociological Institute
of FCTAS RAS);
Jiří Šubrt (professor, Charles University, Prague, Czech Republic);
Denis B. Tev (PhD, Sociological Institute of FCTAS RAS);
Elena V. Tykanova (PhD, Sociological Institute of FCTAS RAS).

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

EDN: ZERMYZ

Научное периодическое издание

«Петербургская социология сегодня» выходит с 2009 года.

Периодичность: четыре номера в год (до 2023 г. — два номера в год).

Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Регистрационный номер СМИ: ПИ № ФС 77-55387 от 17.09.2013 г.

ISSN 2308-3166

© Авторы статей, материалов, 2024

© ФНИСЦ РАН, 2024

© Оригинал-макет. ООО «Реноме», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Социология здоровья

<i>Сурмач М. Ю., Езенчик О. А.</i> Мотивация родителей к сохранению здоровья своего ребенка: социологический анализ	5
---	---

Социология культуры

<i>Очерет А. Ю.</i> «„Партаки“ из подполья»: социально-экономические предпосылки существования теневого сегмента бьюти-индустрии на примере процедур эстетических боди-модификаций в современной России	24
<i>Ермолова А. И., Шовкун Э. Р.</i> Практики ностальгии по советскому у поколения 60–80-х гг.	56
<i>Рыжухина К. И.</i> Музейное пространство как среда взаимодействия с памятью индивидов: анализ поведения посетителей в рамках экспозиции «Советская эпоха» Музея политической истории России ...	70
<i>Сергеева А. В.</i> Молодеющая ностальгия: в каком возрасте можно начинать скучать по ушедшим временам. На примере видео пользователей социальной сети TikTok и YouTube-проекта «Попкульт»	99

Социально-политические исследования / Социология религии

<i>Гейм А. Д.</i> Взаимодействие Русской православной церкви и государства: основные направления и формы	109
--	-----

Научная жизнь

<i>Андреева А. С., Балацук Е. С., Володин Д. М., Кресникова Е. В., Шаритов Т. Б.</i> Международная конференция Центра молодежных исследований «Агентность и устойчивость молодежи в эпоху глобальных вызовов»	123
<i>Корнилова М. В., Галкин К. А.</i> Обзор круглого стола «Как отложить старение через хобби. Участие, адаптация и презентация своего возраста в моделинге»	133

Рецензии

<i>Заостровцев А. П.</i> Рецензия на книгу: Травин Д. Как мы жили в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 512 с. ISBN 978-5-4448-2531-0	140
---	-----

CONTENTS

Sociology of Health

<i>Surmach M. Yu., Yazepchuk O. A.</i> Parents' Motivation to Preserve their Child's Health: Sociological Analysis	5
--	---

Sociology of Culture

<i>Ocheret A. Y.</i> «Black-Market Body-Mods»: Socio-economic Background of a Shadow Segment of the Beauty Industry on the Example of Aesthetic Body Modification Procedures in Modern Russia	24
<i>Ermolova A. I., Shovkun E. R.</i> Practices of Nostalgia for the Soviet in the Generation of the 60–80s	56
<i>Ryzhukhina K. I.</i> The Museum Space as a Medium in Interaction of Public with Memory: The Analysis of Visitors' Behavior of the Exhibition "Soviet Era" in the Museum of Political History of Russia	70
<i>Sergeeva A. V.</i> Youthful Nostalgia: at What Age Can You Start to Miss Bygone Times	99

Socio-Political Studies / Sociology of Religion

<i>Geym A. D.</i> Interaction Between the Russian Orthodox Church and the State: The Main Directions and Forms	109
--	-----

Scientific Life

<i>Andreeva A. S., Balatsyuk E. S., Volodin D. M., Kresnikova E. V., Sharipov T. B.</i> International Conference "Youth Agency and Resilience in the Age of Global Challenges"	123
<i>Kornilova M. V., Galkin K. A.</i> Review of the Discussion «How to Postpone Aging through Hobbies. Participation, Adaptation and Presentation of One's Age in Modeling»	133

Reviews

<i>Zaostrovtshev A. P.</i> Book Review: Travin D. How We Lived in the USSR. Moscow: New Literary Review, 2024, 512 p. ISBN 978-5-4448-2531-0	140
--	-----

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.k8f3-cn50

EDN: PZVBDX

УДК 316:61

**МАРИНА ЮРЬЕВНА СУРМАЧ,
ОКСАНА АНТОНОВНА ЕЗЕПЧИК**

*Гродненский государственный медицинский университет
Гродно, Республика Беларусь*

МОТИВАЦИЯ РОДИТЕЛЕЙ К СОХРАНЕНИЮ ЗДОРОВЬЯ СВОЕГО РЕБЕНКА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

Аннотация. С целью изучить возможности влияния семьи на здоровье ребенка, охарактеризовать мотивацию к сохранению здоровья ребенка у родителей белорусских 10–14-летних подростков выполнен анализ публикаций и интернет-источников открытого доступа РИНЦ, Springer, интернет-портала ВОЗ, а также материалов опроса 1230 респондентов, воспитывающих детей 10–14-летнего возраста (выборка, территориально репрезентативная для Республики Беларусь), с применением методов описательной и непараметрической статистики. Установлено, что факторы семьи сохраняют лидирующие позиции в формировании здоровья подростка, независимо от национальной специфики. Мотивация на сохранение здоровья своего ребенка у родителей, воспитывающих детей 10–14-летнего возраста, проживающих в Беларуси, а также ответственность за его сохранение и укрепление, сформирована в достаточной степени. Наряду с некоторым недоверием и недостаточным пониманием государственного вклада в деятельность по укреплению здоровья подростка, такая сформированная персональная ответственность говорит о необходимости взаимодействия государственной власти с семьями на практическом уровне, уровне местных сообществ, школ, важности большей популяризации действий органов законодательной и исполнительной власти, уже объективно реализуемых в данном направлении. Риск иждивенческой позиции с перекладыванием ответственности «на плечи» государства при этом относительно невелик: не более 25% семей нуждаются в дополнительном контроле и, возможно, в социально-психологической помощи. Перспективными направлениями для проработки в мерах межведомственного

* При поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант Г24У-007 от 02.05.2024).

взаимодействия по оптимизации условий реализации мотивации родителей на здоровьесбережение семьи и воспитывающегося в семье ребенка являются следующие: 1) формирование адекватной медицинской активности родителей при воспитании детей подросткового возраста; 2) формирование психологического благополучия и морального микроклимата в семьях; 3) осознание родителями первостепенной роли эмоционального контакта с детьми, коммуникации «родители — подросток».

Ключевые слова: семья, родители, подростки, подростковый возраст 10–14 лет, здоровье, здоровый образ жизни, Республика Беларусь.

Ссылка для цитирования: Сурмач М. Ю., Езепчик О. А. Мотивация родителей к сохранению здоровья своего ребенка: социологический анализ // Петербургская социология сегодня. — 2024. — № 26. — С. 5–23. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.k8f3-cn50; EDN: PZVBDX

Введение

Анализируя состояние здоровья современных подростков и динамику его показателей, мы сталкиваемся с фактом значительного роста патологий, имеющих школьно-обусловленную природу, а также вклада социальных факторов здоровья, связанных с обучением и учреждениями образования. Такую закономерность можно обнаружить как по результатам зарубежных исследований (Поведение детей...; A focus on adolescent mental health...; A focus on adolescent peer violence...; A focus on adolescent physical activity...; Spotlight on adolescent health...; A network of care...), так и по национальным белорусским (Гузик 2021) и российским данным (Журавлева, Иванова, Ивахненко и др. 2020).

В проводимых нами на материалах национальной выборки ($n = 1118$, зарегистрированная в 2024 г. в Национальном центре интеллектуальной собственности Республики Беларусь база данных «Показатели здоровья подростков Республики Беларусь», авторы О. А. Езепчик, М. Ю. Сурмач) исследованиях здоровья 10–18-летних подростков было показано, что в последние годы ведущими заболеваниями среди белорусских подростков, независимо от пола и от проживания в городе или селе, являются: болезни глаза и его придаточного аппарата, болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани, болезни органов пищеварения и болезни органов дыхания, а также врожденные аномалии, деформации и хромосомные нарушения. Очевидно, что большинство из перечисленных классов заболеваний имеют школьно-обусловленную этиологию.

Школа и учреждения образования становятся той средой, которая все более и более агрессивно вмешивается в физиологические процессы взросления. Вместе с тем, наряду со школой, не менее важную роль

играет семья. Влияние семьи на здоровье ребенка невозможно переоценить. Несмотря на то что структура семей в современных условиях подвергается значительным трансформациям, стержнем данного социального института остаются отношения «родители — дети», которые реализуются в преемственности поколений. В числе всех возможных функций семьи как социального института сохраняют приоритет репродуктивная и воспитательно-социализирующая функции.

Цель исследования. Целью работы являлось изучить возможности влияния семьи на здоровье ребенка, охарактеризовать мотивацию родителей к сохранению здоровья ребенка (белорусских 10–14-летних подростков).

Материалы и методы

Исследование выполнено по данным систематического обзора публикаций и интернет-источников открытого доступа РИНЦ, Springer, интернет-портала Всемирной организации здравоохранения, а также на материалах опроса 1230 респондентов, воспитывающих детей 10–14-летнего возраста, составляющих часть базы данных «Здоровье-ориентированная модель поведения подростков Республики Беларусь» (Свидетельство о добровольной регистрации и депонировании объекта авторского права № 7-БД, год создания 2024, авторы О. А. Езепчик, М. Ю. Сурмач). Опрос выполнялся в организациях здравоохранения, при добровольном согласии респондентов.

Для статистической обработки социологической информации применены методы описательной и непараметрической статистики, в том числе расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена, расчет 95% доверительных интервалов (ДИ) для экстенсивных показателей по методу Вилсона, расчет критерия χ^2 для сравнения групп по экстенсивным показателям.

Результаты и их обсуждение

Семья и здоровье подростка: влияющие факторы в разных странах мира

Анализ публикаций, выполненный по данным опубликованных и представленных в интернет-доступе работ, показывает следующее.

Значимыми факторами здоровья ребенка, обусловленными влиянием семьи, независимо от национальной специфики, являются экономический статус семьи и уровень образования родителей. При этом наблюдается

однаправленная взаимосвязь указанных факторов. Так, по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, доля детей, посещавших врача с профилактической целью, падает с уменьшением дохода семьи (Рощина 2017), при этом, по данным В. В. Артёменко, А. А. Шабуновой, к 13 годам доля детей с хроническими заболеваниями в группе наименее обеспеченных семей составила 29%, в группе наиболее обеспеченных — 18% (Артёменко, Шабунова 2009; Степаненко, Шабунова 2009); затраты времени на дополнительные занятия у детей, проживающих в Российской Федерации, различаются в зависимости от уровня среднедушевого дохода домохозяйства, где проживает ребенок, а также в зависимости от характеристик образования родителей ребенка (Артемяева, Назимова 2017).

Вместе с тем рядом исследователей доказано, что экономический статус выступает не в качестве независимой переменной, а скорее как модератор связи некоторых факторов здоровья между родителями и подростками. В исследовании, выполненном в Бразилии, была проанализирована связь физической активности и малоподвижного поведения детей и родителей в связи с экономическими факторами: авторы отметили, что экономический статус семьи является важным модератором связи физической активности и малоподвижного поведения между родителями и подростками (Mesquita, Tebar, Correia et al. 2023).

Вероятно, экономический статус лишь опосредованно влияет на условия, необходимые для того, чтобы ребенок рос здоровым. Даже низкий экономический статус семьи может быть компенсирован при наличии хорошего психологического и эмоционального контакта между подростком и родителями (родителем), здоровьесберегающих «привычек» в семье, вовлеченности родителей в жизнь и здоровье ребенка, их информированности о его физическом и психическом состоянии, наличии психологического контакта и современного информирования родителями ребенка о необходимых для сохранения здоровья аспектах (в первую очередь это относится к репродуктивному здоровью).

Независимо от иных социальных и культурных факторов социума, очевидна взаимосвязь образа жизни родителей и их детей, а также прослеживается влияние психологического состояния родителей на благополучие их ребенка.

Одной из высокозначимых для здоровья ребенка функций современной семьи является функция психологической поддержки. Современная семья в целом может рассматриваться как «психологическое убежище» для ребенка. Если это не так, семья, по сути, дисфункциональна. Дети из дисфункциональных семей не могут выработать адекватные приспособительные психологические механизмы.

В результате у них развивается чувство безнадежности, безрадостности, низкая самооценка, агрессивность (Skoczylas, Zebrowski 2009). В семьях подростков с высоким уровнем агрессии «превалирует эмоциональное отвержение родителями подростка» (Пархомович 2014: 16). Следствием нарушения выработки приспособительных психологических механизмов является формирование поведенческих девиаций. Подростки с низкой самооценкой чаще начинают употреблять табак и алкоголь по сравнению с теми, у кого высокая самооценка. Низкая самооценка не позволяет противостоять давлению микросреды (Kemppainen, Tossavainen, Vartiainen et al. 2008). Дети, которые не находят в семье удовлетворения своих первостепенных проблем, таких как чувство безопасности, связи с близкими, чаще, чем дети из психологически благополучных семей, ищут утешения в алкоголе и психоактивных веществах.

С изменениями поведенческих стереотипов, обусловленных глобализацией и информатизацией внешней среды, в системе родители — ребенок появляются новые факторы, значимые для здоровья подрастающего поколения, как, например, техноферентность.

Термин «техноферентность» относится к привычкам, приводящим к нарушениям в межличностных отношениях, и рассматривается как «время, проведенное вместе, из-за использования электронных устройств». Новые данные свидетельствуют о наличии связи между родительской техноферентностью и нарушениями психического здоровья и поведения подростков. Так, коллективом авторов из Великобритании был выполнен аналитический обзор по шести базам данных (APA PsycINFO, MEDLINE, ASSIA, ERIC, Social-премиум-коллекция Sciences, SciTech Premium). Поиски включали статьи, исследующие связь между родительской техноферентностью, психическим здоровьем подростков и их агрессивным поведением. В результате поиска было обнаружено 382 статьи, из которых 13 статей соответствовали критериям отбора. Во всех исследованиях восприятие подростками родительской техноферентности было отрицательно связано с психическим здоровьем подростков и положительно связано с их агрессивным поведением. Родительская сплоченность и психическое здоровье были определены как важные опосредующие факторы. Авторы убедительно показали, что родителям следует осознавать среду, в которой они используют электронные устройства, поскольку их использование может прямо или косвенно влиять на психическое здоровье подростков и агрессивное поведение их детей в подростковом возрасте (Stockdale, Coyne, Padilla-Walker 2018).

Роль матери является первостепенной в восприятии подростком родительского эмоционального тепла. Образ жизни матери

и эмоциональный контакт с ребенком рассматриваются как высокозначимые факторы для здоровья ребенка.

Прослеживается доминирование роли матери среди иных членов семьи в формировании культуры питания и досуга подростка, в контроле за своевременным прохождением ребенком необходимых медицинских обследований (при этом фактор образования матери играет важную опосредующую роль) (Lee, Jin, Lee 2022). Женщины оказывают влияние на поведение всей семьи (Hildt-Ciupinska 2009). По одной из гипотез, формирование девиантного поведения у ребенка обуславливается ослаблением связи с матерью (Parental attachment... 2006). Снижение восприятия подростками родительского тепла предрасполагает подростков к агрессии в сети Интернет — киберзапугиванию (Stockdale, Coyne, Padilla-Walker 2018). Подростки, воспринимавшие более низкий уровень материнского принятия, более склонны к кибербуллингу (Qu, Lei, Wang et al. 2022).

Известно также, что «алкогольное поведение» родителей повторяется в поведении подростка (Abar, Abar, Turrisi 2009; Klimberg, Marcinkowski, Przybylski 2009). По данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, дети из семей, где для обоих родителей характерно неумеренное потребление алкоголя, в среднем сами более склонны к употреблению спиртных напитков. В случае с подростками от 14 до 17 лет неумеренное потребление алкоголя матерью оказывает более существенное влияние, чем неумеренное потребление алкоголя отцом. При этом отсутствие в домохозяйстве отца в сочетании с неумеренным потреблением алкоголя матерью — наиболее неблагоприятное сочетание для роста риска употребления алкоголя подростком (Кондратенко 2022).

Наиболее негативный фактор микроклимата семьи — насилие, независимо от национальной и культурной специфики социума.

Таким образом, очевидно, что мотивация родителей к сохранению здоровья своего ребенка и ее реализация в осознанном здоровьесберегающем поведении — фактор, остро значимый для сохранения и укрепления здоровья подростка в любой стране мира.

Мотивация белорусских родителей к сохранению здоровья своего 10–14-летнего ребенка: результаты опроса

Из 1230 респондентов, воспитывающих детей 10–14-летнего возраста — 39,14% опрошенных имеют двух, 37,52% — одного, 15,27% — трех, остальные — четырех и более детей. По возрасту детей (10, 11, 12, 13, 14 лет соответственно) структура респондентов оказалась почти

равномерной: доли составили от 17,75 (имеют ребенка возраста 14 лет) до 19,68% (ребенок возраста 11 лет). Респонденты разделились поровну в зависимости от пола воспитываемого ребенка. Ответили, что их ребенок воспитывается в полной семье — «мама и папа» (оценили свою семью как полную), 83,9% опрошенных. Около 72,4% респондентов — женщины.

Считают образ жизни своей семьи здоровым 64,1% родителей, нездоровым — 7,05%, около четверти опрошенных затруднились с оценкой образа жизни в их семье. Образ жизни своего ребенка считают здоровым 69,4% опрошенных (что статистически не отличается от доли родителей, оценивающих как здоровый образ жизни своей семьи), 8,06% отмечают, что образ жизни их ребенка здоровым не является. Каждый четвертый-пятый респондент затруднился с ответом. Наблюдается прямая корреляционная связь (r Спирмена составил 0,58, $p < 0,05$) между оценкой образа жизни своей семьи и своего ребенка. В полных семьях оценивают образ жизни ребенка как здоровый 74,2% [0,7155, 0,7675] родителей, в неполных — 61,9% [0,5385, 0,6936], вышеуказанные доли статистически значимо различаются ($\chi^2 = 9,27$, $p = 0,023$). Респонденты-женщины оценивают образ жизни ребенка как здоровый в 74,07% [0,711, 0,7684], мужчины — в 69,3% [0,6422, 0,7399] случаев. Несмотря на определенную тенденцию более низкой оценки мужчинами, вышеуказанные доли значимо не различаются ($\chi^2 = 0,45$, $p = 0,5$).

На вопрос о том, что такое здоровый образ жизни, абсолютное большинство родителей выбрали вариант ответа «Здоровое питание» (83,4%), затем по частоте выбора следовали варианты ответа «Отказ от вредных привычек» (76,7%), «Оптимальная двигательная активность» (69,2%), «Соблюдение правил личной гигиены» (61,63%), «Соблюдение режима дня» (60,93%), «Своевременное обращение за медицинской помощью в случае заболевания» (44,1%), «Пребывание в стабильном психоэмоциональном состоянии» (44,1%), «Прохождение медосмотров для контроля за состоянием здоровья» (43,3%). Единичные респонденты отметили вариант «Другое», указав при этом: «Взаимопонимание в семье», «Здоровые мысли», «Отказ от плохого влияния», «Здоровая психика у родителей», «Занятия спортом и правильное питание», «Восполнение дефицита витаминов», «Социальное просвещение», «Здоровое общение с друзьями».

На просьбу оценить уровень здоровья своего ребенка по десятибалльной шкале большинство опрошенных (31,86%) отметили балл «8». Распределение ответов родителей оказалось близким к нормальному (рис. 1), средний балл оценки составил $8,15 \pm 0,036$ балла ($M \pm m$) (рис. 2).

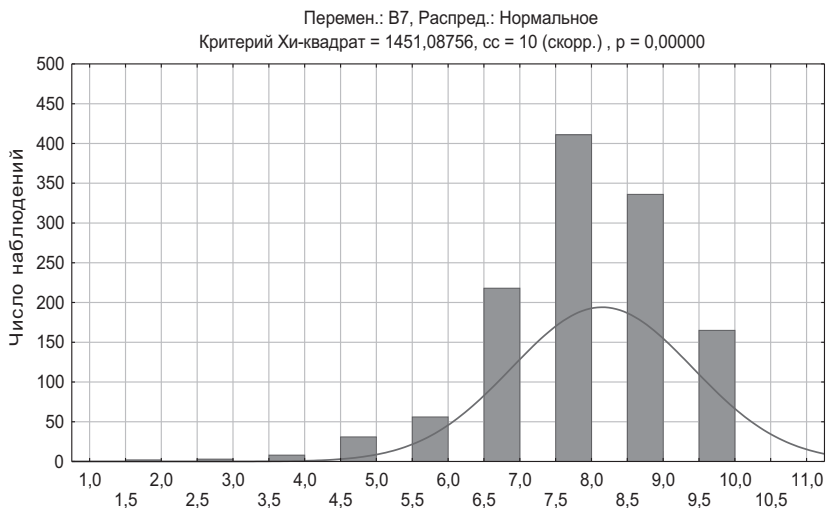

Рис. 1. Оценка уровня здоровья своего ребенка родителями, 10-балльная шкала. Распределение ответов

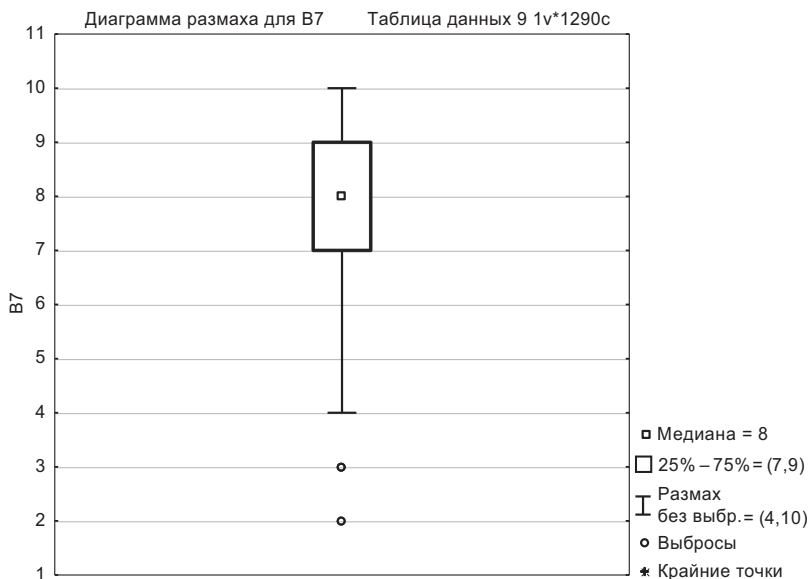

Рис. 2. Оценка уровня здоровья своего ребенка родителями, 10-балльная шкала. Диаграмма размаха

Считают, что состояние здоровья их ребенка за последний год улучшилось 25,1% родителей, ухудшилось — 10,31%. Состояние здоровья ребенка большинства респондентов за последний предшествующий опросу год не изменилось. На вопрос о том, заботится ли их ребенок о своем здоровье, только 6,43% родителей ответили отрицательно. Вместе с тем 47,13% опрошенных указали, что забота их ребенка о собственном здоровье недостаточна. Единичные респонденты отметили альтернативу ответа «Другое», указав при этом, что «Ребенок заботится в меру своего возраста», «Родители заботятся за него», «Ребенок является инвалидом и не может самостоятельно заботиться о своем здоровье».

Забота ребенка о собственном здоровье заключалась в следующих действиях: отказывается от вредных привычек (54,2%), придерживается принципов здорового питания (51,9%), регулярно занимается физкультурой, посещает спортивные секции (57,5%), проходит медицинские осмотры с целью контроля за состоянием своего здоровья (34,7%), своевременно обращается за медицинской помощью в случае заболевания (34,4%), соблюдает режим дня (41,9%), соблюдает правила личной гигиены (61,4%), занимается закаливанием организма (14,03%), старается испытывать положительные эмоции, ограждает себя от стрессов (27,5%). Единичные ответы включили вариант «Другое», в том числе «жизнь за городом, пребывание на свежем воздухе», «занимается физкультурой, но нерегулярно», «плавание для здоровья».

На вопрос «Как Вы думаете, у Вашего ребенка есть знания для сохранения своего здоровья?» были получены следующие ответы: каждый третий (35,3%) родитель оценил знания своего ребенка как «полные и достаточные», около 2,6% оценили знания как «отсутствующие». Большинство опрошенных отметили, что знания имеются, но недостаточные. Отдельные респонденты отметили, что «знания достаточны для возраста ребенка», «знания есть, но не всегда правильные», а также уточняли свой ответ как «не общались на эту тему», «затрудняюсь ответить».

Заботясь о здоровье ребенка, 62,3% родителей стараются обеспечить ему (ей) полноценный сон, 81,2% — полноценное и регулярное питание, 48,1% обеспечивают ребенку прогулки на свежем воздухе, подвижные игры, 65,5% своевременно обращаются за медицинской помощью для ребенка, 49,9% регулярно беседуют с ребенком о вреде для здоровья курения, алкоголя, 39% родителей беседуют о правилах безопасного поведения, 46,6% контролируют соблюдение ребенком режима дня, 36,5% ограждают от стрессов, половина (50,6%) родителей приобретают для ребенка витамины, 37,13% контролируют прививание ребенка согласно календарю прививок, 35,6% контролируют выполнение всех рекомендаций медработников. Отдельные варианты ответа звучали как

«провожаю время вместе», «делюсь своим опытом», «записал в секцию». В нашей выборке не было ни одного респондента, кто бы отметил, что совсем не заботится о здоровье своего ребенка.

На вопрос о том, достаточно ли опрашиваемый уделяет внимание укреплению здоровья своего ребенка, 56,7% ответили утвердительно. Около 7,8% оценили свое внимание как недостаточное по причине отсутствия необходимых знаний, 28,7% — как недостаточное по причине дефицита времени, занятости, немногим более 1% родителей отметили в качестве причины собственную лень, 2,25% — наличие более важных дел, 2,6% — отсутствие физических и моральных сил. Единичные ответы звучали по-иному: «Забочусь недостаточно, так как не всегда есть возможность», «недостаточно из-за материального положения» («нехватка денег», «из-за финансового положения»), «ребенок не одобит», «еще трое детей есть».

Доводы, которые приводят родители в беседах с ребенком о необходимости заботы о здоровье, чаще всего заключаются в следующем: «не будешь болеть» (63,95%), «будешь жить долго» (39,7%), «будешь сильным и красивым» (52,8%), «многого добьешься в жизни, станешь успешным» (22,3%), «у тебя родятся здоровые дети» (25,97%), «будешь чувствовать себя счастливым» (21,4%). Единичные ответы дополняли варианты такими мнениями, как «будешь сильным и умным», «качество твоей жизни станет лучше». Только 3,3% отметили, что не разговаривали с ребенком на данную тему.

Мнения родителей по вопросу «Кто, на Ваш взгляд, должен проводить работу по сохранению и укреплению здоровья, пропагандировать здоровый образ жизни среди детей?» (родителям предлагалось выбрать место по пятибалльной шкале, где 1 балл означал «должны в первую очередь», 5 баллов — «должны в наименьшей степени») практически не разделились: три четверти (73,6%) опрошенных [74,81; 79,49] на первое место поставили ответ «родители». Вместе с тем 18,7% [17,47; 21,9] первое место отдали школе (или другим учебным заведениям), 17,8% [16,54; 20,89] — медицинским работникам. Выбор варианта 5 баллов — «должны в наименьшей степени» пал на «органы государственной власти» (57,36% [57,4; 62,86] соответственно).

Обсуждение

Анализ полученных результатов показывает, что только две трети опрошенных считают образ жизни своей семьи здоровым, чуть более двух третей (69,4%) оценивают как здоровый образ жизни своего ребенка, при этом между данными параметрами присутствует

однонаправленная связь средней тесноты (ρ Спирмена = 0,58, $p < 0,05$). Родители из числа полных семей чаще ($\chi^2 = 9,27$, $p = 0,023$) оценивают образ жизни ребенка как здоровый — 95%; ДИ доли таких оценок составляет [0,7155, 0,7675] против [0,5385, 0,6936] в неполных семьях ($p = 0,023$). Гендерные различия свидетельствуют о некоторой более позитивной оценке образа жизни ребенка женщинами, вместе с тем данная тенденция не подкрепляется результатами статистического анализа. Оценка родителями уровня здоровья своего ребенка по десятибалльной шкале составила от 4 до 10 баллов, средний балл $8,15 \pm 0,036$ ($M \pm m$).

В понятие здорового образа жизни родители вкладывают здоровое питание (83,4%), отказ от вредных привычек (76,7%) и оптимальную двигательную активность (69,2%). Около двух третей опрошенных отмечают также соблюдение правил личной гигиены (61,63%) и режим дня. Вместе с тем менее половины опрошенных придают значение медицинской активности и здоровому психоэмоциональному фону в семье. При этом каждый десятый отмечает, что состояние здоровья ребенка за последний год ухудшилось, и около половины респондентов отмечают, что их ребенок недостаточно заботится о своем здоровье.

Забота о здоровье ребенком проявлялась чаще всего в соблюдении правил личной гигиены, занятиях физкультурой, отказе от вредных привычек и здоровом питании (от половины до двух третей родителей выбирали данные варианты ответа). Только 41,9% родителей отметили соблюдение ребенком режима дня, третья часть родителей отметили достаточную медицинскую активность своего ребенка, четверть — что их ребенок старается испытывать положительные эмоции, ограждает себя от стрессов, каждый седьмой отметил, что ребенок старается закалять свой организм.

Всего лишь 35,3% родителей отметили, что у их ребенка достаточно информации и знаний для сохранения своего здоровья. При этом только 49,9% регулярно беседуют с ребенком о вреде для здоровья курения, алкоголя, 39% родителей беседуют о правилах безопасного поведения. Чтобы мотивировать ребенка к здоровьесбережению, чаще всего родители приводят такие доводы, как «не будешь болеть» и «будешь сильным и красивым».

Заботясь о здоровье ребенка, большинство опрошенных стараются обеспечить ему (ей) полноценное и регулярное питание (81,2%), две трети (62,3%) стараются обеспечить полноценный сон, половина (50,6%) родителей приобретают для ребенка витамины.

Только 65,5% родителей указали, что своевременно обращаются за медицинской помощью для ребенка, 35,6% контролируют выполнение всех рекомендаций и 37,13% контролируют прививание ребенка

согласно календарю прививок. Примерно треть (36,5%) родителей указали, что ограждают ребенка от стрессов.

Считают, что достаточно уделяют внимание укреплению здоровья своего ребенка, чуть более половины (56,7%) респондентов. Чаще всего причиной недостаточного внимания являлась, по мнению родителей, занятость. Только в каждом четырнадцатом случае причиной стала нехватка информации. При этом в первую очередь заботу о здоровье ребенка опрошенные считают обязанностью родителей ([74,81; 79,49] на первое место по шкале значимости поставили ответ «родители»); школа и медицинские работники были упомянуты как наиболее значимые в структуре ответственных за «работу по сохранению и укреплению здоровья, пропаганде здорового образа жизни среди детей» только в 18,7 и 17,8% ответов, соответственно. Больше половины опрошенных сочли, что органы власти в меньшей степени ответственны за здоровье детей (57% и 64%). Вместе с тем государственная политика Республики Беларусь направлена на сохранение и укрепление здоровья населения, является высоко социально ориентированной, здоровье подрастающего поколения рассматривается как необходимое условие национальной безопасности страны. Республика Беларусь объективно может являться примером в числе стран постсоветского пространства по содержанию и объему государственных мер поддержки материнства и детства, семей, демографической безопасности в целом.

Выводы

Факторы, связанные с семьей, сохраняют первостепенную значимость в формировании здоровья подростка, несмотря на возрастающее влияние внешней социальной среды, школьно-опосредованных факторов, цифровизации и глобализации. Мотивация родителей к сохранению здоровья своего ребенка и ее реализация проявляется в осознанном здоровьесберегающем поведении — фактор, остро значимый для сохранения и укрепления здоровья подростка из любой страны мира.

Белорусские семьи дают высокую оценку состоянию здоровья воспитывающихся в них детей возраста 10–14 лет. Очевидна сформированная родительская ответственность за здоровье ребенка у абсолютного большинства (не менее трех четвертей) родителей.

Вместе с тем в нашем исследовании выявились и настораживающие факты. Так, родители из числа неполных семей значимо реже оценивают образ жизни своего ребенка как здоровый. Менее половины опрошенных придают значение достаточной медицинской активности,

а также здоровому психоэмоциональному фону в семье. Около половины родителей считают, что забота их ребенка о здоровье недостаточна. Анализ ответов в целом дает представление о причинах такой оценки: она связана с нехваткой у ребенка информации о сохранении здоровья, его (ее) недостаточной медицинской активностью, несоблюдением режима дня и наличием психологических стрессовых факторов. Несмотря на то что данная картина получена исходя из ответов родителей, их ответы показывают, что только половина родителей регулярно беседуют с ребенком о вреде для здоровья курения, алкоголя, 39% — о правилах безопасного поведения. Треть родителей отмечают, что не всегда своевременно обращаются за медицинской помощью для ребенка, две трети не всегда контролируют выполнение всех рекомендаций медицинских работников, включая прививание ребенка согласно календарю прививок. Почти половина родителей осознают, что недостаточно уделяют внимания здоровью своего ребенка, прежде всего ввиду собственной занятости.

С одной стороны, отрадно (поскольку свидетельствует о сформированной персональной ответственности), с другой — настораживает, что ответственность органов государственной власти за работу по сохранению и укреплению здоровья, популяризацию здорового образа жизни среди детей более чем половина опрошенных определяют как минимальную.

Заключение

Фактор семьи сохраняет лидирующие позиции в формировании здоровья подростка, независимо от национальной специфики. Мотивация на сохранение здоровья своего ребенка у родителей, воспитывающих детей 10–14-летнего возраста, проживающих в Беларуси, а также ответственность за его сохранение и укрепление, сформирована в достаточной степени. Наряду с некоторым недоверием и недостаточным пониманием государственного вклада в деятельность по укреплению здоровья подростка, такая сформированная персональная ответственность говорит о необходимости взаимодействия государственной власти с семьями на практическом уровне, уровне местных сообществ, школ, важности большей популяризации действий органов законодательной и исполнительной власти, уже объективно реализуемых в данном направлении. Риск иждивенческой позиции с перекладыванием ответственности «на плечи» государства при этом относительно невелик: не более 25% семей нуждаются в дополнительном контроле и, возможно, социально-психологической помощи.

Также следует отметить, что перспективным направлением для проработки в мерах межведомственного взаимодействия по оптимизации условий реализации мотивации родителей на здоровьесбережение семьи и воспитывающегося в семье ребенка являются следующие: 1) формирование адекватной медицинской активности родителей при воспитании детей подросткового возраста; 2) повышение понимания значимости и формирование психологического благополучия и морального микроклимата в семьях; 3) осознание родителями первостепенной роли эмоционального контакта с детьми, коммуникации «родители — подросток».

Источники

Артемяева Н. М., Назимова А. С. Чем занимаются дети в России: практики и динамика временных затрат // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 7 / Отв. ред. П. М. Козырева. — М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2017. — С. 117–128.

Артёмченко В. В., Шабунова А. А. Влияние социально-экономических характеристик семьи на здоровье детей // Проблемы развития территории. — 2009. — № 4, вып. 48. — С. 68–77.

Гузик Е. О. Гигиенические основы формирования здоровья учащихся учреждений общего среднего образования: автореф. дис. ... д-ра мед. наук: 14.02.01. — Минск, 2021. — 52 с.

Журавлева И. В., Иванова Л. Ю., Ивахненко Г. А., Лакомова Н. В., Резникова Т. П. Здоровье подростков и окружающая среда: изменения за 20 лет: монография / Отв. ред. И. В. Журавлева; ФНИСЦ РАН. — М.: ФНИСЦ РАН, 2021. — 309 с. — URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9847> DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-356-0.2021 (дата обращения: 08.11.2024).

Кондратенко В. А. Структура и типы потребления алкоголя российской молодежью и их родителями в 2006–2019 гг. // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 12 / Отв. ред. П. М. Козырева. — М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2022. — С. 150–177. — DOI: 10.19181/rlms-hse.2022.5.

Пархомович В. Б. Психосоциальная адаптация подростков с различной степенью агрессивности: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. — Минск, 2014. — 24 с.

Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья (HBSC) [Электронный ресурс] // ВОЗ Европейский регион, Европейский портал информации здравоохранения [сайт]. — URL: <https://gateway.euro.who.int/ru/datasets/hbsc/> (дата обращения: 08.11.2024).

Рощина Я. М. Дети и подростки в России в 1994–2015 гг.: здоровье, образование и характеристики семьи // Вестник Российского мониторинга

экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 7 / Отв. ред. П. М. Козырева. — М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2017. — С. 96–116.

Степаненко В. В., Шабунцова А. А. Влияние материального положения семьи на здоровье детей // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. — 2009. — Вып. 45. — С. 80–85.

A focus on adolescent mental health and well-being in Europe, central Asia and Canada Health Behaviour in School-aged Children international report from the 2021/2022 survey. Vol. 1. — Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2023 [Electronic resource]. — URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/373201/9789289060356-eng.pdf?sequence=2&isAllowed=y> (access date: 08.11.2024).

A focus on adolescent peer violence and bullying in Europe, central Asia and Canada Health Behaviour in School-aged Children international report from the 2021/2022 survey. Vol. 2. — Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2024 [Electronic resource]. — URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/376323/9789289060929-eng.pdf?sequence=2&isAllowed=y> (access date: 08.11.2024).

A focus on adolescent physical activity, eating behaviours, weight status and body image in Europe, central Asia and Canada Health Behaviour in School-aged Children international report from the 2021/2022 survey. Vol. 4. — Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2024 [Electronic resource]. — URL: <https://iris.who.int/handle/10665/376772> (access date: 08.11.2024).

A network of care: the importance of social support for adolescents in the WHO European Region during the COVID-19 pandemic Impact of the COVID-19 pandemic on young people's health and well-being from the findings of the HBSC survey round 2021/2022. — Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2023 [Electronic resource]. — URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/369716/WHO-EURO-2023-7744-47512-69873-eng.pdf?sequence=2> (access date: 08.11.2024).

Abar C., Abar B., Turrisi R. The impact of parental modeling and permissibility on alcohol use and experienced negative drinking consequences in college // Addict Behav. — 2009. — Vol. 34, no. 6–7. — P. 542–547. — DOI: 10.1016/j.addbeh.2009.03.019.

Hildi-Ciupinska K. Skala pozytywnych zachowan zdrowotnych dla kobiet // Probl Hyg Epidemiol. — 2009. — Vol. 90, no. 2. — P. 185–190.

Kemppainen U., Tossavainen K., Vartiainen E. et al. Environmental factors as predictors of alcohol use among ninth-grade adolescents in Pitkaranta (Russian Karelia) and in Eastern Finland // Scand J Public Health. — 2008. — Vol. 36, no. 7. — P. 769–777. — DOI: 10.1177/1403494808089650.

Klimberg A., Marcinkowski J. T., Przybylski J. Konsumpcja alkoholu i innych srodkow psychoaktywnych wsrod studentow poszczegolnych kierunkow uniwersyteckich studiow medycznych. Czesc IV. Sceneria wokol konsumpcji alcohol // Probl Hyg Epidemiol. — 2009. — Vol. 90, no. 2. — P. 218–221.

Lee J. S., Jin M. H., Lee H. J. Global relationship between parent and child obesity: a systematic review and meta-analysis // *Clin Exp Pediatr.* — 2022. — Vol. 65, no. 1. — P. 35–46. — DOI: 10.3345/cep.2020.01620.

Mesquita E. D. L., Tebar W. R., Correia D. C. Q. et al. Physical activity and sedentary behaviour of adolescents and their parents: a specific analysis by sex and socioeconomic status // *Arch Public Health.* — 2023. — Vol. 81, no. 1. — P. 189. — DOI: 10.1186/s13690-023-01185-1.

H. Van der Vorst, R. C. Engels, W. Meeus et al. Parental attachment, parental control, and early development of alcohol use: a longitudinal study // *Psychol Addict Behav.* — 2006. — Vol. 20, no. 2. — P. 107–116. — DOI: 10.1037/0893-164X.20.2.107.

Qu J., Lei L., Wang X. et al. Mother Phubbing and Adolescent Cyberbullying: The Mediating Role of Perceived Mother Acceptance and the Moderating Role of Emotional Stability // *J Interpers Violence.* — 2022. — Vol. 37, no. 11–12. — P. 9591–9612. — DOI: 10.1177/0886260520983905.

Skoczylas P., Zebrowski M. R. Ocena stopnia narazenia dzieci i mlodziezy na agresje w szkole w srodowisku wielkomiejskim // *Probl Hyg Epidemiol.* — 2009. — Vol. 90, no. 2. — P. 191–194.

Spotlight on adolescent health and well-being. Findings from the 2017/2018 Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) survey in Europe and Canada. International report. Vol. 1: Key Findings. — Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2020 [Electronic resource]. — URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/332091/9789289055000-eng.pdf> (access date: 08.11.2024).

Stockdale L., Coyne S., Padilla-Walker L. Parent and child technoference and socioemotional behavioral outcomes: a nationally representative study of 10- to 20 year-old adolescents // *Comput Hum Behav.* — 2018. — No. 88. — P. 219–226. — DOI: 10.1016/j.chb.2018.06.034.

Сведения об авторах

Сурмач Марина Юрьевна, доктор медицинских наук,
Гродненский государственный медицинский университет,
Гродно, Республика Беларусь.
marina_surmach@mail.ru

Езепчик Оксана Антоновна, Гродненский
государственный медицинский университет,
Гродно, Республика Беларусь.
yazephyk87@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 08.11.2024;
поступила после рецензирования и доработки: 10.12.2024;
принята к публикации: 24.12.2024.

MARINA YU. SURMACH, OKSANA A. YAZEPCHYK

Grodno State Medical University, Grodno, Republic of Belarus

PARENTS' MOTIVATION TO PRESERVE THEIR CHILD'S HEALTH: SOCIOLOGICAL ANALYSIS*

Abstract. In order to study the possibilities of family influence on child health, to characterize the motivation to preserve it among parents of Belarusian 10–14-year-old adolescents, we analyzed publications and open access Internet sources ПИИЛ, Springer, WHO Internet portal, as well as the materials of a survey of 1230 respondents raising 10–14-year-old children (the sample is territorially representative for the Republic of Belarus), using descriptive and non-parametric statistics. It was found that family factors retain leading positions in the formation of adolescent health, regardless of national specifics. The motivation to preserve their child's health among parents raising 10–14-year-old children living in Belarus, as well as the responsibility for its preservation and strengthening, has been sufficiently formed. Along with a certain distrust and insufficient understanding of the state contribution to the activities aimed at improving the health of adolescents, such formed personal responsibility indicates the need for interaction between the state authorities and families at the practical level, the level of local communities and schools, and the importance of greater popularization of the actions of the legislative and executive authorities, which are already being objectively implemented in this direction. The risk of a dependent position with shifting responsibility 'on the shoulders' of the state is relatively low — no more than 25% of families need additional control and, possibly, social and psychological support.

Keywords: family, parents, adolescents aged 10–14, health, health promotion, Republic of Belarus.

For citation: Surmach M. Yu., Yazepchik O. A. Parents' Motivation to Preserve their Child's Health: Sociological Analysis. St. Petersburg Sociology Today. 2024. No. 26. P. 5–23. DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.k8f3-cn50; EDN: PZVBDX

References

A focus on adolescent mental health and well-being in Europe, central Asia and Canada Health Behaviour in School-aged Children international report from the 2021/2022 survey. Volume 1. [Copenhagen, WHO Regional Office for Europe, 2023]. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/373201/9789289060356-eng.pdf?sequence=2&isAllowed=y> (access date: 08.11.2024).

A focus on adolescent peer violence and bullying in Europe, central Asia and Canada Health Behaviour in School-aged Children international report from the 2021/2022 survey.

* With the support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (grant Г24У-007 dated May 2nd 2024).

Volume 2 [Copenhagen, WHO Regional Office for Europe, 2024]. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/376323/9789289060929-eng.pdf?sequence=2&isAllowed=y> (access date: 08.11.2024).

A focus on adolescent physical activity, eating behaviours, weight status and body image in Europe, central Asia and Canada Health Behaviour in School-aged Children international report from the 2021/2022 survey. Volume 4 [Copenhagen, WHO Regional Office for Europe, 2024]. URL: <https://iris.who.int/handle/10665/376772> (access date: 08.11.2024).

A network of care: the importance of social support for adolescents in the WHO European Region during the COVID-19 pandemic Impact of the COVID-19 pandemic on young people's health and well-being from the findings of the HBSC survey round 2021/2022 [Copenhagen, WHO Regional Office for Europe, 2023]. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/369716/WHO-EURO-2023-7744-47512-69873-eng.pdf?sequence=2> (access date: 08.11.2024).

Abar C., Abar B., Turrisi R. The impact of parental modeling and permissibility on alcohol use and experienced negative drinking consequences in college. *Addict Behav.*, 2009, vol. 34, no. 6–7, pp. 542–547. DOI: 10.1016/j.addbeh.2009.03.019.

Artemyeva N. M., Nazimova A. S. What children do in Russia: practices and time-consuming dynamics. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo prognoza i zdorov'ya naseleniya NIU VSHE (RMEZ-VSHE). Iss. 7* [Bulletin of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Public Health of the Higher School of Economics (RLMS-HSE). Issue 7] Moscow, National Research University Higher School of Economics, 2017, pp. 117–128. (In Russ.)

Artyomenko V. V., Shabunova A. A. The impact of socio-economic characteristics of the family on children's health. *Problemy razvitiya territorii*. 2009, no. 4, iss. 48, pp. 68–77. (In Russ.)

Guzik E. O. *Gigienicheskie osnovy formirovaniya zdorov'ya uchashchikhsya uchrezhdenii obshchego srednego obrazovaniya*: dissertation [Hygienic principles for the formation of the health of students in general secondary education institutions]. Minsk, 2021. 52 p. (In Russ.)

Health behavior of School-age children (HBSC) [Electronic resource]. WHO European Region, European Health Information Portal [web-site]. URL: <https://gateway.euro.who.int/ru/datasets/hbsc/> (access date: 08.11.2024).

Hildt-Ciupinska K. Skala pozytywnych zachowan zdrowotnych dla kobiet // *Probl Hyg Epidemiol.*, 2009, vol. 90, no. 2, pp. 185–190.

Kemppainen U., Tossavainen K., Vartiainen E., Jokela V., Puska P., Pantelejev V., Uhanov M. Environmental factors as predictors of alcohol use among ninth-grade adolescents in Pitkaranta (Russian Karelia) and in Eastern Finland. *Scand J Public Health*, 2008, vol. 36, no. 7, pp. 769–777. DOI: 10.1177/1403494808089650.

Klimberg A., Marcinkowski J. T., Przybylski J. Konsumpcja alkoholu i innych srodkow psychoaktywnych wzrod studentow poszczegolnych kierunkow uniwersyteckich studiow medycznych. Czesc IV. Sceneria wokol konsumpcji alcohol. *Probl. Hyg. Epidemiol.*, 2009, no. 2, pp. 218–221.

Kondratenko V. A. Structure and types of alcohol consumption by Russian youth and their parents in 2006–2019 // *Vestnik Rossiyskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VSHE (RLMS-HSE). Iss. 12* [Bulletin of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Public Health of the Higher School of Economics (RLMS-HSE). Issue 12]. Moscow, National Research University Higher School of Economics, 2022, pp. 150–177. DOI: 10.19181/rms-hse.2022.5. (In Russ.)

Lee J. S., Jin M. H., Lee H. J. Global relationship between parent and child obesity: a systematic review and meta-analysis. *Clin Exp Pediatr*, 2022, vol. 65, no. 1, pp. 35–46. DOI: 10.3345/cep.2020.01620.

Mesquita E. D. L., Tebar W. R., Correia D. C. Q., Guica J. T., Torres W., Fernandes R. A., Agostinete R. R., Christofaro D. G. D. Physical activity and sedentary behaviour of adolescents

and their parents: a specific analysis by sex and socioeconomic status. *Arch Public Health*, 2023, vol. 81, no. 1, pp. 189. DOI: 10.1186/s13690-023-01185-1.

Parkhomovich V. B. *Psichosotsial'naya adaptatsiya podrostkov s razlichnoy stepen'yu agressivnosti*: dissertation [Psychosocial adaptation of adolescents with varying degrees of aggressiveness: dissertation]. Minsk, 2014, 24 p. (In Russ.)

Qu J., Lei L., Wang X., Xie X., Wang P. Mother Phubbing and Adolescent Cyberbullying: The Mediating Role of Perceived Mother Acceptance and the Moderating Role of Emotional Stability. *J Interpers Violence*, 2022, vol. 37, no. 11–12, pp. 9591–9612. DOI: 10.1177/0886260520983905.

Roshchina Ya. M. Children and adolescents in Russia in 1994–2015: health, education and family characteristics. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo prognoza i zdorov'ya naseleniya NIU VSHE (RMEZ-VSHE). Iss. 7* [Bulletin of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Public Health of the Higher School of Economics (RLMS-HSE). Issue 7]. Moscow, National Research University Higher School of Economics, 2017, pp. 96–116. (In Russ.)

Skoczylas P., Zebrowski M. R. Ocena stopnia narazenia dzieci i mlodziezy na agresje w szkole w srodowisku wielkomiejskim. *Probl. Hyg. Epidemiol.*, 2009, no. 2, pp. 191–194.

Spotlight on adolescent health and well-being. Findings from the 2017/2018 Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) survey in Europe and Canada. International report Volume 1. Key Findings [Copenhagen, WHO Regional Office for Europe, 2020]. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/332091/9789289055000-eng.pdf> (access date: 08.11.2024).

Stepanenko V. V., Shabunova A. A. The impact of the financial situation of the family on the health of children // *Economic and social changes in the region: facts, trends, forecast*, 2009, no. 45, pp. 80–85. (In Russ.)

Stockdale L., Coyne S., Padilla-Walker L. Parent and child technoference and socioemotional behavioral outcomes: a nationally representative study of 10- to 20 year-old adolescents. *Comput Hum Behav.*, 2018, no. 88, pp. 219–226. DOI: 10.1016/j.chb.2018.06.034.

Van der Vorst H., Engels R. C., Meeus W., Dekovic M. Parental attachment, parental control, and early development of alcohol use: a longitudinal study. *Psychol Addict Behav.*, 2006, vol. 20, no. 2, pp. 107–116. DOI: 10.1037/0893-164X.20.2.107.

Zhuravleva I. V., Ivanova L. Ju., Ivahnenko G. A., Lakomova N. V., Reznikova T. P. *Zdorov'e podrostkov i okruzhajushhaja sreda: izmenenija za 20 let: monografiya*. [Adolescent health and the environment: changes in 20 years]. Moscow, FNIS RAN, 2021, 309 p. (In Russ.)

Information about the authors

Surmach Marina Yu., Doctor of Medical Sciences,
Grodno State Medical University,
Grodno, Republic of Belarus.
marina_surmach@mail.ru

Yazepchyk Oksana A., Grodno State Medical University,
Grodno, Republic of Belarus.
yazepchyk87@mail.ru

Received: 08.11.2024;
revised after review: 10.12.2024;
accepted for publication: 24.12.2024.

DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.nx07-gd97

EDN: NQIZRT

УДК 316.7

АННА ЮРЬЕВНА ОЧЕРЕТ

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия*

«„ПАРТАКИ“ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ТЕНЕВОГО СЕГМЕНТА БЬЮТИ-ИНДУСТРИИ НА ПРИМЕРЕ ПРОЦЕДУР ЭСТЕТИЧЕСКИХ БОДИ-МОДИФИКАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Современная бьюти-индустрия является многогранной и быстро развивающейся отраслью, объединяющей под собой многообразие косметических и косметологических услуг. На примере таких инвазивных и подразумевающих контакт с кровью бьюти-процедур, как эстетические боди-модификации (пирсинг и художественное татуирование), были рассмотрены предпосылки принятия решений о пользовании услугами боди-модификаций теневого сегмента бьюти-индустрии и механизмы риск-менеджмента потребителей в условиях повышенных медицинских рисков. На основе полуструктурированных интервью с совершеннолетними потребителями услуг художественного татуирования и пирсинга у специалистов неформального сегмента ($N = 17$) были выделены следующие социально-экономические предпосылки предпочтения специалистов «на дому»: экономия, невысокий уровень доверия к салонной индустрии, элементы экономики впечатлений и их отражение в неформальных обстоятельствах процедуры, стремление к уединенной ритуальной обстановке, а также приоритизация художественного вкуса и мастерства специалиста над возможными рисками. Потребители воспринимают медикализированные риски процедур как минимальные, при этом опасаются насильственных рисков и рисков эстетических издержек. Три типичных сценария вовлечения в теневой сегмент услуг боди-модификаций включают в себя поиск специалиста через межличностные сети, поиск мастера на специализированных платформах и потребление услуг

боди-модификаций в «третьем месте». Во всех случаях в инициации первого контакта клиента со специалистом определяющей оказывается роль посредника. Реципрокная экономика боди-модификаций выполняет в том числе функции вовлечения в определенные социальные группы. Основные субъективные мотивы домашней экономики боди-модификаций — экономия и рекреационная деятельность.

Ключевые слова: бьюти-индустрия, боди-модификации, татуирование, пирсинг, неформальная экономика, теневой сегмент бьюти-индустрии.

Ссылка для цитирования: Очерет А. Ю. «„Партаки“ из подполья»: социально-экономические предпосылки существования теневого сегмента бьюти-индустрии на примере процедур эстетических боди-модификаций в современной России // Петербургская социология сегодня. — 2024. — № 26. — С. 24–55. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.nx07-gd97; EDN: NQIZRT

Введение

Бьюти-индустрия — это «зонтичный» термин, который объединяет под собой многообразие косметических и косметологических услуг: от окрашивания и коррекции формы бровей до инъекционной косметологии, перманентного макияжа и художественной татуировки.

Согласно российскому трудовому законодательству, в профессиональные полномочия специалиста в сфере бытовых косметических услуг входит *«предоставление услуг по косметическому уходу за лицом и телом путем механического, физического и химического воздействия в целях омоложения и коррекции проблемных зон, а также придания лицу индивидуальной выразительности, с использованием косметических средств; услуги выполняются для удовлетворения эстетических потребностей клиента в соответствии с его пожеланиями, направлениями моды и с учетом его индивидуальных особенностей»* (Приказ Минтруда России от 22.12.2014 № 1069н). При этом маникюр и педикюр относятся к отдельному профессиональному стандарту, а инъекционная косметология, эпиляция и другие инвазивные бьюти-процедуры выносятся как услуги коммерческой медицины и подразумевают наличие у специалиста медицинского образования (Приказ Минтруда России от 13.01.2021 № 63072).

Однако менее распространенные бьюти-процедуры и боди-модификации оказываются вне поля зрения российского законодательства. Так, только с января 2022 года был впервые введен ГОСТ на проведение косметического пирсинга (с припиской, что *«стандарт не распространяется на медицинские услуги»*) (ГОСТ Р 59454-2021).

Оказание услуг более экстремальных боди-модификаций, таких как протягивание тоннелей в ушах или сплит (разрез) языка, законодательно не контролируется. Настоящее исследование посвящено социально-экономическим предпосылкам существования теневого сегмента бьюти-индустрии в современной России на примере эстетических боди-модификаций.

Почему именно эстетические боди-модификации были выбраны в качестве примера? Разумно будет предположить, что массаж или удаление волос «на дому» и боди-модификации художественной татуировки и пирсингования представляются неодинаково рискованными для потребителей. К тому же каждая отдельная процедура несет уникальные медицинские риски — так, например, наращивание ресниц на дому может быть чревато заражением демодекозом, а горячее обертывание — ожогами. К сожалению, в одном исследовании учесть и передать все нюансы многогранной и быстро развивающейся индустрии представляется невозможным.

В контексте рискованного потребительского поведения наибольший интерес вызывают нехирургические процедуры, подразумевающие вмешательство во внутренние ткани организма и контакт с кровью респондента и, соответственно, несущие повышенные эстетические и медицинские риски (инфекции, заражения) при условии их некачественного исполнения. К тому же изменения, полученные в ходе таких процедур, являются перманентными или семиперманентными, а значит, «более серьезными» — в отличие от «легкообратимых» процедур вроде стрижки.

В отличие от специалистов, предлагающих услуги изменения формы носа или инъекций ботокса «на дому», к специалистам боди-модификации не предъявляются требования о медицинском образовании, поэтому мастера-самоучки не действуют вопреки закону и могут быть отнесены к теневому сегменту (Барсукова 2005) — что не так однозначно, например, с косметологами-нелегалами, практикующими без должного медицинского образования. Исходя из разделения неформальной экономики на домашнюю, теневую, криминальную и реципрокную (Барсукова 2005), так как боди-модификации не являются законодательно запрещенной услугой, в фокусе исследования оказывается теновая деятельность, а также (в меньшей мере, для более комплексного понимания объекта) реципрокная и домашняя экономики боди-модификаций. Изучаемый теневой сегмент услуг боди-модификаций бьюти-индустрии можно отнести к проявлениям полуправовой экономики, или «серого рынка», так как татуирование и пирсинг разрешены законодательством,

но специалисты временами преступают формальные регулятивные требования по формату конкурентной теневизации (Радаев 1999). Учитывая специфику отрасли, самыми частыми нарушениями становятся отсутствие лицензии и несоблюдение санитарно-гигиенических норм, отсутствие необходимых препаратов на месте проведения услуги (например, антисептических или антиаллергенных), а также уклонение от налогов.

Таким образом, по критериям повышенных медицинских рисков, существования в «серой» правовой зоне, а также финансовой доступности услуг как в салоне, так и «на дому», было принято решение взять как пример внутри бьюти-индустрии услуги самых популярных боди-модификаций — художественного татуирования (татуажа) и пирсинга (в том числе ушных тоннелей).

Опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения за июль 2019 года показывает, что перманентные художественные татуировки имеют 11% россиян, в среднем по две на одного татуированного человека, и еще 4% планируют их набить (ВЦИОМ 2019). Прямых данных о неформальном сегменте боди-модификаций в свободном доступе нет, однако результаты других исследований центра показывают, что лояльность к неформальной оплате бьюти-процедур и коммерческих медицинских услуг высказывают 39% россиян (ВЦИОМ 2023). Более того, 25% не задают вопросы специалисту об используемых инъекционных препаратах (ВЦИОМ 2023), тем более не запрашивают сертификацию или иные доказательства квалификации косметолога, тату-мастера или пирсера.

Тем временем негативные последствия столкновения с услугами эстетических боди-модификаций ненадлежащего качества варьируются от косметических дефектов и воспалительных процессов вплоть до летального исхода во время сеанса татуирования под иглой так называемых «домушниц» (Комсомольская правда 2024), то есть тех, кто оказывает услуги боди-модификации и иных бытовых косметических услуг по месту жительства или с выездом на дом клиента. Как правило, продвижение подобных услуг осуществляется посредством «сарафанного радио» и платформ поиска специалистов, таких как «Авито» или «Профи». Порой они реализуются за «цену расходников», то есть игл, чернил, пирсинг-украшений или обезболивающих препаратов без непосредственной оплаты труда, и являются тренировкой для мастера — и многие соглашаются быть «подопытным кроликом» приятеля или соседа по общежитию. Социологические подходы к изучению современного татуирования в «большом» обществе включают

в себя множественные оптики: от концепций «протестного поведения» критической теории до социологии гендера (Воробьева 2018).

Безусловно, теньевые мастера «обитают» не только «на дому», но и внутри салонной системы. Однако они остаются за рамками исследования, так как наибольший интерес представляет рискованное поведение клиентов. В этом смысле лицензия в рамочке или институционализированное пространство салона становятся подстраховкой, гарантией наличия у мастера формальной подготовки и необходимых знаний, а их отсутствие — фактором риска. В действительности вход в «серую зону» практически любого рынка оказывается легче, дешевле и быстрее, с меньшим количеством барьеров (Бюссе 2002), что особенно ярко иллюстрирует пример пирсинга: необходимое минимальное оборудование находится в свободной продаже, в некоторых случаях процедура проводится подручными средствами (*«дело мастера — ткнуть тебя иголкой»*), при этом издержки получения лицензии и трудоустройства в салон весьма значительны.

В исследование также не войдут вопросы, связанные с боди-модификациями в традиционных обществах и «закрытых» социальных группах (армия, тюрьма), ввиду низкой достижимости информантов, нюансов властных отношений и общей концептуальной сложности поля (Воробьева 2016), достойного отдельных тематических исследований.

Чем объясняется достаточно высокий уровень лояльности россиян к теневому сегменту боди-модификаций бьюти-индустрии, несмотря на повышенные медицинские риски и угрозу физическому благополучию пациента? Почему люди выбирают специалистов, практикующих «на дому»? Цель исследования — ответить на эти вопросы, то есть выявить предпосылки принятия решений о пользовании услугами боди-модификаций теневого сегмента бьюти-индустрии и механизмы риск-менеджмента потребителей в условиях повышенных медицинских рисков.

Методология

Исследование включило в себя семнадцать полуструктурированных глубинных интервью; приглашение к участию распространялось через социальные сети и веб-страницы специализированных сообществ. В исследование вошли информанты старше восемнадцати лет (чтобы отсеять из выборки подростков, которые обращаются к теньевым специалистам не только из-за своей низкой платежеспособности, но и за неимением альтернатив — профессиональные лицензированные салоны оказывают услуги боди-модификаций только совершеннолетним), которые хотя

бы раз за последние пять лет прибегали к услугам боди-модификаций у специалистов теневого сегмента.

Несмотря на то что в фокусе исследования оказывается теневой сегмент бьюти-индустрии, в сюжеты, так или иначе связанные с каждым из сегментов, помимо опыта посещения мастеров «на дому» информанты рефлексировали свой опыт взаимодействия с салонной индустрией, а также домашней и реципрокной экономикой боди-модификаций. На практике границы между сегментами оказываются мембранными: большая часть информантов так или иначе вовлечены более чем в один сегмент индустрии, характерно перемещение как клиентов, так и специалистов из сектора в сектор. Подобные перемещения принимают различные формы: некоторые делают один вид процедур исключительно в салонах, а другой — на дому; другие регулярно перемещаются между легальным и теневым сегментом в границах одного вида процедур.

Один из типичных сценариев перемещения из теневого в легальный сегмент индустрии — постоянные клиенты «серых» специалистов, которые перемещаются вместе с ними «на свет», если мастер расширяет бизнес и открывает собственный салон. В то же время некоторые потребители навсегда отказывались от услуг мастеров теневого сегмента, если их доверие было обмануто:

«И я ей (мастеру) сказала не один раз, что у меня аллергия на медсплав. Но она все равно поставила медсплав, и всё. ...Да, только в салонах потом я стала прокалывать, к ней я уже не обращалась. ...Все остальные (пирсинги) были как раз-таки в том салоне, который меня спас».

(М2, 10 татуировок, 10 пирсингов, мастер по татуированию)

Специфика боди-модификаций, в частности татуирования, по сравнению с другими бьюти-процедурами также лежит в **дифференциации результатов услуги**, оказанной профессионалами и непрофессионалами. Если стрижка, массаж или маникюр, совершенные внутри и вне стен специализированных салонов, воспринимаются как одинаковые по своей природе процедуры, то татуировки, сделанные в контексте домашней и реципрокной экономики, — это **«партак»**.

Словом «партак» информантами обозначается художественная татуировка плохого качества, эстетически непривлекательная («заплывшая», «запавшая»), которую чаще всего набивают подручными материалами (без негативной коннотации, закодировано *in vivo*). В большинстве случаев информанты четко отделяют «партак» от татуировки, сделанной специалистом. Стоит отметить, что в случае

пирсинга, туннелирования и других боди-модификаций подобного разграничения не прослеживается.

Восприятие боди-модификаций как бьюти-процедуры, медицинской процедуры и творческого акта. В глазах потребителей граница между медицинской процедурой, бьюти-процедурой и творческим актом оказалась весьма условной. Потребители услуг признают, что татуирование и пирсинг подразумевают определенный уровень вмешательства в организм, и некоторые даже считают, что для него необходимо медицинское образование, другие считают, что приоритетнее художественное образование или сертификат специализированных курсов. Многие относятся к боди-модификациям как к бьюти-процедурам и признаются, что они чувствуют себя красивее и сексуальнее — особенно это распространено среди посетителей салонов и специалистов «на дому», в противовес домашней и реципрочной экономике боди-модификаций. Можно предположить, что здесь идет ассоциация с удовлетворением эстетических потребностей и восприятие татуирования как процесса создания более красивого и сексуально привлекательно тела (Atkinson 2004).

Таким образом, первоначальное предположение о том, что, несмотря на описанный в литературе тренд на медиализацию красоты (Merianos et al. 2013), процедуры боди-модификации не воспринимаются как однозначно медицинские вмешательства. К мастерам предъявляются меньшие требования, чем к стоматологам и косметологам, и информанты воспринимают увеличение губ «на дому» как более рискованную процедуру.

Более того, можно с определенной долей уверенности утверждать, что разные сегменты формальной и неформальной экономики индустрии боди-модификаций закрывают различные потребности. Если посещение специалистов (в салоне и «на дому») закрывает эстетические потребности и в некоторых случаях удовлетворяет зависимость, то боди-модификации в дружеской компании имеют скорее рекреационную природу, а также удовлетворяют целый ряд потребностей в принятии, принадлежности и самоактуализации. Приоритетом становится сам факт наличия пирсинга или татуировки, что подтверждает актуальность анализа боди-модификаций с точки зрения теории культуры потребления Э. Дж. Арнольда и К. Дж. Томсона (Воробьева 2018), а не ее художественной ценности или безопасности. Происходит конструирование идентичности не только как человека, принадлежащего к группе «обладающих татуировкой» (Воробьева 2018), но и человека, готового на риск, и в этом смысле неформальные или даже экстремальные обстоятельства становятся преимуществом:

«Потому что на самом ли деле я такой человек, который сейчас готов пойти в туалет к незнакомому чуваку и пробить нос? Не знаю. Но я точно всегда хотела быть таким человеком, потому что это восполняет потребность какую-то.

...Потребность быть прикольной девчонкой — чтобы быть принимаемой, чтобы быть веселой, чтобы люди интересовались тобой, чтобы... Чтобы не испытывать одиночество. Вот так».

(Н., 4 пирсинга, 1 «партак», тоннелирование ушей)

Сюжеты, связанные с уникальными обстоятельствами проведения боди-модификаций, в подробностях будут рассмотрены в следующих параграфах — вероятно, они связаны с описанным в литературе субъективным мотивом эпатажа, демонстративности и самоутверждения (Воробьева 2018) и становятся дополнительной составляющей утверждения в идее о собственной неординарности.

Таким образом, для более глубокого понимания теневого сегмента индустрии необходимо воспринимать существующую экономическую экосистему боди-модификаций по возможности целостно.

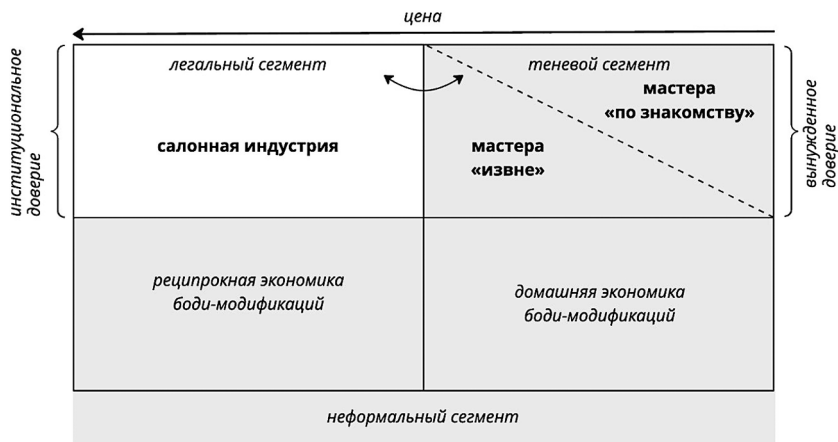

Рис. 1. Концептуальная схема

Дальнейший анализ качественных данных будет разбит на четыре тематических содержательных параграфа: первый, отвечая на вопрос «почему выбирают специалистов, практикующих на дому?», затронет в том числе институционализированное пространство **салонов**, во втором блоке будут сюжеты, связанные непосредственно с риск-менеджментом потребителей **теневого сегмента** услуг боди-модификаций

бьюти-индустрии, а третий объединит в себе **реципрокную экономику** и самостоятельные практики боди-модификаций (**домашнюю экономику**).

Результаты

Для более комплексного ответа на вопрос *«почему выбирают мастеров, практикующих „на дому“»*, в первую очередь стоит попытаться дать ответ на вопрос-«зеркало» — *«почему люди не выбирают салоны?»*

Монетарный аспект. В первую очередь стоит отметить, что у мастеров «на дому» иная логика ценообразования: стоимость услуг может быть как ниже, так и выше салонной, и определяется компетенцией и востребованностью специалиста, его художественным вкусом и уровнем клиентского сервиса. Экономия — безусловно важная, но далеко не единственная предпосылка выбора мастера «на дому».

Чаше о цене услуг рассуждали те, кто сделал свои первые боди-модификации в несовершеннолетнем возрасте или студенческие годы.

Интересный сюжет — желать определенный прокол или изображение с самого детства и сделать боди-модификацию сразу *«как только можно»*, поддаваясь влиянию родственников, изображений в социальных сетях или абстрактных представлений о том, как должны выглядеть определенные социальные группы — например, *«крутые девчонки»* или *«серьезные программисты»*. Здесь прослеживается как миметическая природа боди-модификаций, так и их роль в формировании идентичности посредством телесных практик. Так, например, три молодые девушки независимо друг от друга признались, что делают многочисленные процедуры пирсинга в том числе для того, чтобы компенсировать собственную мягкость и уязвимость и представляться личностями с более серьезным и жестким характером.

Невысокое доверие салонной индустрии. Институциональное пространство профессионализированного салона не всегда ассоциируется у потребителей услуг с высоким качеством услуги, эксклюзивностью и престижем:

«В некоторых местах такое качество салонов, что там такая же обстановка, как и „на дому“».

(А0, 4 татуировки, 7 пирсингов)

Одна из героинь сравнивала свой опыт татуирования у неформального специалиста в коворкинге университета НИУ ВШЭ в корпусе на ул. Старой Басманной с опытом посещения салона — что показательно, не в пользу последнего:

«Ты была на Басмаче? Там, в коворкинге, есть вот такие кабинки из кресел. Мы заняли одну из кабинок. ...Там уже, мне кажется, лучше соблюдались какие-то условия гигиены, потому что... Потому что девочка, которая мне делала татуировку, — она проходила курсы, у нее была даже тату-машинка лучше, чем в том салоне, в котором я делала».

(Е1, 4 татуировки, 2 пирсинга)

Ради справедливости стоит упомянуть, что салон описывался «*полумаргинальным*», располагался в подвале бара и его специалисты, не поколебавшись, сделали татуировку нетрезвым посетителям.

Несмотря, однако, на невысокое мнение потребителей о салонной индустрии, все же важную роль в формировании чувства безопасности при взаимодействии с мастерами играет **имитация салонного пространства «на дому»**. В действительности потребители не видят разницы между институциональным пространством салона и импровизированным «рабочим уголком» мастера, практикующего на дому, в том числе благодаря воспроизведению атрибутов этого самого пространства:

«Всегда были перчатки. Пару раз даже мы стол клееночкой обклеили. То есть это была прям имитация (тату)-салона в малосемейке».

(А2, 7 татуировок, 7 пирсингов)

Элементы экономики впечатлений. Впрочем, в большинстве случаев специализированный салон действительно может быть более безопасным местом оказания услуг — и для определенного сегмента потребителей это является скорее недостатком, чем преимуществом. Важно понимать, что вместе с услугой боди-модификаций специалист продает также опыт ее проживания, и часто боди-модификации рефлексированы потребителями в терминах экономики впечатлений (Пайн, Гилмор 2018). Молодой человек, вспоминая первый опыт пирсинга, когда в честь дня рождения прокалывал ухо «анимешным значком», который они с друзьями «прогрели над зажигалкой и промазали спиртом», и описывая обстоятельства прокола словами «*все было в крови и очень весело*». Затем он сравнивает этот кровавый, болезненный и очевидно небезопасный опыт с опытом посещения салона — и вновь не в пользу последнего:

«Я решил потом уже в салоне проколоть себе другой хрящ... Я пришел туда, отдал три тысячи — мне прокололи ухо быстро, почти безболезненно, вставили хорошую сережку. Души никакой в этом нет вообще. Я не знаю, зачем люди ходят в салоны, если сам процесс не доставляет удовольствия. Когда вы на какой-то квартире, фиг пойми где, сидите, смеетесь все с друзьями, знакомыми.

Это вообще класс, это инфоповод. Салон — это не инфоповод».
(А2, 7 татуировок, 7 пирсингов)

Некоторые специализированные салоны предлагают услуги «татуирования вслепую» под терминологией «слепая боль» и маркируют их как рискованное и захватывающее приключение, требующее смелости и готовности навсегда запечатлеть на своем теле, например, кусочек пиццы с окровавленной бензопилой (Онлайнер 2023). Можно предположить, что потребление подобных услуг восполняет потребность в «освобождении от повседневности» посредством рискованного поведения (Lupton 2006) — единственной разницей становится природа риска, медиализированная (столбняк от аниме-значка) или эстетическая (не понравится то, что набьют).

«Гепатит — это не романтично. Гепатит — это не гламурно».
(А2, 7 татуировок, 7 пирсингов)

В некоторых случаях боди-модификация может восприниматься как самоповреждающее поведение, которое, однако, со слов информантов *«не так стигматизированно, как будто бы это просто легальный процесс селфхарма»*. Важным сюжетом здесь становится не только поиск боли и контролируемый риск непосредственной процедуры; были упомянуты случаи, когда люди после набития татуировки не ухаживали за ней, позволяли ей гноиться и покрываться корками, чтобы «наказать себя», «испытать себя» или просто ввиду определенных ментальных расстройств. Здесь также прослеживается сюжет вынужденной заботы о себе — когда акт боди-модификации совершается с целью последующего ухода за свежим проколом или татуировкой человеком, который склонен к депрессивным состояниям.

Во многих случаях решающее значение приобретает непосредственно стиль мастера, его художественный вкус, и можно с определенной долей уверенности дифференцировать в этом смысле боди-модификации от иных, более «инструментальных» бьюти-процедур, не подразумевающих творческого самовыражения (например, массажа):

«Я думаю, все-таки эскизы — решающий фактор. Потому что даже если мастер в каком-то супервычищенном салоне, герметичном, как лаборатория или хирургический кабинет, — если он не бьет то, что мне нравится, ну зачем я к нему идти буду?»

(Ю., 5 татуировок, 5 «партаков», 8 пирсингов)

Ритуальный аспект. В оптике боди-модификаций как ритуала чистоты и опасности (Дуглас 2000) могут в том числе объясняться определенные символические моменты процедуры, связанной с контактом с кровью, идее о фетишизации чистоты перчаток и одноразовости

игл как со стороны специалистов, так и со стороны потребителей услуг, которые, как правило, внимательно следят за соблюдением санитарно-гигиенических норм (имитации салона). Однако на практике неформальный аспект татуирования не воспринимается как нарушение «сакрального пространства салона», и «осквернения ритуала» не происходит (Дуглас 2000).

Наоборот, рефлексия насчет сакрального переживания услуги боди-модификации прослеживается скорее в ассоциации с несалонными процедурами:

«И многим клиентам здесь понравилось, сказали: „Мы хотим к тебе домой, потому что у тебя здесь энергетика другая, хорошая, не хотим в салон“. И здесь происходит действительно магия, потому что я в момент создания татуировки остаюсь с клиентом наедине».

(Е2, 3 татуировки, 1 пирсинг (прокол); тату-мастер, тату-энергопрактик)

Зависимость от процедур боди-модификаций, «импульсивный шопинг» и статусное потребление. Было подтверждено описанное в литературе (Murray, Tompkins 2013) существование зависимости как от татуирования, так и от пирсинга и иных боди-модификаций — особенно любопытно, как зависимость от боди-модификаций встроена в субкультурный контекст:

«Есть такая фраза, что ты „подседа на иглу“ — это не в плане наркотиков, это в плане именно пирсинга».

(А2, 7 татуировок, 7 проколов)

Однако изначальное предположение о том, что формирование зависимости от боди-модификаций может приводить к ослаблению критериев выбора специалиста и вовлечению в теневой сегмент, не подтвердилось. Наоборот, часть информантов, рассуждая о друзьях и знакомых с (по их мнению) тату-зависимостью, утверждают, что они скорее склонны к походам в дорогие и престижные салоны. Здесь может быть уместна метафора с кофе: по мере вовлечения в уникальную потребительскую культуру появляется определенная «искушенность» и требования к качеству услуг возрастают. Акт боди-модификации также может спровоцировать определенные обостренные эмоциональные состояния — эйфорию, радость, — в процессе подобной «проверки на прочность» посредством скуки и физической боли можно «поймать кайф», эйфорию и облегчить разнообразные эмоциональные состояния (Lupton 2006) — с пометкой об ослаблении эффекта с течением времени и количества процедур. Однако на практике восприятие боди-модификаций как «**импульсивного шопинга**» в погоне за яркими эмоциями не

обязательно ассоциировалось с вовлечением в неформальный сегмент индустрии: вероятно, это связано с тем, что получение салонной услуги сопряжено с меньшими временными издержками на поиск подходящего специалиста.

В этом смысле многочисленные боди-модификации могут ассоциироваться не только с зависимостью или «импульсивным шопингом», но и со **статусным потреблением**. Помимо дороговизны боди-модификаций (это касается в первую очередь обширных художественных татуировок) эти визуальные маркеры служат доказательством того, что человек достоин принадлежать к определенному тематическому сообществу:

«Пятьдесят процентов бабл, пятьдесят процентов просто „какой я крутой, у меня рукав, и, может, даже тематический рукав, — смотрите, насколько я большой фанат чего-то там“».

(А0, 4 татуировки, 7 пирсингов)

Однако явственных сюжетов отношения боди-модификаций как статусного потребления и выбора услуг «на дому», как и в случае с тату-зависимостью, не прослеживается.

Восприятие рисков и риск-менеджмент потребителей неформального сегмента боди-модификаций

Касательно медицинских рисков, в целом потребители достаточно осведомлены о возможных инфекционных и иных опасностях боди-модификаций, однако относятся к ним довольно равнодушно:

«Может сифилис быть, и у тебя отвянет часть лица. СПИД и ВИЧ... Там до рака дойти может вообще».

(А0, 4 татуировки, 7 пирсингов)

Однако, несмотря на осведомленность о медицинских рисках процедур и декларируемое положительное или нейтральное отношение к собственному телу и здоровью (за исключением нескольких информантов, признавших в эпизодах расстройств пищевого поведения и селфхарма), в большинстве своем потребители оценивают вероятность столкнуться с ними как минимальную или несерьезную, происходит приоритизация мгновенной выгоды от услуги:

«Блин, ну чем я рискую? Ну, конечно, чем-то заразиться, но я каждый раз думаю: „Я не заражусь, это не про меня“».

(М3, 4 татуировки, 2 пирсинга)

Более актуальными в контексте теневого сегмента бьюти-индустрии для потребителей оказываются насильственные риски, связанные

с походом к незнакомому человеку домой, а также вероятность эстетических издержек посещения низкоквалифицированного специалиста или «самозванца», выдающего чужие работы за свои.

В данном разделе будут описаны три ключевых сюжета теневого сегмента бьюти-индустрии, а также специфика восприятия рисков, доверия и риск-менеджмента в соответствии с обстоятельствами процедуры и поиска контрагента:

- обращение к специалисту «по знакомству» и связанное с этим вынужденное доверие сетевого мира (Барсукова 2001);
- обращение к специализированным платформам — критерии отбора мастера и механизмы потребительского риск-менеджмента на специализированных платформах;
- потребление услуги боди-модификации в «третьих местах» и институциональное доверие.

«Подруга моего друга».

Подстраховка сетью и «вынужденное доверие»

Первый типичный сценарий вовлечения в теневой сегмент услуг боди-модификаций бьюти-индустрии — знакомство с мастером посредством межличностных сетей, как правило, через слабые связи (Грановеттер 2009); специалистом теневого сегмента оказывается *«подруга друга»* или *«сестра одногруппника»*.

Если салонное пространство может предоставить институциональную перестраховку, — перед проведением каждой процедуры подписываются, и в случае медиализированных последствий по вине мастера на салон можно подать в суд, — то в случае неформальных мастеров срабатывает «подстраховка сетью» и то, что описывается как вынужденное доверие сетевого мира (Барсукова 2001), в том числе не только внутри межличностных сетей, но и внутри метасубкультуры потребления боди-модификаций. Вынужденное доверие внутри группы понимается как социальный капитал с элементами социального принуждения к соблюдению норм и договоренностей, например общепринятых мер предосторожности от медицинских рисков, — и именно вынужденное доверие предопределяет предпочтение потребителей бьюти-специалистов из «своих» в рамках неформальной экономики (Барсукова 2001). В качестве необходимого санитарно-гигиенического минимума упоминаются одноразовые иглы, стерильные украшения, перчатки. В случае потребления услуг боди-модификаций вынужденное ассоциируется одновременно с доверием обобщенным «своим» (тем,

кто также вовлечен в культуру боди-модификаций) и межличностным доверием окружению, порекомендовавшему специалиста. Если мастер захочет практиковать без перчаток или каким-то иным образом обманет доверие, в большинстве случаев клиент прервет процедуру и распространит информацию о его недобросовестности:

«Я сразу выбрала, что я пойду к ней, у меня особо не было других вариантов. Ну, во-первых, — цена. Во-вторых, могу прозвучать очень грубо, но так как она подруга моего друга, если она сделает что-то не так — у меня будет канал социальный, с помощью которого я могу с ней разобраться».

(А0, 4 татуировки, 7 пирсингов)

Критерии выбора контрагентов на специализированных платформах

Основными каналами поиска и получения информации о теневых специалистах становятся профессиональные платформы, такие как «Авито», социальные сети (с упором на визуальную составляющую) и «сарафанное радио». В некоторых случаях происходит комбинация различных источников: узнав, что знакомый одноклассника бьет татуировки, потребитель тщательно insпектирует его аккаунты и портфолио, прежде чем обратиться за услугой.

В отсутствие «подстраховки сетью» и вынужденного доверия сетевому миру критерии выбора специалиста меняются. Репутация мастера по боди-модификациям складывается в первую очередь из качества его заживших работ (фотопортфолио), факта наличия учеников (даже в отсутствие формального образования — *«не будут же двадцать человек платить бабки какой-то странной девочке»*). Специализированная платформа в этом случае выполняет посредническую функцию межличностной сети, и на выбор контрагента влияют в том числе платформенные показатели репутации (Стребков, Шевчук, Лукина, Мелианова, Тюлюпо 2019) — **положительные отзывы и рейтинговые оценки**, которые по мнению потребителей, *«невозможно подделать»*, а также положительное впечатление от коммуникации во внутреннем мессенджере.

Однако в этом случае потребитель склонен к более тщательной инспекции (*«Я решила обратиться к „Авито“ и начала искать мастера там. ...Наверное, часа три плотно сидела и смотрела все предложения...»*). По сути, при выборе мастера теневого сегмента на специализированной платформе происходит классический сценарий

экономии монетарных ресурсов за счет повышенных транзакционных издержек.

Можно выделить два этапа потребительского риск-менеджмента: **на этапе отбора** специалиста, во время которого происходит минимизация насильственных рисков и риска эстетических издержек, и контроль за действиями мастера **непосредственно во время процедуры**, призванный скомпенсировать медицинские риски.

Рис. 2. Схема этапов риск-менеджмента

На практике медицинские риски инфекции или заражения у специалиста «на дому» оказываются для потребителей не так актуальны, как риски насильственные. В случае опасений инструментом риск-менеджмента становится не только вынужденное доверие сети, но и сходство социально-демографических характеристик, за счет которого обеспечивается дополнительное доверие «таким, как я». Например, молодые девушки высказывали предпочтения специалистам, которые также являются молодыми девушками, — даже в ущерб опыту и стажу работы, — исходя из предпосылки о том, что мастер их возраста хорошо понимает эстетические предпочтения и обладает схожим художественным вкусом, а также из соображений безопасности:

«Если рассмотреть этот вопрос глобально, то я бы не пошла, скорее всего, к мужчине на дом — вообще никогда в жизни, если это не мой кент, а просто какой-то левый чел с „Авито“, который, типа, „я вам прокалю пупок“ — иди н... с своим пупком, б..., сам себе коли. Ну, просто как пример».

(А0, 4 татуировки, 7 пирсингов)

Выказывая предпочтения относительно мастеров женского пола, также упоминали разницу болевых порогов и важность понимания особенностей женской физиологии (например, процедуры боди-модификации рекомендуется не проводить в определенные дни цикла).

Таким образом, вопреки первоначальным предположениям, в восприятии потребителя на первый план выходят не медицинские риски, а более «заземленные» опасности похода к незнакомому человеку домой. Для их компенсации происходит отбор контрагента по сходным социально-демографическим характеристикам, однако не до конца ясно, специфика ли это бьюти-индустрии — так как значение внешних характеристик достаточно значительно и на биржах удаленной работы (Стребков, Шевчук, Лукина, Мелианова, Тюлюпо 2019).

Стоит оговориться, что ни один из информантов не описывал опыт процедуры с выездом на место жительства клиента — боди-модификационные услуги оказывались либо «на дому» у специалиста, либо в «третьем месте» по предварительной договоренности. Боди-модификации в стенах собственного дома информанта происходили только тогда, когда они попадали под критерии реципрокной и домашней экономики и реализовывались кем-то из ближайшего окружения либо самостоятельно информантом.

Что касается **медицинских рисков**, первоначальное предположение подтверждается: в общей сложности информанты демонстрируют сравнительно высокий уровень осведомленности о возможных негативных последствиях (за исключением единиц, считающих, что во время татуирования можно подхватить *«сальмонеллу, или че там еще есть»*), однако оценивают перспективу столкнуться с ними как минимальную. В качестве механизма риск-менеджмента выступает тщательный контроль за действиями мастера, а также демонстративное соблюдение санитарно-гигиенических норм с использованием специализированной техники, например сухожаров или стоматологических аппаратов.

Однако подобный контроль ослабляется с течением времени и по мере формирования связи «мастер — клиент». Отмечен также любопытный сюжет: после одной или двух процедур происходит стремительная трансформация отношений «мастер — клиент» из рыночных в дружеские — вплоть до совместного досуга (особенно часто — совместный просмотр тру-крайм и стендап-шоу) и потребления алкоголя вместе со специалистом с «Авито» прямо во время выполнения процедуры. В этих ситуациях потребитель способен довериться мастеру безусловно — посредством эксплуатации этого новоявленного межличностного

доверия происходит смещение границ допустимого за счет асимметрии информации:

«В общем, как мне объяснила моя мастерица, когда я у нее спросила: „Так нельзя же бить пьяными?“ — потому что я тоже так думала всегда. Она говорит: „МЗ, ну ты думаешь, что вот кореши, которые бьют татуировки своим корешам — они что, не бухают в этот момент? Конечно... так только веселее. Да, разжижается кровь, ну и что? Ничего страшного не происходит“».

(МЗ, 4 татуировки, 2 пирсинга)

Такое изменение статуса отношений возможно не только благодаря колоссальному эмоциональному труду, который ожидается от специалистов бьюти-индустрии и в целом сферы услуг (Симонова 2013), но и высокому предварительному уровню доверия к «таким, как я» — как в социально-демографическом плане, так и в плане схожести художественных вкусов, а значит, и стилей жизни. Предполагается, что это может происходить в том числе посредством терапевтического эффекта процесса татуирования или пирсингования (Alter-Muri 2020), а также формирования доверия «мастер — клиент» и эксплуатации асимметрии информации за счет экспертизы. Для молодых информантов становится важным сходство культурного контекста — наблюдается стремление запечатлеть на себе любимых аниме-персонажей, цитаты из фильмов и другие артефакты поп-культуры, и дополнительную важность приобретает погруженность специалиста в контекст.

Рис. 3. Сделанная у специалиста «на дому» татуировка с аниме-персонажем

Таким образом, можно предположить, что достаточно высокий уровень доверия «серым» специалистам в современной России обуславливается высоким уровнем предварительной инспекции и отбора специалистов из «таких, как я» — пройдя все предварительные фильтры соответствия художественного вкуса и совпадения социально-демографических характеристик, удовлетворяя высокие требования к клиентскому сервису и эмоциональному обслуживанию клиентов, даже мастера-незнакомцы воспринимаются не просто как безликие производители услуг, а как «свои», часть культурного мира боди-модификаций.

«День татуировок в баре».

Подстраховка «третьим местом»

Достаточно неожиданным открытие стало то, что мастера неформального сегмента индустрии в действительности обитают не только «на дому» — несмотря на говорящее сленговое название «домушники». Альтернативной локацией оказания услуг становятся так называемые «третьи места», и на первый план выходят механизмы институционального доверия (доверия специалисту через место).

Традиционно третьими местами считаются общественные пространства вне дома и работы — например, парки или клубы (Oldenburg, Brissett 1982). В этом смысле опыт потребления боди-модификаций в «третьих местах» может пониматься как акты единения с сообществом и тематически противопоставляться индивидуалистическим и нарциссическим потребительским практикам «телесных отметин» (body marks) постмодернизма, как понимал их Тернер (Turner 1999). В каком-то смысле они могут быть даже тематически противопоставлены мастерам-«домушникам», объединяющим в своей практике «первое» и «второе» места. Доверие «третьему месту» становится альтернативой институционализированному доверию в салоне: срабатывает механизм «доверия мастеру через доверие к месту».

Касательно оказания услуг боди-модификаций в «третьих местах» прослеживаются три ярких сюжета.

Первый сюжет — кооперация «серых» специалистов и «третьего места». Коммерческое «третье место», к примеру модный бар или брендовый винтажный магазин, сотрудничает с мастерами «из своих» и в определенный день проводит мероприятия в формате тату-маркетов, похожем на условную ярмарку, когда независимые специалисты предлагают свои услуги всем желающим или по предварительной записи. Каналами поиска информации об услугах в этом случае обычно становятся социальные сети заведения или специалиста.

Таблица 1

Три сюжета боди-модификаций в «третьих местах»

Сегмент	Локация: «Третье место»		
	Рыночная экономика		Реципрокная экономика
	№ 1. «Кооперация «серых» специалистов и «третьего места»	№ 2. «Альтернативное пространство»	№ 3. «Тусовка»
Эмпирический пример	Тату-маркет в антикварном магазине	Встреча клиента и «серого» специалиста в общественном месте по предварительной договоренности	Пирсинг незнакомцу в «Макдональдсе» на ст. метро «Китай-город»
Восприятие локации	«Третье место» как посредник в отношениях «мастер — клиент»	«Третье место» как альтернативное пространство (механизм защиты от насильственных рисков)	«Третье место» как место сосредоточения «своих»
Цено- образование	Цены ниже рыночной и ниже стандартной цены специалиста	Ниже рыночной, полная стандартная цена специалиста (может быть как выше, так и ниже рыночной)	Без оплаты, символическая оплата (продуктами или алкоголем) или компенсация расход- ных материалов
Процедура	Художественное татуирование	Художественное татуирование	Пирсинг, в редких случаях — художественное татуирование
Восприятие процедуры боди- модификации	Боди-модификации как потребительская услуга		Боди-модификации как акт единения с сообществом

Обычно услуги боди-модификаций на таких мероприятиях предоставляются не только по цене ниже рыночной, но и по цене ниже, чем обычно у этих же самых специалистов. Подобное сотрудничество привлекает внимание как к заведению, так и к специалисту, а также служит дополнительным утверждением в статусе «своих». Подобно межличностной сети или платформе, «третье место» становится перестраховкой, кредитом доверия для специалиста:

«Короче, для меня очень сложно искать тату-салон и так далее, в том числе из-за соображений безопасности — потому что я не знаю, какие люди там встретятся. ...И там (в баре) не только выпить можно было, там были какие-то мероприятия, дни просмотра кинофильмов, встречи книжного клуба... день настолок и так далее.

И в чате бара были девочки, которые бьют татуировки. Они просто договаривались с... хозяйкой... чтобы устроить „день татуировок“».

(И., 2 татуировки)

В определенном смысле можно также говорить о механизмах вынужденного доверия, только не в контексте межличностной сети, а скорее к субкультурной метасети, к которой информанты отсылают как к «тусовке» — что может быть проинтерпретировано как multi-We группы по Аткинсону (Atkinson 2004) или в терминах культуры соучастия Г. Дженкинса (Jenkins 2009), то есть фанатских сообществ и групп энтузиастов. Стоит обозначить, что эта практика связана в первую очередь с услугами художественного татуирования.

Второй сюжет — «альтернативное пространство». Мастер и клиент не состоят в одном социальном поле, однако встречаются для оказания услуги в общественном «третьем месте» за неимением возможности или желания встретиться у кого-то из них дома. В этой ситуации «третье место» (например, коворкинг университета или общежития) выполняет инструментальную функцию обеспечения безопасности от насильственных рисков или просто представляется удобным (например, за счет близости к месту учебы). Механизмы принятия решений об услуге боди-модификации у «серого специалиста» в этом случае идентичны описанным ранее.

Третий сюжет — «тусовка». В этой ситуации боди-модификации являются частью реципрокной экономики, то есть реализуются без оплаты, с символической оплатой или компенсацией расходных материалов. Члены подобных сетей оказывают друг другу услуги боди-модификаций в парках, на улице и в других общественных местах, а также на

«тусовках», иногда — в состоянии наркотического или алкогольного опьянения, но чаще акт боди-модификации выполняет рекреационную функцию и является самодостаточным времяпрепровождением.

На практике «третьи места» часто оказываются неожиданными — например, столичные рестораны быстрого питания превращаются в сосредоточение светской жизни определенных социальных кругов. Так, «Макдональдс» на станции метро «Китай-город» в 2017 году описывается информантом как место притяжение неформальных субкультур («панков и всех таких»):

«Я так познакомился с одной девочкой в ужасном месте, в „Макдональдсе“ на Китай-городе. Она мне проколола хрящ прямо там, и мы с ней до сих пор общаемся. ...В 2017 году это было... место с особым наполнением. Поэтому там это было нормой».

(П2, 5 татуировок, 7 пирсингов, тоннелирование ушей)

Реципрокная и домашняя экономики боди-модификаций

Отдельный сюжет — формирование или утверждение сильных социальных связей посредством актов боди-модификации: например, подружки набивают друг другу татуировки в туалете художественных училищ тушью, чтобы пережить вместе уникальный опыт и запечатлеть таким образом свою дружбу. Таким образом, боди-модификация может быть не только потребительской услугой, но и творческим или социальным актом, как «социальный клей» или точка сближения со значимыми другими. Одна из героинь сделала свой первый пирсинг в подростковом возрасте у незнакомого «мальчика, к которому хотела подкатить и который все время говорил, что хочет попробовать пробить кому-то септум», — ожидая, что за процедурой последует совместное времяпрепровождение и интимная близость, и была разочарована, когда этого не произошло:

«Ну вот я проколола соски, просто сходила к специалисту... Это можно, это безопасно, бла-бла-бла. ...И это не история. А история — это подкатить к мальчику и пробить нос. Знаешь, какая-то серия из сериала, в общем, что-то такое. Это прям сюжет, б...».

(Н., 4 пирсинга, 1 «партак», тоннелирование ушей)

То, что было неоднократно охарактеризовано информантами как «прикол», вновь отсылает к концепции «игрового» татуирования постмодерна (Turner 1999). Однако отношение «прикола» и «классной истории» не ассоциировалось с индивидуализмом «телесных

отметин», так как это наблюдалось скорее у информантов, которые состоят в реципрокных отношениях боди-модификаций со своими друзьями и знакомыми, а не профессионалами. Предоставляют свои тела как холст по разным причинам: ради эмоциональной отдачи, получения бесплатной услуги (даже если плохого качества) или налаживания социальных связей, а также вхождения в определенные социальные круги (Atkinson 2004).

Специфика реципрокных боди-модификаций от других реципрокных быти-процедур, например стрижки, заключается в том, что они производятся без оплаты непосредственно услуги и труда, но, как правило, с монетарной компенсацией расходных материалов (игл, украшений, чернил и так далее) или символической оплатой — зачастую продуктами или алкоголем. Этот сюжет может быть с обозначенными субъективными мотивами татуирования, как поиск круга общения и фиксация принадлежности к группе (Воробьева 2018).

В этом случае, когда услуги боди-модификации оказываются непрофессионалами в общепите или «на дому», происходит деконструкция институционального пространства салона и безопасности, ассоциирующейся с ней, а также нарративов о необходимости смысловой нагрузки боди-модификаций (в частности, художественных татуировок):

«Я — холст. Перформанс должен составить какие-то рамки, чтобы потом эти рамки как бы разрушить, правильно? Мы ставим рамки того, что я делаю татуировку, имея в виду все то, что люди вкладывают в татуировку, — смысл... эстетическую красоту или что-то еще.

Мы берем вот этот весь контекст и просто его ломаем. Ни смысла, ничего остального нет. Есть только сам акт нанесения татуировки, и всё. И сама эта картинка — она вообще не значит ничего. Значит только сам процесс. ...Если бы мне просто нравились татуировки, я бы ходил и бил в салоне».

(A2, 7 татуировок, 7 пирсингов)

Как заядлый книголюб стремится приобщить к своему хобби людей и знакомых, одалживая книги из своей личной библиотеки, так и фанат боди-модификаций может позволять экспериментировать с собственным телом, чтобы приобщить к своей культуре. В предоставлении своего тела другим как площадки для экспериментов можно увидеть высший жест доверия — не только межличностного конкретному человеку, знакомому или другу, но и сообществу в целом (как, например, в случае с татуированием в баре).

Как и в случае теневого сегмента бьюти-индустрии, упоминается соблюдение определенного санитарно-гигиенического минимума в процессе выполнения — впрочем, не такого строгого (перчатки, к примеру, необязательны):

«Плюс-минус был всегда спиртовая салфетка, банка хлоргексидина, ватные диски, чистая запакованная игла и сережка».

(П2, 5 татуировок, 7 пирсингов, тоннелирование ушей)

Самыми популярными методами дезинфекции в реципрокной экономике боди-модификаций становятся спирт или спиртовая салфетка, хлоргексидин и зажигалка — в противовес сухожарам и стоматологическому оборудованию мастеров «на дому».

Рис. 4. Татуировка, набитая на кухне студенческого общежития

Таким образом, неформальный аспект татуирования встраивался в личную философию человека (один из информантов напрямую описал ее как «даосскую»). Через «двойную дозу» риска — болезненных ощущений процедуры и ее экстремальных обстоятельств, ситуации контролируемого риска, а также случайность и кажущуюся судьбоносность обстоятельств, — происходит «освобождение от повседневности» (Lupton 2006), одновременно через потребление услуги и восприятие ее как художественного перформанса. Здесь происходит своеобразный отход от потребительского поведения и переосмысление информантами боди-модификаций как художественного акта или «общественного

вызова» — что, однако, концептуально делает схожим с уже затронутой услугой «слепой боли» (татуирования «вслепую»). В некоторых случаях неформальный, случайный аспект вписывается в личную философию человека:

«(Если буду бить что-то еще, то) точно не буду искать мастеров. ...Мне не настолько нравятся татуировки, чтобы специально к ним стремиться и о чем-то думать.

(Это философия) Дао. Когда чего-то очень сильно пытаешься достичь, то оно не получится. Нужно стараться не стараться и при этом делать это не стараясь».

(М1, 4 татуировки)

Здесь крайне любопытен гендерный аспект реципрокной экономики боди-модификаций. Девушки в большинстве своем не разделяли радость и удовольствие информантов мужского пола от «расписывания на себе» мастеров-непрофессионалов. Несмотря на возможность вовлечения в реципрокные отношения боди-модификаций, девушки приоретизировали удовлетворение эстетической потребности:

«У меня на самом деле был опыт, когда мне настойчиво предлагали сделать татуировку в общежитии. ...Я пока что не настолько падшая женщина, я не воспринимаю свою кожу как листочек в клеточку для начинающих потенциалов».

(А0, 4 татуировки, 7 пирсингов)

Два основных субъективных мотива **домашней экономики боди-модификаций** — экономия и рекреационная деятельность; информанты признавались, что пробивали пирсинг «цыганской иглой в туалете театра», так как не хотели тратиться на поход к профессионалу, или набивали себе татуировки подручными инструментами, например художественной тушью или чернилами шариковой ручки, «со скуки».

Существует также определенная дифференциация процедур по статусу: более сложные боди-модификации или те, которые нарушают границы интимности и внутренних границ тела, производились специалистами, а менее «серьезные» — в рамках домашней и реципрокной экономики:

«У меня есть еще второй прокол, мне его мама, кстати, делала. ...Септум мне делал мальчик, к которому я хотела подкатить, и соски я пробивала в салоне. Это единственная вообще вещь, которую я делала у профессионалов. ...Потому что соски — это очень деликатная штука, где нельзя ошибиться».

(Н., 4 пирсинга, 1 «партак», тоннелирование ушей)

Можно трактовать выбор сегмента в зависимости от воспринимаемых рисков (Гаврилов 2009) конкретных процедур также как один из механизмов потребительского риск-менеджмента. Это важный сюжет в том числе потому, что в данном исследовании боди-модификации домашней экономики сосредоточили в себе наибольшее количество ситуаций медицинских осложнений.

Заключение

Краткий обзор неформальных практик боди-модификаций позволил осветить основные стимулы приоритизации домашних услуг и услуг в «третьих местах».

Были выделены следующие социально-экономические предпосылки предпочтения мастеров «на дому»: монетарный аспект и экономия, невысокий уровень доверия к салонам, элементы экономики впечатлений и их отражение в неформальных обстоятельствах процедуры, стремление к уединенной ритуальной обстановке и приоритизация художественного вкуса и мастерства специалиста. Потребители воспринимают медицинские риски процедур как минимальные, при этом опасаются насильственных рисков похода к незнакомому человеку домой и вероятных эстетических издержек столкновения с неквалифицированным специалистом.

Были выделены три типичных сценария вовлечения в теневой сегмент услуг боди-модификаций: поиск специалиста через межличностные сети, поиск мастера на специализированных платформах и потребление услуг боди-модификаций в «третьем месте». Во всех случаях в инициации первого контакта потребителя со специалистом определяющей оказывается роль посредника.

Вовлечение в реципрокную экономику боди-модификаций связано не столько с перераспределением благ и выживаемостью группы, сколько с формированием или утверждением сильных связей посредством процедуры. Для определенной части информантов возможность предоставить свое тело «как холст» для начинающих специалистов приносит удовольствие, радость и выполняет функции вовлечения в «тусовку», определенную социальную группу (multi-WE groups) (Atkinson 2004). Два основных субъективных мотива, выделяемых в исследовании домашней экономики боди-модификаций, экономия и рекреационная деятельность. Механизмом риск-менеджмента также может быть выбор сегмента в зависимости от сложности процедуры.

Источники

Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательские подходы // Социологические исследования. — 2012. — № 2. — С. 31–39.

Барсукова С. Ю. Вынужденное доверие сетевого мира // Полис. Политические исследования. — 2001. — № 2. — С. 52–60.

Барсукова С. Ю. Структура и институты неформальной экономики // Социологический журнал. — 2005. — № 3. — С. 118–134.

Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Неформальная экономика в России: краткий обзор // Экономическая социология. — 2012. — Т. 13, № 2. — С. 99–111.

Бюссе С. Социальный капитал и неформальная экономика в России // Мир России. Социология. Этнология. — 2002. — Т. 11, № 2. — С. 93–104.

Бек У. От индустриального общества к обществу риска // Theory, Culture and Society. — 1992. — Т. 9, № 1. — С. 97–123.

Воробьёва Е. С. Татуирование как объект социологического исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2016. — Т. 19, № 3. — С. 148–161.

Воробьёва Е. С. Формирование мотивации к татуированию как механизм конструирования идентичности // Теория и практика общественного развития. — 2016. — № 6. — С. 41–47.

Воробьёва Е. С. Татуирование как объект социологического исследования. Теоретико-методологические аспекты: дис. ... канд. социол. наук. — М., 2018. — 333 с.

Воробьёва Е. С. О теоретических основаниях изучения современного татуирования: опыт типологизации // Вопросы социальной теории. — 2018. — № 10. — С. 90–100.

Гаврилов К. А. Социология восприятия риска. — М.: Ин-т социологии РАН, 2009. — 240 с.

Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. — 2009. — Т. 10, № 4. — С. 31–50.

Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. — М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. — 336 с.

Пайн Б. Д., Гилмор Д. Х. Экономика впечатлений: как превратить покупку в захватывающее действие. — М.: Альпина Паблицер, 2018. — 368 с.

Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы // Экономическая социология. — 2003. — Т. 4, № 5. — С. 34–53.

Радаев В. Теневая экономика в России: изменение контуров // Pro et contra. — 1999. — Т. 4, № 1. — С. 5–24.

Симонова О. А. Эмоциональный труд в современном обществе: научные дискуссии и дальнейшая концептуализация идей А. Р. Хохшильд // Журнал исследований социальной политики. — 2013. — Т. 11, № 3. — С. 339–354.

Стребков Д. О., Шевчук А. В., Лукина А. А., Мелианова Е. Г., Тюлюпо А. В. Социальные факторы выбора контрагентов на бирже удаленной работы: исследование конкурсов с помощью «больших данных» // Экономическая социология. — 2019. — Т. 20, № 3. — С. 25–65.

Alter-Muri S. The body as canvas: Motivations, meanings, and therapeutic implications of tattoos // Art Therapy. — 2020. — Vol. 37, no. 3. — P. 139–146.

Atkinson M. Tattooing and civilizing processes: body modification as self-control // Canadian Review of Sociology / Revue canadienne de sociologie. — 2004. — Vol. 41, no. 2. — P. 125–146.

Geertz C. The bazaar economy: Information and search in peasant marketing // The sociology of economic life. — 2018. — P. 118–124.

Jenkins H. Confronting the challenges of participatory culture: Media education for the 21st century. — Cambridge, MA: The MIT Press, 2009. — 145 p.

Lupton D. Sociology and risk // G. Mythen, S. Walklate (eds.). Beyond the risk society: Critical reflections on risk and human security. — Maidenhead: Open University Press, 2006. — P. 11–24.

Lupton D. Risk and emotion: towards an alternative theoretical perspective // Health, Risk & Society. — 2013. — Vol. 15, no. 8. — P. 634–647.

Oldenburg R., Brissett D. The third place // Qualitative Sociology. — 1982. — Vol. 5, no. 4. — P. 265–284.

Tierney K. J. Toward a critical sociology of risk // Sociological Forum. — 1999. — Vol. 14. — P. 215–242.

Turner B. S. The possibility of primitiveness: Towards a sociology of body marks in cool societies // Body & Society. — 1999. — Vol. 5, no. 2–3. — P. 39–50.

Электронные ресурсы

ВЦИОМ (2023). Косметологи: на свету и в тени. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kosmetologi-na-svetu-i-v-teni> (дата обращения: 30.10.2023).

Комсомольская правда (2024). «Неделю лежала в глубокой коме»: Умерла модель из Петербурга, которой вкололи обезболивающее на тату-сеансе. — URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/27592/4944077/> (дата обращения: 10.06.2024).

Онлайнер (2023). Как я пошел бить тату вслепую и мне набили «Михалкову». — URL: <https://people.onliner.by/2023/08/07/tatu-vslepuyu> (дата обращения: 22.05.2024).

Vademecum (2021). В Москве возбуждено уголовное дело по факту незаконного оказания косметологических услуг. — URL: <https://vademecum.ru/news/2021/01/20/v-moskve-vozbuzhdeno-ugolovnoe-delo-po-faktu-nezakonnogo-okazaniya-kosmetologicheskikh-uslug/> (дата обращения: 25.05.2024).

Нормативно-правовые документы

ГОСТ Р 59454-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Услуги бытовые. Косметический пирсинг. Общие требования. — URL: <https://base.garant.ru/401555442/>

Приказ Минтруда России от 22.12.2014 № 1069н «Об утверждении профессионального стандарта “Специалист по предоставлению бытовых косметических услуг”» (зарегистрировано в Минюсте России 29.01.2015 № 35776). — URL: <https://base.garant.ru/70857624/>

Приказ Минтруда России от 13.01.2021 № 2н «Об утверждении профессионального стандарта “Врач-косметолог”» (зарегистрировано в Минюсте России 12.04.2021 № 63072). — URL: <https://base.garant.ru/400573409/>

Сведения об авторе

Очерет Анна Юрьевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия.
ayuocheret@edu.hse.ru

Статья поступила в редакцию: 18.12.2024;
поступила после рецензирования и доработки: 20.12.2024;
принята к публикации: 24.12.2024.

ANNA Y. OCHERET

*HSE University,
Moscow, Russian Federation*

“BLACK-MARKET BODY-MODS”: SOCIO-ECONOMIC BACKGROUND OF A SHADOW SEGMENT OF THE BEAUTY INDUSTRY ON THE EXAMPLE OF AESTHETIC BODY MODIFICATION PROCEDURES IN MODERN RUSSIA

Abstract. The modern beauty industry is a multifaceted and rapidly evolving field that encompasses a diverse range of cosmetic and aesthetic services. Focusing on invasive and high-risk beauty procedures such as aesthetic body modifications (tattooing and piercing), this study examines the underlying motivations for consumers to engage in shadow sector beauty services and the mechanisms of consumer risk management in conditions of elevated medical risks. Based on semi-structured interviews with

17 adult consumers of tattooing and piercing services from the informal sector, the following socio-economic motivations for preferring unlicensed practitioners were identified: cost-savings, low levels of trust in the salon industry, elements of experience economy, a desire for private and ritualistic atmosphere, prioritization of artistic taste and expertise over potential risks, and perceiving medicalized risks as minimal. Consumers fear coercive risks and aesthetic expenses. Three typical scenarios of involvement in the shadow sector of body modification services include searching for a practitioner through personal networks, searching for a master on specialized platforms, and consuming body modification services in a third place. In all cases, the role of a mediator is crucial in initiating the first contact between the client and the practitioner. The reciprocal economy of body modifications performs multiple functions, including social inclusion into specific groups. The primary subjective motivations of the home economy of body modifications are cost savings and recreational activity.

Keywords: beauty industry, body modifications, tattooing, piercing, informal economy, shadow sector of the beauty industry.

For citation: Ocheret A. Y. “Black-Market Body-Mods”: Socio-economic Background of a Shadow Segment of the Beauty Industry on the Example of Aesthetic Body Modification Procedures in Modern Russia. *St. Petersburg Sociology Today*. 2024. No. 26. P. 24–55. DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.nx07-gd97; EDN: NQIZRT

References

- Alter-Muri S. The body as canvas: Motivations, meanings, and therapeutic implications of tattoo. *Art Therapy*, 2020, vol. 37, no. 3, pp. 139–146.
- Atkinson M. Tattooing and civilizing processes: body modification as self-control. *Canadian Review of Sociology. Revue canadienne de sociologie*, 2004, vol. 41, no. 2, pp. 125–146.
- Barsukova S. Informal economy: concept, history of study, research approaches. *Sociological Studies*, 2012, no. 2, pp. 31–39. (In Russ.)
- Barsukova S. Forced trust of the networked world. *Polis. Political Studies*, 2001, no. 2, pp. 52–60. (In Russ.)
- Barsukova S. Structure and institutions of the informal economy. *Sociological Journal*, 2005, no. 3, pp. 118–134. (In Russ.)
- Barsukova S., Radaev V. Informal economy in Russia: a brief overview. *Economic Sociology*, 2012, vol. 13, no. 2, pp. 99–111. (In Russ.)
- Busse S. Strategies of daily life: Social capital and the informal economy in Russia. *Sociological imagination*, 2001, vol. 38, no. 3, pp. 166–189. (In Russ.)
- Douglas M. Purity and danger: An analysis of concepts of pollution and taboo. Canon-press-C; Kuchkovo pole, 2000, 336 p.
- Geertz C. The bazaar economy: Information and search in peasant marketing. *The sociology of economic life*, 2018, pp. 118–124.
- Granovetter M. S. The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*, 1973, vol. 78, no. 6, pp. 1360–1380.

Jenkins H. *Confronting the challenges of participatory culture: Media education for the 21st century*. Cambridge, MA, The MIT Press, 2009, 145 p.

Lupton D. *Sociology and risk. Beyond the risk society: Critical reflections on risk and human security*. Maidenhead, Open University Press, 2006, pp. 11–24.

Lupton D. Risk and emotion: towards an alternative theoretical perspective. *Health, Risk & Society*, 2013, vol. 15, no. 8, pp. 634–647.

Oldenburg R., Brissett D. The third place. *Qualitative Sociology*, 1982, vol. 5, no. 4, pp. 265–284.

Pine B. J., Gilmore J. H. *The experience economy*. Alpina Publisher, 2018, 368 p.

Portes A. The informal economy and its paradoxes. *Economic Sociology*, 2003, vol. 4, no. 5, pp. 34–53. (In Russ.)

Radaev V. The shadow economy in Russia: Changing contours. *Pro et Contra*, 1999, vol. 4, no. 1, pp. 5–24. (In Russ.)

Simonova O. A. Emotional labor in modern society: Scientific discussions and further conceptualization of A. R. Hochschild's ideas. *Journal of Social Policy Studies*, 2013, vol. 11, no. 3, pp. 339–354. (In Russ.)

Strebkov D. O., Shevchuk A. V., Lukina A. A., Melianova E. G., Tyulyupo A. V. Social factors in choosing contractors on the remote work exchange: A big data study of competitions. *Economic Sociology*, 2019, vol. 20, no. 3, pp. 25–65. (In Russ.)

Tierney K. J. Toward a critical sociology of risk. *Sociological Forum*, 1999, vol. 14, p. 215–242.

Turner B. S. The possibility of primitiveness: Towards a sociology of body marks in cool societies. *Body & Society*, 1999, vol. 5, no. 2–3, pp. 39–50.

Vorobyova E. Tattooing as an object of sociological research. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2016, vol. 19, no. 3, pp. 148–161. (In Russ.)

Vorobyova E. Formation of motivation for tattooing as a mechanism for constructing identity. *Theory and Practice of Social Development*, 2016, no. 6, pp. 41–47. (In Russ.)

Vorobyova E. *Tattooing as an object of sociological research. Theoretical and methodological aspects*: dissertation. Moscow, 2018. (In Russ.)

Vorobyova E. On the theoretical foundations of the study of modern tattooing: the experience of typologization. *Issues of Social Theory*. 2018, no. 10, pp. 90–100. (In Russ.)

Electronic resources

VTsIOM (2023). Cosmetologists: in the light and in the shade. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kosmetologi-na-svetu-i-v-teni> (date of request: 10/30/2023).

Komsomolskaya Pravda (2024). “She was in a deep coma for a week”: A model from St. Petersburg who was injected with painkillers at a tattoo session died. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/27592/4944077/> (date of access: 06/10/2024).

Online (2023). How I went to get a “blind tattoo” and they gave me a Mikhalkov. URL: <https://people.onliner.by/2023/08/07/tatu-vslepuyu> (date of request: 05/22/2024)

Vademecum (2021). A criminal case has been opened in Moscow on the fact of illegal provision of cosmetology services. URL: <https://vademecum.ru/news/2021/01/20/v-moskve-vozbuzhdeno-ugolovnoe-delo-po-faktu-nezakonnogo-okazaniya-kosmetologicheskikh-uslug/> (date of access: 05/25/2024).

Regulatory documents

GOST R 59454-2021. The national standard of the Russian Federation. Household services. Cosmetic piercing. General requirements. URL: <https://base.garant.ru/401555442/>

Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated 22.12.2014 N 1069n «On approval of the professional standard “Specialist in the provision of household cosmetic services”» (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 29.01.2015 N 35776). URL: <https://base.garant.ru/70857624/>

Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated 01/13/2021 N 2h «On approval of the professional standard “Cosmetologist”» (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 04/12/2021 N 63072). URL: <https://base.garant.ru/400573409/>

Information about the author

Ocheret Anna Y., HSE University,
Moscow, Russian Federation.
ayuocheret@edu.hse.ru

Received: 18.12.2024;

revised after review: 20.12.2024;

accepted for publication: 24.12.2024.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА ЕРМОЛОВА,

ЭЛЬВИРА РУСЛАНОВНА ШОВКУН

Национальный исследовательский

Томский государственный университет, Томск, Россия

ПРАКТИКИ НОСТАЛЬГИИ ПО СОВЕТСКОМУ У ПОКОЛЕНИЯ 60–80-х гг.

Аннотация. В исследовании представлен анализ результатов анкетирования и биографических интервью с людьми, проживавшими в СССР и чье детство и юность пришлись на период 60–80-х гг. Выявляются особенности практик, через которые проявляется ностальгия по советскому периоду, а также ее причины. Результаты показывают, что ностальгия по советскому прошлому выражается как на личностном, так и на коллективном уровне. Ностальгия проявляется в сохранении материальных символов и эмоциональных воспоминаниях, связанных с личными переживаниями. Уверенность в завтрашнем дне, ощущение принадлежности к обществу и богатое культурное наследие основные факторы, вызывающие ностальгию по советскому времени.

Ключевые слова: социальные практики, ностальгия, советская эпоха, позднесоветское общество.

Ссылка для цитирования: Ермолова А. И., Шовкун Э. Р. Практики ностальгии по советскому у поколения 60–80-х гг. // Петербургская социология сегодня. — 2024. — № 26. — С. 56–69. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.4se9-bm85; EDN: NUOLIP

Введение

В наши дни ностальгия по советскому прошлому вызывает интерес исследователей и общественности. С уходом поколений, родившихся в Советском Союзе, можно было бы ожидать уменьшения количества упоминаний об этом прошлом, но наблюдается обратное явление. Так, еще в 2021 году, к 30-летию распада СССР, опрос ВЦИОМа показал, что для 21% респондентов Советский Союз ассоциируется с верой в светлое будущее, стабильностью, спокойствием, уверенностью в завтрашнем дне. Для 13% — с положительными эмоциями, ностальгией, радостью, теплыми, приятными воспоминаниями. 11% вспоминают детство, юность, молодость, бабушек и дедушек, молодых тогда еще родителей

(100 лет СССР...). Ностальгия принимает различные формы, включая коммерциализацию, музеефикацию и эмоциональный аффект (Абрамов 2012: 110). С увеличением числа людей, ностальгирующих по советской эпохе, возрос и интерес исследователей к данной теме. Например, А. А. Целыковский изучает роль советского наследия в современной политике (Целыковский 2023: 35–36). А. Ю. Долгов, Е. Ю. Мелешкина и О. А. Толпыгина анализируют современные представления жителей Московской области об СССР: как особенности социализации и другого индивидуального и коллективного опыта влияют на оценку советского прошлого и его наследия (Долгов, Мелешкина, Толпыгина 2021: 245–273).

Цель исследования — выявить особенности практик ностальгии по советскому среди людей, родившихся в период 1968–1981 годов. Это реформенное поколение по В. В. Радаеву. Кроме реформенного, он также выделяет еще три поколения людей, живших в СССР: «мобилизационное поколение» (рождены в 1938 г. и ранее), «поколение оттепели» (1939–1946 гг.), «поколение застоя» (1947–1967 гг.) (Радаев 2018: 57–58). У каждого из них есть свои особенности: так, у поколения «оттепели» и «застоя» социализация и становление (личное и профессиональное) проходило во время существования СССР. Несколько иная ситуация сложилась у людей «реформенного поколения». Часть из них выросла и становилась в СССР, а другая попала в непростые обстоятельства, когда советский строй начал преобразовываться и постепенно сходить на нет. Для изучения мы выбрали поколение, рожденное в 1968–1981 годах, так как в основном «в центре ностальгических настроений населения России» находятся позитивные эмоции в отношении позднего советского периода, где ключевое место занимает эпоха застоя, период правления Л. Брежнева (Абрамов 2019а: 114).

Стоит сказать, что термин «ностальгия» имеет разные смысловое наполнение. Остановимся на рассмотрении некоторых подходов. Наиболее известными исследованиями по изучаемой проблеме являются работы С. Бойм. Она выделяет историческую сторону ностальгии: «Сама потребность в ностальгии исторична, т. к. в определенные переходные периоды истории она может быть защитной реакцией, поиском в прошлом той стабильности, которой нет в настоящем. Ностальгия в сочетании с рефлексией помогает расширить горизонт ожидаемого, вспомнить о другом времени и попробовать подойти к истории нетелеологично» (Бойм 2002: 301).

Н. Абрамов дает два определения для данного понятия — под «ностальгией» подразумевается «персональная утрата идеализированного прошлого и тяга к нему, а также интеллектуально-эмоциональный

конструкт, искажающий публичную версию определенного исторического периода или определенной социальной формации прошлого» (Абрамов 2012б: 11–12).

По мнению некоторых исследователей, например А. Сантессо, ностальгия может быть определена как глубокая личная тоска по прошлому. Он считает ее одной из основных эмоций, подобных гневу или печали. Термин «ностальгия» стал охватывать все формы сентиментальной привязанности к прошлому, от перемены в родном городе с детства до утраченных запахов, вкусов и образов минувших дней. А. Сантессо отмечает, что любое определение ностальгии неизбежно будет нечетким, поскольку объекты ностальгии у разных людей различны. Одни могут тосковать по сельскому детству, а другие — по городской юности (Santesso 2002a: 221).

По словам С. Бойм, изменение смысла ностальгии в первую очередь связано с историческими процессами и новым восприятием времени и пространства: эпоха модерна сделала взаимодействие более индивидуализированным и творческим, допуская сосуществование различных интерпретаций. Ностальгия не ограничивается тоской по конкретному месту — она связана с привлечением к конкретному периоду, несмотря на его неповторимость. С. Бойм также выделяет два направления ностальгии: «реставрационное» и «рефлексивное». Первое уверенно стремится вернуться к корням и серьезно верит в их подлинность. «Реставрационная» ностальгия нацелена на коллективную память, поэтому она часто используется в политических дискурсах для формирования национального самосознания (Бойм 2019a: 67). А. Сантессо также отмечает наличие политического компонента в феномене ностальгии. Для «реставраторов» прошлое имеет важное значение для настоящего и представляет идеальную модель, которую можно и нужно воспроизводить (Santesso 2002b: 223).

С другой стороны, «рефлексивная» ностальгия связана с осознанием разницы между событиями разных временных отрезков и их размышлением. Этому направлению свойственно личное восприятие времени, и оно ориентировано на индивидуальный рассказ, опирающийся на детали и памятные знаки. В то время как «реставрационная» тяготеет к серьезности, «рефлексивная» может быть ироничной. Оба типа ностальгии могут быть связаны с одними и теми же символами и стимулами, но при этом создавать разные рассказы (Бойм 2019б: 54).

В современных исследованиях изучение прошлого связано не только с ностальгией, но и с концепцией «ретротопии». Например, З. Бауман исследует актуальность ностальгических переживаний

в современном мире (Бауман 2018а: 435). Она определяет современное состояние общества как «ретротопию», противопоставляя его утопии. В отличие от утопии, которая предполагает надежды на будущее, ретротопия характеризуется тоской по прошлому. Современный человек видит будущее мрачным, поскольку он сталкивается с новыми вызовами, к которым он не готов. Неопределенность и хаотичность будущего, а также страх перед глобализацией и насилием вызывают желание вернуться к прошлому. В таком обществе риска и нестабильности ностальгия становится способом примирения с настоящим и интеграции ценностей. Важным аспектом в преодолении ретротопии является диалог, который позволяет объединить ценности прошлого и настоящего. Он способствует формированию космополитичного сознания, которое необходимо для адаптации к постоянно меняющимся условиям.

В нашей же работе мы будем рассматривать ностальгию как «непосредственные эмоции и переживания, связанные с жизнью в определенный период» (Абрамов 2019б: 112). Особенность данного исследования состоит в рассмотрении ностальгии еще и как практики, под которой будет пониматься форма деятельности человека, направленная на создание атмосферы идеализированного прошлого, желание вспомнить свое прошлое и поделиться опытом с окружающими людьми.

Методы исследования

Исследование реализовано посредством использования методов анкетирования и биографических интервью. Анкета была составлена в гугл-формах и состояла из 19 вопросов с различными вариантами ответов. Выборка для анкетирования формировалась методом «снежного кома»: рассылка среди подходящих под критерии родственников и друзей, в рабочие чаты, просили делиться анкетой с другими. В опросе приняли участие 110 человек из разных регионов, большинство были из Томской, Омской и Кемеровской областей. Дополнительно было взято четыре интервью у людей реформенного поколения по разработанному гайду. Он включал в себя два блока: первый блок — вопросы о биографии, второй — подробный блок с вопросами о практиках ностальгии, который был разбит на темы: хранение, коллекционирование, участие в ностальгических группах и форумах в социальных сетях, просмотр советских фильмов, чтение советских книг, просмотр передач / документальных фильмов об СССР, прослушивание советской музыки, посещение тематических мероприятий.

Результаты исследования

Социологический опрос. В опросе приняли участие 110 человек. Количество женщин, принявших участие в опросе, существенно превышает количество мужчин. Доля женщин составляет 79%, а мужчин — всего 21%. Возрастное распределение: от 30 до 40 лет — 12,7%, от 41 до 52 лет — 61,8%, от 53 до 62 лет — 14,5%, старше 62 лет — 10,9%.

Первые два вопроса анкеты были направлены на выявление степени ностальгии среди опрашиваемых. Из графика на рис. 1 видно, что большинство испытывают чувство ностальгии по советскому времени.

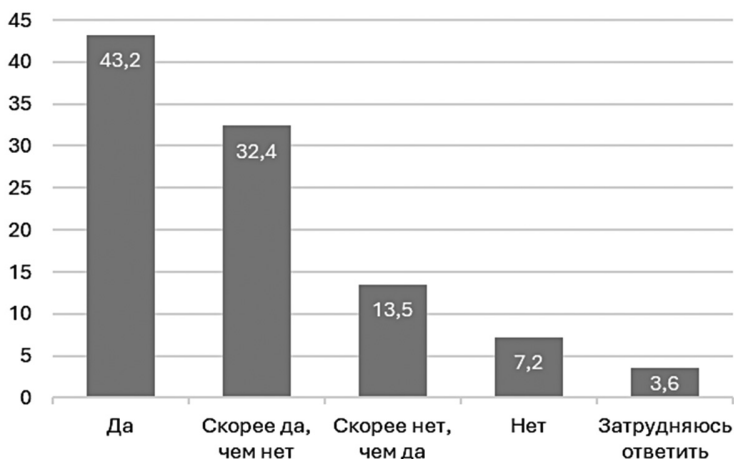

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, вы подвержены ностальгии по советскому времени?»

Далее респондентам был задан уточняющий вопрос: «Насколько сильно вы чувствуете ностальгию по советскому периоду, измеряя по шкале от 1 до 5, где 1 — почти не чувствую, а 5 — чувствую очень сильно?» График распределения ответов представлен на рис. 2.

Чтобы выявить, через что проявляется ностальгия по советскому времени, респондентам был задан вопрос: «Что вызывает у вас чувство ностальгии?», который предполагал различные практики: просмотр определенных фильмов, прослушивание музыки, чтение книг, посещение каких-либо мест (праздники, места встречи, события, места прошлого и т. д.), а также разговоры с людьми (рис. 3). Так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответов, сумма процентного распределения больше ста. Популярными вариантами

ответов оказались советские фильмы и места. Также вопрос предполагал вариант «другое», в котором можно было написать краткий ответ. В нем респонденты писали о качестве продуктов, медицине и образовании советского времени.

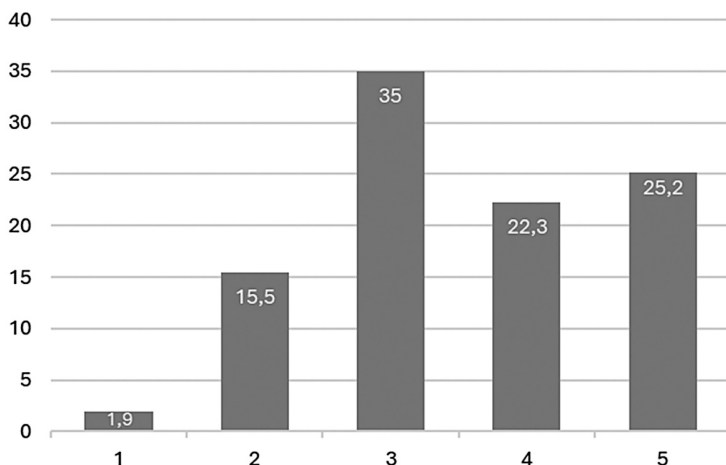

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Насколько сильно вы чувствуете ностальгию по советскому периоду, измеряя по шкале от 1 до 5, где 1 — почти не чувствую, а 5 — чувствую очень сильно?»

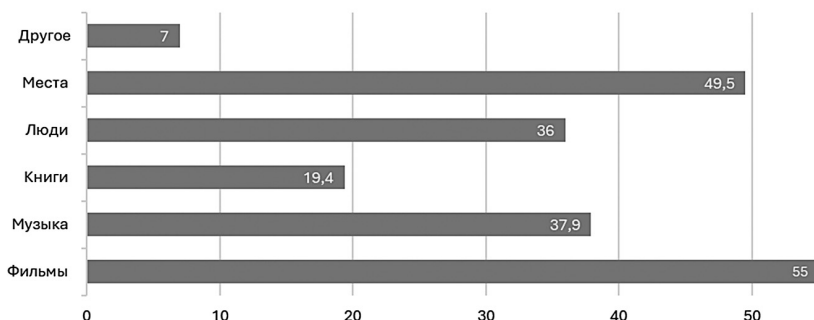

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Что вызывает у вас чувство ностальгии?»

Для большего раскрытия некоторых практик были заданы уточняющие вопросы. Так, на вопрос о том, какие места вызывают чувство

ностальгии по советскому времени, респонденты писали краткий ответ. Данный вопрос можно было пропустить, однако ответили на него 82,7% опрошиваемых, самыми популярными ответами оказались: дом / город, в котором родился человек, школа, пионерский лагерь, цирк, памятники, парки.

Было интересно выяснить, посещают ли респонденты мероприятия, посвященные советскому времени. Из графика на рис. 4 видно, что половина опрошиваемых не посещали и не планируют посетить данного рода мероприятия. Среди другой половины опрошиваемых популярными ответами оказались тематические вечеринки и выставки. Так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответов, сумма процентного распределения больше ста.

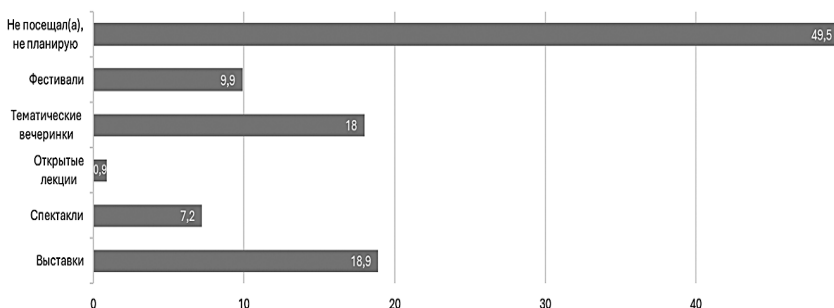

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос:
«Какие мероприятия, посвященные советскому времени,
вы посещаете / посещали / планируете посетить?»

В ходе исследования также было важно выяснить, говорят ли люди о своем опыте жизни в СССР. На данный вопрос положительный ответ дали 83,8% опрошиваемых. Этим респондентам был задан уточняющий вопрос: «С кем обычно обсуждаете эти воспоминания?» Результаты ниже (рис. 5) показывают, что большинство делятся пережитым опытом с семьей или друзьями / коллегами.

Следующие вопросы анкеты были направлены на выявление практик хранения и коллекционирования. Так, на вопрос: «Есть ли у вас вещи, которые вы храните со времен СССР?» — 68,5% опрошиваемых ответили «да». Далее им был задан вопрос: «По какой причине вы храните вещи со времен СССР?» Данные (рис. 6) показали, что главными причинами хранения являлись приятные воспоминания, которые несут в себе эти вещи, или память о людях.

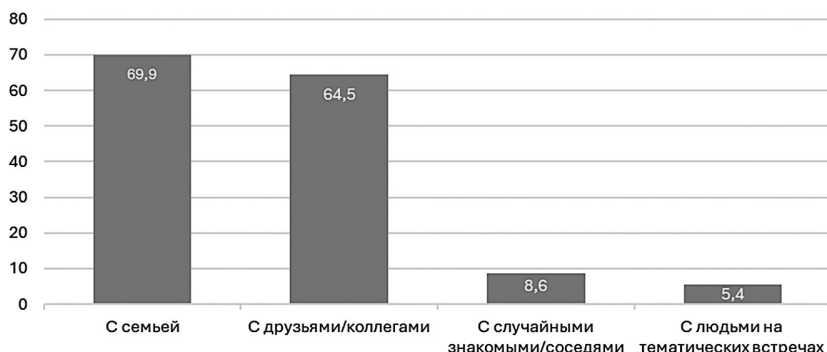

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «С кем обычно обсуждаете эти воспоминания? (укажите подходящие варианты ответов)»

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «По какой причине вы храните вещи со времен СССР?»

91,9% от всех опрашиваемых на вопрос о коллекционировании советских вещей ответили, что намеренно не коллекционируют вещи из советской эпохи, остальные 8,2%, которые ответили положительно, в основном коллекционируют книги, марки и открытки.

В анкете также был один вопрос, связанный с практиками в интернете. Мы спросили у респондентов, подписаны ли они на группы в соцсетях, которые посвящены советской эпохе. Оказалось, что лишь 14% от всех опрашиваемых подписаны на подобные группы.

На заключительный вопрос: «Есть ли что-то из советской эпохи, чего не хватает в современной жизни?» — 79,3% опрашиваемых ответили положительно. На уточняющий вопрос о том, чего именно не хватает, респонденты писали краткий ответ. Самыми частыми ответами

оказались: «не хватает взаимопонимания», «стабильности», «доброты», «качественных продуктов питания».

По итогам опроса можно отметить, что большая часть реформенного поколения ностальгирует по советской эпохе. При этом довольно маленький процент опрошиваемых намеренно занимается коллекционированием, посещает тематические мероприятия либо подписан на группы, посвященные советскому времени, т. е. совершает осознанные практики. В большинстве случаев люди неосознанно воспроизводят практики в своих обыденных действиях: в разговорах с родственниками, друзьями, в проведении досуга — просмотривании фильмов, прослушивании музыки, прогулках по городу и т. д.

Анализ интервью. В рамках исследования также были взяты интервью. Гайд включал вопросы, которые помогли узнать представления информантов о понятии «ностальгии» и их личный опыт, связанный с данным феноменом. Мы спрашивали о разных аспектах жизни, культурного и социального окружения. Все это позволило выявить, как формировалось понимание ностальгии респондентами и какие возможные практики они совершают.

Чаще всего респонденты говорили о том, что ностальгию по СССР вызывает чувство уверенности в завтрашнем дне: *«Ты всегда знал, что с тобой и твоей семьей все будет хорошо»*. В советское время, несмотря на дефициты и ограничения, существовало чувство стабильности и предсказуемости, что значительно отличается от современного ощущения неопределенности. Экономическая стабильность и возможность планирования будущего также являются важными элементами ностальгии. Интервьюируемый вспоминает, как можно было *«на среднюю зарплату позволить себе купить квартиру»*, что в современном обществе уже не является возможным. Это подчеркивает изменение экономических реалий и рост социального неравенства, что вызывает у людей чувство утраты прежних возможностей и благ.

Также респонденты подмечают, что в современном обществе нет «моды» на доброту. Для них период жизни в СССР — это воспоминания о взаимодействиях друг с другом и коллективизме. В советское время было принято помогать друг другу, что формировало сильные социальные связи и чувство общности. Интервьюируемый отмечает, что в детстве дети могли *«...дров натаскать соседской бабушке, потому что она живет одна. Это было модно, это было почетно»*. Современное общество, ориентированное на индивидуализм, утратило эти ценности, что вызывает у людей чувство ностальгии по более сплоченным временам. Вот что говорят другие информанты:

«Порядочность, честность, взаимовыручка, дружба, человечность... интернационализм — это все было модно. Сейчас это не в моде. Сейчас в моде, можно так сказать, национализм. Нацизм даже, не национализм, а нацизм».

«Вспоминаю, что с родственниками часто собирались по праздникам. Даже не столько родственники, наверное, друзья родителей. Весело было, дружно. Вот это хорошо всплывает, что постоянно люди коммуницировали между собой по любому поводу. Если помогали, то как-то в основном все было бескорыстным».

На вопрос «Можете ли вы сказать, что скучаете по временам Советского Союза?», один информант дал четкий ответ «да». Она вспоминает о чувстве безопасности и отсутствии страха, которое царило в те времена. Также говорит о том, что можно было спокойно гулять по вечерам, не опасаясь нападений или воровства. Это чувство контрастирует с тем, что можно наблюдать в настоящее время, когда она обеспокоена ростом насилия и преступности: *«Иногда страшно, когда стариков на улице стайка детей избивает. Просто так, бравады ради. Это очень страшно».*

При этом другие информанты не дают положительно ответа: *«Сейчас, прожив уже три эпохи: советское время, переходный период и современную Россию, — несколько по-другому рассуждаю. Но я не порицаю то прошлое, я не говорю, что оно было хорошим, и не говорю, что оно было плохим, оно позади — и точка. Если бы меня спросили, хотел бы я вернуться в то время, то нет, не хочу, потому что мне не хватает информации, а тогда был ее дефицит, ничего хорошего в железном занавесе нет».* Тем не менее упоминают плюсы советского времени: *«...чем хорош был Советский Союз, да, что привлекали, завлекали, увлекали молодежь всякими разными методами, всякими разными способами... я говорю, я за свою юность все прошел — что только понравилось, на том и остановился. Это сейчас, чтоб куда-то пойти, надо деньги платить, просто так платить никто не хочет».*

О самих практиках ностальгии респонденты в основном рассказывали о хранении вещей с советского периода:

«У меня есть гараж, там хранится большая коробка старых виниловых пластинок, и также остался проигрыватель, но его у меня выпросил сын. Сказал, что будет внукам устраивать ритуал, который у нас был в советское время — слушать на виниле сказки».

«У меня есть мечта достроить над баней второй этаж и сделать личный кабинет. Там у меня будет виниловый проигрыватель с акустикой, с усилителем, советский настоящий „ВЕГА-122“, и будут стеллажи с книгами. Книги мне достались от мамы моей супруги, библиотека у них была обширная: там есть и шедевры мировой

литературы, и наша отечественная классика, такая как Пушкин, Толстой, ну и советские писатели».

Однако есть ситуации, когда у человека ничего не сохранилось, но сейчас он об этом жалеет и пытается компенсировать, коллекционируя предметы, например новогодние игрушки:

«Ценности этому раньше не было, никто никогда ничего не говорил, и понимания этого не было. Если бы раньше оно пришло, наверно, вряд ли бы это случилось. Я просто даже сейчас игрушки новогодние смотрю чужие и понимаю, что у нас вот такой был, такой был, то есть в памяти это осталось...»

Еще одним способом вспомнить прошлое является просмотр видеоконтента с тематикой тех лет или же советских фильмов, таких как «Любовь и голуби», «Москва слезам не верит» и так далее. *«Очень часто смотрю на канале „Мир“. Есть передача, называется „Игра в кино“. Это... мне просто очень нравится, бальзам на мою душу, люблю фильмы, снятые в советское время, очень популярные советские фильмы».*

Также одной из особенностей ностальгии оказалась ее связь с сенсорными ощущениями, такими как запахи и вкусы. Информант описывает, что определенные запахи и вкусы могут неожиданно вызывать воспоминания о советском прошлом: *«Бывает, даже и не в разговоре просто... запах какой-то, вот больше все-таки на запах, реже на какой-то вкус приходит неожиданное воспоминание».* Это может говорить о глубокой связи памяти с органами чувств, которые могут мгновенно погружать человека в атмосферу прошлого.

Также воспоминания могут нахлынуть в момент занятия каким-то делом: *«Такое бывает, когда ты занимаешься выпечкой какой-то, которая была популярна в советское время. Например, очень популярны были орешки, и вот при выпекании этих орешков... есть отсыл такой».*

Как оказалось, ностальгия по Советскому Союзу часто выражается через личные воспоминания и чувства, связанные с детством и молодостью. Из-за этого самой распространенной практикой стало хранение вещей, поскольку они несут для респондентов эмоциональную ценность. Также практически все респонденты упоминали о том, что раньше люди были дружнее, оказывали помощь и поддержку, чего не наблюдается в настоящее время.

Заключение

Ностальгия по СССР многогранна и связана с различными аспектами жизни, такими как экономическая и социальная стабильность, сенсорные воспоминания и культурные артефакты. Уверенность

в завтрашнем дне, ощущение принадлежности к обществу и богатое культурное наследие остаются значимыми факторами, вызывающими ностальгию по советскому времени. Эти элементы помогают людям справляться с неопределенностью и сложностями современного мира, находя утешение в воспоминаниях о прошлом.

Проведенное исследование позволило выявить, что ностальгия по советскому проявляется в различных сферах: проведение общественных мероприятий в советской тематике (дискотеки, экофестивали, лекции, выставки); использование советских рецептов, поиск продуктов, которые были популярны в СССР; хранение вещей; прогулки по местам из прошлого; разговоры с друзьями и родственниками, прослушивание музыки, просмотр фильмов.

При этом немногие совершают осознанные практики. В большинстве случаев люди неосознанно воспроизводят их в своих обыденных действиях, в разговорах и в проведении досуга.

Источники

Абрамов Р. Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. — 2012. — № 4. — С. 10–15.

Абрамов Р. Н. Отношение к позднему советскому прошлому как объект социологического исследования // Общественные науки и современность. — 2019. — № 5. — С. 108–120. — DOI: 10.31857/S086904990006566-4.

Бауман З. Ретротопия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2018. — № 6. — С. 435–442. — DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.22.

Бойм С. Будущее ностальгии. — М.: Новое литературное обозрение, 2019. — С. 54–671.

Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. — М.: Новое литературное обозрение, 2003. — С. 301.

Долгов А. Ю., Мелешкина Е. Ю., Толпыгина О. А. От ностальгии к осмыслению настоящего: СССР в представлениях разных поколений // Политическая наука. — 2021. — № 1. — С. 245–273. — DOI: 10.31249/poln/2021.01.11.

Радаев В. В. Прощай, советский простой человек! // Общественные науки и современность. — 2018. — № 3. — С. 57–58. — DOI: 10.7868/S0869049918030048.

Цельковский А. А. Ностальгия по СССР: образы советской эпохи в медийной и политической практике современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2023. — Т. 23, № 1. — С. 35–39. — DOI: 10.18500/1819-7671-2023-23-1-35-39.

100 лет СССР: забыть нельзя вернуться? // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). — URL: <https://wciom.ru/>

analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja (дата обращения: 10.03.2024).

Santesso A. A Careful Longing: The Poetics and Problems of Nostalgia. — Newark: University of Delaware Press, 2006. — P. 221.

Сведения об авторах

Ермолова Александра Ивановна, кандидат исторических наук,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
Томск, Россия.
mery-05@mail.ru

Шовкун Эльвира Руслановна, Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
Томск, Россия.
elvira.shovkun@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 08.11.2024;
принята к публикации: 24.12.2024.

ALEXANDRA I. ERMOLOVA, ELVIRA R. SHOVKUN

*National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russia*

PRACTICES OF NOSTALGIA FOR THE SOVIET IN THE GENERATION OF THE 60–80s

Abstract. The study analyzes the results of questionnaires and biographical interviews with people who lived in the USSR and whose childhood and adolescence were in the 60–80s. The study reveals the peculiarities of practices through which nostalgia for the Soviet period manifests itself, as well as its causes. The results show that nostalgia for the Soviet past is expressed both at the personal and collective level. Nostalgia is manifested in the preservation of material symbols and emotional memories related to personal experiences. Confidence in the future, a sense of belonging to the society and rich cultural heritage are the main factors causing nostalgia for the Soviet time.

Keywords: social practices, nostalgia, Soviet era, late Soviet society.

For citation: Ermolova A. I., Shovkun E. R. Practices of Nostalgia for the Soviet in the Generation of the 60–80s. St. Petersburg Sociology Today. 2024. No. 26. P. 56–69. DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.4se9-bm85; EDN: NUOLIP

References

- Abramov R. N. Time and space of nostalgia. *Sociological Journal*, 2012, no. 4, pp. 10–15. (In Russ.)
- Abramov R. N. Attitude to the late Soviet past as an object of sociological research. *Social Sciences and Modernity*, 2019, no. 5, pp. 108–120. (In Russ.) DOI: 10.31857/S086904990006566-4.
- Bauman Z. *Retrotopia. Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change*, 2018, no. 6, pp. 435–442. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.22.
- Boym S. *The future of nostalgia*. Moscow, New Literary Review, 2019, pp. 54–67.
- Boym S. *Common Places: The Mythology of Everyday Life*. Moscow, New Literary Review, 2003, pp. 301.
- Dolgov A. Y., Meleshkina E. Y., Tolpygina O. A. From nostalgia to comprehension of the present: The USSR in the perceptions of different generations. *Political Science*, 2021, no. 1, pp. 245–273. (In Russ.) DOI: 10.31249/poln/2021.01.11.
- Radaev V. V. Farewell, Soviet simple man! *Social Sciences and Modernity*, 2018, pp. 57–58. (In Russ.) DOI: 10.7868/S0869049918030048.
- Santesso A. A. *Careful Longing: The Poetics and Problems of Nostalgia*. Newark, University of Delaware Press, 2006, pp. 221. (In Russ.)
- Tselikovskiy A. A. Nostalgia for the USSR: images of the Soviet era in the media and political practice of modern Russia. *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 35–39. (In Russ.) DOI: 10.18500/1819-7671-2023-23-1-35-39.
- 100 years of the USSR: to forget cannot return?* [Russian Public Opinion Research Center (WCIOM).] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja> (access date: 10.03.2024).

Information about the authors

Ermolova Alexandra I., Candidate of Historical Sciences,
National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russia.
mery-05@mail.ru

Shovkun Elvira R., National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russia.
elvira.shovkun@mail.ru

Received: 08.11.2024;
accepted for publication: 24.12.2024.

Кристина Ильинична Рыжухина

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия*

МУЗЕЙНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СРЕДА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ПАМЯТЬЮ ИНДИВИДОВ: АНАЛИЗ ПОВЕДЕНИЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ В РАМКАХ ЭКСПОЗИЦИИ «СОВЕТСКАЯ ЭПОХА» МУЗЕЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию восприятия музейных экспозиций о советской эпохе посетителями разных возрастных групп. На основе кейса экспозиции «Советская эпоха» в Музее политической истории России в Санкт-Петербурге проведен фрейм-анализ, рассматривающий музейное пространство как социальный контекст, в котором посетители проявляют различные модели поведения. Для этого были использованы методы визуального анализа музейного пространства, контент-анализ нарративов экспозиции и структурированное наблюдение за поведением посетителей. В исследовании выявлено, что младшие возрастные группы (до 40 лет) воспринимают экспозицию без эмоционального вовлечения, в отличие от старших, которые интерпретируют события через призму личного опыта. Также обнаружены расхождения между заложенными в экспозицию нарративами и их восприятием посетителями, что обусловлено внимательностью и маршрутом осмотра экспозиции.

Ключевые слова: музей, поведение посетителей, политика памяти, культурная память, коммуникативная память.

Ссылка для цитирования: Рыжухина К. И. Музейное пространство как среда взаимодействия с памятью индивидов: анализ поведения посетителей в рамках экспозиции “Советская эпоха” Музея политической истории России // Петербургская социология сегодня. — 2024. — № 26. — С. 70–98. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.awkm-zc54; EDN: KMSGCZ

Introduction

Cultural memory, by definition of Assmann (2008: 117), is a highly formalized and ceremonialized form of memory that keeps, as the author calls it, “mythical history, events in absolute past” (Assmann 2008: 117).

It is more susceptible to state-led policies than communicative memory, which, in turn, is a non-formalized and non-institutionalized, personalized view on the recent past from the perspective of autobiographical recollections (Assmann 2008: 117).

In contemporary politics of most countries, including Russia, there is an actively developing direction of memory politics, i. e. an exploitation of a collective memory for restructuring national identity in order to achieve both external and internal state goals (Malinova 2017). These politics are prominently reflected in the activities of historical museums, especially those financially supported by the state (Gray 2015). Presence of these politics in the Russian context has to be considered, because it could somehow affect the views of Russian citizens and therefore moderate their behaviors.

Due to definitions of cultural and communicative memory, the second half of the 20th century is supposed to be the most resistant era for memory policies. People who carry memories of that era are still alive and pass on their lively memories to younger generations. Memories of particularly distant periods, such as the time of Stalin's rule, are now transitioning into the realm of cultural memory. Hence, nowadays there are very few people who could pass their personal memory of that era left, therefore it could be assumed the communicative memory has almost entirely disappeared.

Thus, the question arises: how might the distance of different age cohorts from an event/period affect their interaction with the memory of that event / period? One can try to answer this question by following the behavior of visitors in historical museums, since museums are institutions where memories are stored in written and objectified form, and people's reactions to them are easier to trace than, for example, in a library. Taking into account all above mentioned criteria, for investigation of the research question, it was decided to conduct the analysis of behavior of different age cohorts within the context of a historical museum exhibition dedicated to the second half of the 20th century.

We can try to answer this question by analyzing the case of an exhibit "Soviet Era" in the Museum of Political History of Russia. This case was chosen, as it is a major state historical museum and it seems to be possible to trace the presence of state influence and understand its commitment to the official historical narrative, particularly through recent news. Besides, exhibit "Soviet Era" in its nowadays form encompasses the period from the World War II until the collapse of the USSR, that gives an ability

to analyze the ratio of representation of certain events in the exposition narrative.

Memory, History and Their Political Use

A distinctive feature of the chosen case is the direct presence of memory that can be visibly traced within the museum space. Moreover, given that the museum in question is political, the politicization of this memory must also be taken into account. Therefore, it is essential to first examine the key concepts in more detail, namely the concepts of memory, historical politics, and memory politics.

French sociologist Maurice Halbwachs (Halbwachs 1992), one of the classics of memory studies, elaborates on the concept of collective memory. According to his works, an individual's memory is formed under the influence of his/her interactions with society. That is, Halbwachs defined collective memory as the recollections shared by the members of a certain society, that form a sense of place, time and social differentiation (Halbwachs 1992).

In the conceptual framework of Jan Assmann (Assmann 2008), cultural memory, that emerges with the development of history and culture of a certain society, is presented as not the same, but the sub-level of collective memory. It is transferred via texts, objects, rituals with the help of "specialized carriers of memory", or, in other word, by people with certain occupations, like, for example, poets or scholars.

According to Assmann, cultural memory needs to be differentiated from the communicative memory, that is also a sub-level of collective one, but stands on the social stage and represents the memory of actually living groups of people. It is diffused via daily interactions and communications within representatives of different generations.

Also, these types of memory are differentiated in the time of existence. Thus, cultural memory due to being institutionalized and transmitted hierarchically, could be served for hundreds of years, or even thousands. Meanwhile, communicative memory, according to Assmann, covers only about 80–100 years, i. e. the cycle of memory transmission among three or four generations, which caught the holder of real memory of certain events.

According to Anderson (Anderson 2006), memory can be exploited for political purposes via manipulation with it conducted by educational institutions. That is, as the author elaborates, through the educational process concrete events are shown from a certain angle in order to their

‘remembering’, that is absorbed by minds of young generations and implemented in the history they have direct relation to, e.g. their family’s history. Meanwhile, some other events and facts are ‘screened’ by those being shown. This framing of historical events makes history a plastic tool for manipulations with citizens’ minds (Anderson 2006).

Gray (2015) notes that museums are subject to influence and are compelled to adapt their actions to national policies within which they operate (Gray 2015). Given that the Museum observed is dedicated to the political history of the state, it inevitably adopts a politicized approach to the use of memory, particularly addressing the relationship between citizens and the state. Such a politicized use of memory is called memory politics. Malinova (Malinova 2017) defines memory politics as “the activity of the state and other actors aimed at asserting certain views of collective past and forming supporting cultural infrastructure, educational policies, and in some cases — legislative regulation” (Malinova 2017).

A particular case of memory politics that historical politics. According to Miller’s (Miller 2012) definition, it is the systematic manipulation of history, demonstrating it from the angle advantageous for the incumbent government, through the mobilization of the administrative and financial resources of the state (Miller 2012: 8). Malinova (Malinova 2015, 2019) argues that although the final official historical narrative is formed by historians, officials take active part in history interpretation and possess the resources to create an “infrastructure” of cultural memory, i.e. making changes to the calendar of holidays and memorable dates, establishing state symbols and awards, regulating official ceremonies, etc. (Malinova 2015; Malinova 2019).

All these concepts related to memory and politics are closely intertwined. Altogether, they are manifested in museums dedicated to Soviet history. Hence, Morozov and Sleptsova (2020) analyzed in their research more than 50 such Russian and foreign museums for the representation of the Soviet past via narratives constructed by the museum exhibition. It is noteworthy that the majority of museums examined in Morozov and Sleptsova’s study cover the same time period as the exhibition we are analyzing in its current state — from the Great Patriotic War or the immediate post-war period to the collapse of the USSR. Hence, they argue that the representation of the Soviet past in museums is highly dichotomous, which can be clearly divided into two main directions. The first direction views Soviet history as a process of destroying pre-revolutionary achievements and European values. These exhibitions focus on negative aspects such as collectivization, industrialization, repression, and the significant human toll. Another direction

represents an official discourse that concentrates more on the achievements of the Soviet era. As Morozov and Sleptsova note, such museums often receive government support and likely aim to showcase the diversity and grandeur of the Soviet experience. At the same time, such museums typically avoid mentioning ideological persecution and political repression (Morozov, Sleptsova 2020).

Museum Space and its Visitors

Although there is a great variety of studies investigating museum visitors' behavior, most of them were conducted in marketing or museological fields. Meanwhile, among the limited number of studies whose research field aligns with that of the present research, we observe a variety of approaches to studying the topic. Typically, as will be confirmed by the studies mentioned below, a comprehensive set of methods is used to explore museums as sites of memory and their visitors.

Zhang et al. (Zhang et al. 2018) used two post-colonial historical museums in Hong Kong and Macau as cases to explore the (re)construction of national identity based on the museum memory-making. The main methodology of the study was the critical discourse analysis (CDA), which implies the scrutinizing of speech on the presence of power relations and hidden meanings within a certain social context. Within this research framework, authors implemented several methods for analysis of the museums as text: they looked through promotional texts, museum artifacts and their placement within the exhibitions, analyzed and compared museum narratives in English and Chinese, and collected online reviews. They also conducted a covert observation of visitors' behavior, emphasizing on their engagement into guided tours, reactions on the perceived information, interactions with museum content and conversations, observing both tour guides and visitors. Observations indicated that visitors actively engage with the museum content, interpreting and negotiating their own identities in relation to the exhibits. The interactions between visitors and tour guides played a significant role in shaping these experiences (Zhang et al. 2018).

Tchouikina (Tchouikina 2019) looked at how the perception of the First World War constructed within the framework of historical policy is reflected in exhibitions dedicated to the event, and how those exhibitions in turn interact with the audience. She implemented visual analyses of exhibitions and interviews with their visitors, as well as analyzing visitors' feedback on websites and in feedback books. The author generally suggests that the

war is not reinterpreted in the discourse of contemporary authorities, but is used through inclusion in the current historical memory and the creation of emotional connections to create a certain image of Russia for its citizens and to construct a collective opinion on contemporary events, which corresponds to the general style of historical politics in Russia (Tchouikina 2019).

Leinhardt et al. (Leinhardt et al. 2003) examined how conversations in the museum space reflect identities and construct experiences of the visitors. According to the findings of the study, conversations demonstrate visitors' connection to the content presented. Moreover, they ensure visitor engagement, because it was observed that people who did not come alone and led the discussion, especially if it was a cohesive group like friends or relatives, engaged more and took more knowledge out of the exposition (Leinhardt 2003).

Although there is only one article that could be actual to the present research, the results achieved in them could have a great contribution to case exploration. Research conducted by Kravtsova and Omelchenko (Kravtsova, Omelchenko 2023), explores the perception of museums displaying the memory of GULAG within the urban space. They consider several historical Russian museums, including the Museum of Political History of Russia. The main objective of the study was to assess visitors' perceptions of museum narratives about Soviet repressions and the Gulag. In addition to the study of narratives themselves, the authors conducted focus groups in two age cohorts: young people (18–25, 30–35 years old) and older people (45–50 and 60+ years old). Thus, younger participants often noted a lack of knowledge about the history of Soviet political repression and the Gulag and an inability to form their personal attitudes to those events because of this. They also assume that most museums do not generate sufficient engagement to form emotional involvement and understanding of the tragic events. Older visitors, on the contrary, tend to have a deeper understanding of the history of repression due to their life experience and information available in the era of publicity. Moreover, they are more aware of local history than youth (Kravtsova, Omelchenko 2023).

Methodology and methods

So, as mentioned earlier, this study poses the following research question: *How do representatives of different age cohorts behave within the framework of the historical museum exhibition dedicated to the second half of the 20th century?*

Thus, this study analyzed social frames that exist within the museum space under consideration. According to the Goffman's (Goffman 1976) classical definition, social frames are schemes for interpreting events shaped by human actions and social contexts, that determine the ways in which individuals react and function within those contexts. In contemporary sociology, frame analysis is applied not only to social interactions among individuals but also to the functioning of institutions. The concept lacks a precise operationalization due to the wide variety of social situations it encompasses. Therefore, frame analysis provides a broad and flexible field for examining various contexts.

For a present research the methodology of frame analysis was chosen as this perspective frames the museum space as a particular social context for which individuals are expected to behave in a particular way. Here, the frame was understood as a specific social context formed within the space of the exhibition "Soviet Era" in actual time with certain memory and historical politics implemented in Russian society and with special position of memory about the second half of the 20th century with different degrees of presence of communicative memory about different periods in terms of remoteness from the present.

Thus, it was essential to first examine the semantic part of the exposition, i.e. the narratives presented, since they are the ones that shape the appropriate behavior for this social situation. This was done via narrative analysis, specifically the extraction of the narratives of the museum exhibition.

Additionally, visual analysis was implemented, which included investigation of the methods of regulating visitors' behavior via general arrangement of the museum space. Firstly, the placement of the different semantic elements of the exhibition on the stands was explored in order to assess which parts of the exhibition were likely to be most quickly and effortlessly grasped by the majority of visitors. Here, the categories of object-based saliency and location-based saliency were applied to the analysis (Krukar 2014). Thus, object-based saliency implies a visual attractiveness of the object, therefore, a particular attention should be paid to large, colorful and attractive objects, as they are more likely to be noticed by a large proportion of visitors. Such objects can include slogans, visual materials (e.g. pictures, posters), as well as material objects and reconstructions of premises, of which there are quite a lot in the considered exposition. Location-based saliency refers to the position of the exhibit in the room with a certain degree of visibility. Here the lighting of the stand and the convenience of viewing it in terms of the visitor's position within the exposition will be taken into

account. It is necessary for understanding the influence on visitors and their reactions.

The structural non-participant observation noted the size of the group, gender and approximate age of its members, the presence of an audio guide and / or belonging to an excursion group. Also, the parts of the exhibition that were approached, the time spent near them and the actions done with them (e.g. just looking, touching, reading) were considered. Hence, we were interested in how visitors engage with the exhibition, how interested they are in the information presented, what attracts their attention the most, and what opinions they express when they come in groups.

Moreover, structural observation included the emphasis on conversations between visitors. Although the analysis was not deep, the way of talking and topics discussed could have significant impact for understanding visitors' relations with exhibition and content presented within it. Due to lack of technical resources, it was not possible to record visitors' discussions, therefore they were briefly noted in the research diary. The codification was based on the research conducted by Leinhardt et al. (Leinhardt et al. 2003), in which authors analyzed recorded conversations of museum visitors, selecting individuals with varying levels of connection to the museum's theme (in that case, glass), the city in which the museum is located, and differing frequencies of museum visits. During the coding of these conversations, three main patterns of discussion were identified: identification; evaluation of quality, aesthetics, etc.; and expansion, or extended interaction with the museum content, which, in turn, includes three categories — analysis, synthesis and exploration.

For this part, the exhibition was sub-divided into 18 parts by the exposing methods and semantic content. Speaking of the themes of the parts extracted, for the parts that are capturing a singular stand, the topics were taken from the descriptions to these stands written on the brochures in English. Otherwise, the themes have been emphasized by relying on the thematic unity and the content presented.

The observations were conducted on Wednesdays, since it is a discount day at the museum and its hours are extended until 8 PM; on this day, the expectation was to see the most representatives of discounted groups, namely schoolchildren, students, and pensioners; on Saturdays, anticipating visits from working adults and families; on Thursdays, because, despite lower overall attendance, the museum attracts the most interested individuals and hosts school tours on these days. Data was collected around January to May 2024. A total of 21 observations were collected, of groups of people who came together or individual visitors, totalling 38 people.

Results

The description of the exhibition

As the ex-director of the Museum Evgeny Artemov states, the Museum of Political History of Russia is purely ideological, the narratives it sends to its visitors affect the moods and opinions existing within the society¹. Therefore, keeping in mind this self-positioning of the museum, understanding the mechanisms, especially political in this case, that influence the cultural memory preserved in the museum is of great importance when examining visitor behavior in such a space.

The exposition in question initially consists of three halls, divided into four eras — Stalin's pre-war rule, his administration of the country during and after the war, as well as the eras of Khrushchev's and Brezhnev's rule. However, the observed exhibition has been partially closed for re-exhibition since 2022. The section dedicated to the pre-war leadership of Stalin has been closed. Therefore, the analysis will focus on the part currently accessible to visitors, regardless of the closed sections.

The exhibition was developed and opened in 2006. Consequently, until 2022, when part of the exhibition was closed, it remained unchanged for 16 years, which is a considerable period for re-exhibition. During this time, it was almost never updated, and the cutting-edge technologies and exhibition methods from 2006 have since become quite outdated. I had the opportunity to speak with several museum employees, and they all named the obsolescence of the exhibition and the need to modernize it, incorporating innovations and contemporary technologies, as the primary reasons for such extensive changes.

The exhibition itself is a blend of official documentation, newspaper clippings, and a large amount of reference information, combined with objects familiar to many people living today — objects or reflections of events they have personally encountered: household items from that era, photographs, posters and drawings, memories and letters of real people, as well as footage from feature films of that time.

Thus, Table 1 shows the manual division of an exhibit into parts by exhibiting methods and thematic unity. Each part is named by a number and a unifying topic. These numbers would be further used for mentioning a certain exhibition's part.

¹ Как Музей политической истории в Петербурге возглавил бывший сотрудник госбезопасности. — 2023. 2 нояб. // ФОНТАНКА.ру — новости Санкт-Петербурга. — URL: <https://www.fontanka.ru/2023/11/02/72875372/> (дата обращения: 31.05.2024).

Table 1

Coding of the exhibit parts based on their division into semantic parts

Part's №	Name
<i>The hall devoted to the Great Patriotic War and postwar years of Stalin's reign</i>	
1	The reconstruction of a barrack and a kitchen in a communal flat
2	The portrait of Stalin with statements 'for' and 'against' his governing
3	Information stand 'USSR in the World War II and the first years after the war'
4	The object "Winner's overcoat"
5	Information stands 'USSR under Stalin in the post-war years'
6	The computer with materials of the Gulag Museum, created by 'Memorial' (the organization is recognized as a foreign agent on the territory of Russian Federation), 2004
7	The reconstruction of the cabinet of Stalin — "The Cabinet of the Leader"
<i>The hall telling about the Khrushchev's epoch</i>	
8	Information stand about prisoners of concentration camps
9	Information stand about people the people who took advantageous positions during Stalin's governance after the death of the leader — "Stalin's Successors"
10	Information stands 'Khrushchev's rise to power and characterisation of the period'
11	Information stand 'Art in the Thaw'
12	Stands highlighting the soviet people lifestyle and achievements of the national economy with objects and pictures, including: a. 'Rising living standards' b. 'Industry achievements' c. 'Advances in planetary and space exploration' d. 'Increase in imports and rise in consumption level'
<i>The hall of Brezhnev's era</i>	
13	Information stands 'Life under Brezhnev', including: a. 'Improvement of the quality of life' b. 'Crisis of the social sphere'
14	Stand presenting folk art as a reflection of communist ideology in mass consciousness
15	Information stand 'The crisis of ideology'
16	Interactive stand with information of different epochs
17	Information stand 'Ideological education of children'
18	Information stand 'Hunger and poverty' about the Novocherkassk riot

The main element of the museum space as a frame is the semantic part embedded in different parts of the exposition. When considering the behavior of museum visitors, it is important to consider it at least because people are expected to react to different topics in a certain way. The way and with what topics people interact can speak about their understanding of the social situation they are in and a certain attitude to it.

Being a state museum, the exposition of the Museum of Political History of Russia is apparently subject to governmental influence. However, the museum's specificity lies in its dedication to the political history of the country, making it impossible to completely avoid this topic in its narratives.

It is important to consider that the information from the closed section could have had a significant impact on the perception of the now open part of the exhibition. Having used the guidebook on the exposition in question², it was found out that the closed part of the exposition was devoted to Big Terror and the Gulag, as well as the part telling about ideological dictatorship, propaganda, forced industrialisation and forced collectivisation. All these events are described there as inhumane, causing hunger, poverty and countless deaths. This "detached" portion not only creates a "gap" in the narrative but may also influence the museum's portrayal of the political activities of the ruling elite of that era.

When discussing the narratives, it is essential to mention that the primary goal of the exhibition's creators was to preserve the memory of the recent past, paying attention both to the victims of state repression and to the achievements of several generations of Soviet people. Additionally, they aimed to prompt visitors to reflect on the relationship between the individual and the state³. The exhibition's narrative is built around this central idea.

Thus, Table 2 highlights the main themes of the exhibition, the sections of the exhibition, and the objects that embody these themes. The commentary provides an overview of the intended message conveyed through the mention of each specific theme.

² Советская эпоха: Между утопией и реальностью 1918–1985: Проспект-альбом экспозиции / Авт.-сост. Е. К. Костюшева, А. П. Смирнов, Ю. Б. Соколов; ред. А. М. Кулегин, Н. В. Федорова. — СПб.: Норма, 2014. — 96 с., ил.

³ Когда экспонаты «говорят своим голосом». — 2006. 11 сент. [Сайт музея] // Музей политической истории России. — URL: <https://polithistory.ru/museum-history/history-2006-09-11> (дата обращения: 22.04.2024).

The predominant narratives presented in the majority of museums dedicated to the Soviet Union are as follows: the housing of the Soviet people; the childhood of the Soviet child, including the Pioneer and Komsomol movements; artefacts or items promoting the Soviet ideology; and the Great Patriotic War.

Thus, looking at Table 2, we see that the main narratives prevalent among most museums dedicated to the era are also maintained in the exposition of the Museum of Political History of Russia. This museum similarly uses household items, presents food from the Brezhnev era, and showcases typical living spaces from that time, evoking nostalgia for life in the Soviet Union among people whose childhood and youth occurred during that period. However, this is done without romanticizing the past, presenting a balanced view that shows both the economically prosperous years and the poor times with uncomfortable living conditions.

Due to the museum's specific focus, a significant portion of the exposition is devoted to the state and the political and economic processes of the era. In its reevaluation of the relationship between the state and its citizens through the exhibition narratives, we observe diverse, well-articulated, and reasoned perspectives regarding the political processes of the era under consideration. The creators of the exhibition address both the country's achievements and the repressions and crises that occurred during the times of all three featured state leaders, without imparting a clear emotional tone to the narrative. However, as noted, industrial achievements are highlighted specifically as the accomplishments of the people and workers, rather than being directly attributed to the party or the ruling elite.

Speaking about the presented narratives, it is important to mention separately the representation of Stalin's personality, because his era, firstly, is precisely in the transitional position between communicatively transmitted memory and cultural memory, and secondly, it is itself a controversial era, which can be framed in different ways to achieve different perceptions of him. These characteristics make it possible to use it within the framework of historical politics.

Hence, that epoch is quite often touched upon in his speeches and historical writings by the Russian President Vladimir Putin. According to the President, we should not forget about the horrors of Stalinism, but also "excessive demonisation of Stalin is one of the ways of attacking the Soviet Union and Russia"⁴.

⁴ Путин рассказал о своем отношении к Сталину. — (2017. 16 июня // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20170616/1496623625.html> (дата обращения: 22.04.2024).

Table 2
Main narratives of the observed exhibition

Topic	Parts of exhibition & specific objects		Comment
	part	description	
Soviet Leaders	2	Positive and negative traits of Stalin as leader from the perspective of his coevals	When it comes to the narrative of the leaders and the time of their reign, a great deal of attention is paid to Stalin. Most likely, the narrative is constructed in this way due to the contradictory nature of his personality and the period of his rule, which is predominantly articulated through the dichotomy of repression and the rapid boost of industry. Here, the preponderance goes in favor of censoring the cruelty of the rulers, since the period of rule of each leader, and of Stalin in particular, is described with mention of all the repressions and cruelties next to the mention of the successes of industry
	7	A neat and discreet office with a portrait of Stalin on the wall and a statue of Lenin on a shelf; books are displayed behind glass in the shelf. At the same time, the description of the reconstruction talks about the lack of electability, bribery and privilege of the ruling elite, and mentions the repression imposed on the ruling elites too	
	9	The stand focuses on the lives of people who gained status under Stalin's bloody regime and how, after the leader's death, some of them had to pay for it	
	10a	The stand is devoted to Khrushchev's rise to power and the dissipation of Stalin's personality cult; brochures of the time are given, where Khrushchev is presented as a folk hero and his report as a feat	
	10b	The stand describes the distinctive features of Khrushchev's rule, focusing mainly on the introduction of a large number of new initiatives, reforms, and the reliance of Khrushchev's discourse on competition with America, e.g. the goal of overtaking the US in terms of food production	

	1 The reconstruction of a barrack presents the arrangement of a cramped and dark room. Of the household items there is a cast iron kettle, a hand sewing machine, a record player, a mirror and a toolbox. A portrait of Stalin hangs above the window. Next to it on the wall there are photos of a large number of people who lived in such conditions The communal kitchen is shrunken with old shabby furniture, the floor is laid with tiles popular in the USSR. There is a toy car on the floor. The window overlooks the St. Petersburg rooftops		When describing Soviet life, the exhibition developers used clear and easily recognizable cultural codes, such as housing and food. All of them are vividly represented by real objects and actually describe life in that era quite objectively, without embellishments, but without pampering
12a	The improvement in the quality of life under Khrushchev is represented here, and the objects that demonstrate this — clothes, suitcases, money — are displayed in the foreground, while posters from that era praising the achievements of industry are shown on the wall		
12d	The stand features a cardboard figure of a Soviet woman sitting on a bench with a large number of packages of Soviet and imported food from the Brezhnev era arranged around her. In the background is a photograph of people reaching out to each other in a queue, probably in order to get their hands on the good stuff		

Table 2 (ending)

Topic	Parts of exhibition & specific objects		Comment
	part	description	
Ideology	10a	The upper part of the stand describes the changes in ideology that came with Khrushchev's rise to power, in particular the dissolution of Stalin's cult of personality and the new programme for building communism	This topic is not covered as much as all the others, but it still needs to be mentioned because it exposes the state's manipulation of public consciousness and identity
	17	This stand explains how ideology was spread through education and educational work with children, as well as the Pioneer and Komsomol movements	
Industrial Achievements	5	The reconstruction of the country in the post-war period and the achievements of science and industry are recounted	While we can easily attribute certain achievements to a particular era, there is no attribution of the successes of industry to political figures. The successes in science and industry are presented as primarily the merits of the people and individuals who have made tremendous efforts for the public good
	12b	The stand displays work uniforms, photographs of happy industrial workers, motivational posters and slogans, and letters from people who themselves asked to be employed, for the welfare of the Motherland	
	12c	The stand is dedicated to Yuri Gagarin's space flight; it contains the cosmonaut's personal belongings and documents, which were given to the museum by his family	
Oppression of Soviet Citizens by the State	3	The stand presents extracts from diaries of Gulag prisoners describing their harsh living conditions	We can see that the largest part of the exposition is about the repression of the state and the suffering of the people because of it.

Oppression of Soviet Citizens by the State		The line of oppression from the state stretches through the entire exposition, and in the parts devoted to Brezhnev and Khrushchev, even though repression was indeed less than under Stalin, it is still mentioned. But while Brezhnev and Khrushchev have a few booths, Stalin has references to murder and camps in almost every part of the hall
4	The overcoat belongs to former military man Pavel Sereda, who after the war wrote a letter to Stalin with his views on the political course, for which he was exiled to a camp for 10 years, rehabilitated in 1955	
5	Next to the enumeration of achievements and discoveries, it tells about the scientists shot and repressed by the state, as well as about economical problems, resource constraints, hunger and inequality	
6	Database containing information on victims of political repression and documents on the history of political terror in the USSR	
8	The stand is dedicated to the victims of the Gulag, in particular their rehabilitation. In addition to archival documents, a suitcase with which E. Voznesensky, who was repressed in the "Leningrad Case", returned from the camp, is presented here	
11	The upper part of the stand talks about Khrushchev's "thaw" era, and here it talks about repression directed at artists and censorship	
16	This part of the exposition is an interactive stand with documentary films about life in different eras reviewed in the exposition. Repressions are mentioned there, and there is even a separate film about the Novoherkassk putsch	
18	It is clear from the stand that it talks about famine and popular unrest, posters with demands and caricatures are shown. However, without reading a description of the stand it is not clear that it is about the Novoherkassk strikes, during which people were shot	

In his June 2020 article, Putin also said that although Stalin's policies were full of contradictions, he was a calculating ruler who made balanced decisions for the benefit and preservation of the Soviet Union⁵. The tendency to normalize the image of Stalin in the official narratives was also underlined in previous researches (Ferretti 2002; Arkhina 2021). This is important to consider because such manipulations of collective memory can have an impact on the behavior and reactions of individuals as they interact with the memory of that era.

There is an example in the history of the exposition that could be considered as an indicator of presence of such historical politics leading to a gradual change in public consciousness. The portrait of Stalin, that greets visitors immediately upon entering the exhibition, is surrounded on the one hand by statements from his contemporaries, such as Lenin and Khrushchev, condemning him as a manager, and on the other hand by praise for him, such as those of Roosevelt and Tolstoy. Previously, Stalin's portrait was designed differently: it was placed "behind a bar", which was meant to show the public censure directed at him, as well as responsibility for the crimes that were committed against the Soviet people. Noteworthy, such changes were introduced due to visitors' complaints about the disrespectful representation of the Soviet leader. Comparing these two representations of a Soviet leader, the present one could create a more human image of Stalin.

During the investigation of the narratives, the inconsistency between the information perceived by visitors visually and actual narratives underlying the exhibition was found. The entire exhibition is fundamentally based on the relations between state and its citizens, especially emphasizing the memory of repressions. However, the main message is embedded in the texts and labels accompanying the exhibits, which a visitor who views the exhibition superficially may overlook. In some cases, these texts are even "hidden" in drawers that visitors rarely open. Thus, for example, on the stand dedicated to creativity during the Thaw, the prominent part of the stand shows the lines that catch the visitors' eye; one might assume that it is dedicated specifically to the ideologized creativity of that time, to ridiculing bourgeois creators. But in fact, the main information is contained in the boxes under the stand, which detail the work of the sixties, as well as the censorship and repression imposed on them. Because of this discrepancy, the meaning of the exhibition can change depending on the beholder: their itinerary, attention to detail, and personal views and personal memories.

⁵ Vladimir Putin: The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II [Text]. — 2020. June 18 // The National Interest; The Center for the National Interest. — URL: <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982> (дата обращения: 27.01.2025).

It is worth mentioning that these are narratives presented, importantly, by the museum. However, the viewers, interacting with the exposition in different ways, will of course read them in different ways as well. What is important is that during a superficial inspection of the exhibition, due to the fact that the stands contain a large amount of text that is not visible but important for understanding the idea of the authors of the exposition, the narratives may be read in a different way than they are.

There are some technical aspects in the exhibition design that also could have an impact on the behavior of individuals within the observed frame.

When talking about the museum's regulation of visitors' behavior, it is worth mentioning guided tours, as it is a direct way to regulate individuals' routes. So, if we talk about excursions with an accompanying guide, then the exhibition is covered by only one, overview, tour, which briefly goes through the most popular exhibits. There is no separate tour for this exposition. At the moment, as it turned out during the observation, even the overview tours are passing by the space of the observed exhibition due to the blocking of a part of the route because of the re-exposure. Therefore, there was no ability to analyze them.

On the other hand, the exposition is still supported by audio guides and guides in the *izi.travel* app⁶, the content of which is generally the same. Thus, audio guides touch on exhibits throughout the museum that have the greatest historical value. In the exposition under review, the guides cover food coupons from stand 5, the "Winner's Overcoat" (4), the communal room (1), the leader's office (7), Beria's bust (9), audio recordings on X-rays (11), elephant figurines (12a), personal belongings of Yuri Gagarin (12c).

The arrangement of exhibited objects also plays a role in behavior of visitors within the space and on the perception of the narratives. Starting from the object-based saliency, from this point of view, within the exposition in question, the most noticeable exhibits should be, first of all, parts 1, 4, 7, 9, 12, as these are reconstructions or authentic objects of the time, which should attract the eye in the first place, as most of the stands contain a lot of information that needs to be read. Also, the portrait of Stalin (2) and slogans at eye level should be attractive, such as in the stand dedicated to Khrushchev's activities (10b), or in the stand about art in his era. In other stands, posters and slogans are either too high or have almost no eye-catching elements at all. Also worth noting here are interactive elements 6 and 16, which should have been attractive, but because they provide additional

⁶ Государственный музей политической истории России // IZI Travel. — URL: <https://izi.travel/ru/81ca-gosudarstvennyy-muзей-politicheskoy-istorii-rossii/ru> (дата обращения: 31.05.2024).

historical background, they are likely to be accessed only by those deeply interested in the topic.

Moving on to location-based saliency, we should say what was meant by it in the context of this exposition. First of all, with regard to the illumination of the exposition elements, the problem with it arose at stand 12c, dedicated to Gagarin. Probably, the poor illumination here is an idea of the exhibition designers, as the satellite hanging opposite can be seen in the reflection. However, in view of this and in contrast to other bright stands, this one remains unnoticeable.

Due to the fact that the exposition room is relatively small, all its parts are in plain view and are easy enough to notice as you move through the rooms. Parts 12 b, d, 13 and 14 are particularly easy to see here, as there is an ottoman next to them and they can be viewed sitting down. Stand 15 is not in the most favorable position, as it has a low object-based saliency and is located right next to the exit. Also, now that one of the exits of the exhibition is blocked due to the re-exposure, the exhibition ceases to be a through exhibition and part 1 of exhibit becomes a small separate room that is easy to just pass by.

Additionally, we can infer that the high object-based saliency of certain exhibits can draw attention to neighboring objects. Consequently, in sections of the exhibition where there are no highly attractive objects, exhibits with low object-based saliency will also have lower location-based saliency compared to objects in more advantageous positions. For instance, objects with low object-based saliency such as 3, 5, 6, 13, 14, and 18 are located near attractive objects, whereas sections 8, 10a, 15, 16, and 17 lack such adjacent attractive objects.

Thus, the sections of the exhibition with the highest potential saliency for visitors should be sections 1, 4, 7, 9, 11, and 12a. These sections possess a high level of attractiveness and are highlighted by audio guides, which increases the likelihood of visitor attention. For visitors who come without the accompaniment of an audio guide, sections 2, 10b, 12b, and 12d are also added.

How do visitors behave within the museum space framework?

First of all, most of the visitors of the exposition examine most of the stands rather superficially, paying about 20–30 seconds to many stands. During such an inspection, due to the peculiarities of the methods of exhibiting in this museum, it is very difficult to grasp the main idea laid down by the authors of the exposition, as it is contained not so much in the

objects presented there, and especially not in the visual materials, but in the texts and captions to the stands and exhibits.

Visitors most frequently paid attention to sections 1, 3, 4, 5, 7, 12a, 12b, and 12d of the exhibition (with at least 7 interactions from visitors, i.e., $\geq 30\%$). Among these, sections 3 and 5 are not inherently highly attractive, as these stands are entirely composed of texts. However, given that there is a small number of visitors who pay a lot of attention and are deeply involved in the exhibition, it is likely that very few people read the texts, which are important for assimilating the narrative, and most of them paid attention exclusively to the large visual materials (posters, posters, photographs).

Regarding sections with the highest levels of engagement, sections 1, 6, 7, and 12a stand out (with a minimum of 3 observations showing high engagement, or 2 with high and at least 3 with medium engagement). Notably, sections 1 and 12a focus on Soviet daily life, likely sparking significant interest and discussion. Sections 1 and 7 are reconstructions, making them highly attractive and complete systems of easily recognizable codes, which are also easy to perceive. Section 6, however, attracts individuals already interested in the topic, as it contains minimal visual materials, but the main screen clearly indicates the type of information available in the computer materials presented.

Furthermore, we observe a much higher density of interactions, including high engagement, in the first hall (sections 1–7), which is dedicated to the post-war leadership of Stalin. There are slightly fewer interactions in the part of the second hall dedicated to Khrushchev's leadership (sections 8–12a and 12c), and they are almost absent in the section covering the Brezhnev era (sections 12b, 12d–18).

Since the perception of a historical exhibition, particularly one about a recent era, is intertwined with personal memory, the analysis of visitors' behavior takes into account the age groups to which they belong. Thus, 4 age groups were identified for further analysis: adolescents (up to 20 years old), since they were born long after the USSR; youth (20–40 years old), born a few years before and after the collapse of the USSR, who, unlike teenagers, even if they did not catch the USSR era personally, but caught the consequences of its collapse; adults (40–60 years old), who caught the USSR at a fairly conscious age; and elderly (over 60 years old), who associate quite a large part of their lives with the Soviet Union. Groups consisting of representatives from different age cohorts were also specifically examined. Their communication with each other and interaction with the exhibition are of particular interest as examples of the transmission of communicative memory.

Adolescents (aged under 20 years). Teenagers were the smallest group of visitors among those considered. It can be assumed that this is because older generations visit the museum consciously and willingly, whereas teenagers often visit under the guidance of adults, most frequently as part of school trips. As noted earlier, even a general tour of the museum does not currently cover the exhibit in question, as it is undergoing re-exhibition, therefore, teenagers likely visit this exhibit just out of curiosity.

A total of three observations were collected for this group, consisting of two pairs (one boy and one girl each) and one group of four teenagers. Adolescents generally view the exhibit very superficially and do not take many aspects seriously. They focus on visual materials and large captions, while the texts on the displays are rarely read. In terms of thematic content, teenagers paid more attention to those elements of the exposition that were directly related to the personalities of leaders, such as Stalin or Khrushchev, whom they know from their history course. The most attractive elements for the observed teenagers were the reconstructions, stands with eye-catching slogans, and a portrait of Stalin. Each group treated the exhibit more as a novelty, often taking sarcastic photos. They typically spent no more than 30 seconds at each stand, mainly to take pictures. In discussions about the exhibit, which it was possible to observe, teenagers often joked, sometimes upon historical events.

Youth (20–40 years). Regarding the composition of the visitor groups, there were a total of 7 observed groups. That is, there were two groups of two women each, two pairs, each consisting of a male and a female, two single male visitors, and a woman who was accompanied by a man who was just waiting for her.

Despite the fact that apparently easier-to-understand visual materials and reconstructions still have a greater appeal, representatives of this group, unlike the previous one, touch also those containing exclusively written information, which requires a special level of involvement. Those people who viewed the exhibition alone seemed to be less engaged, they were not very involved in the interactions with the exhibits. Thus, they mostly lingered exclusively at easily perceived objects, such as reconstructions, and hardly read the texts near the exhibits.

Regarding visitors that could be considered as engaged, they paid attention to most parts of the exhibition and spent a significant amount of time on certain exhibits. Notably, there was a group of two women who purposefully went to the computer and spent considerable time there, discussing materials about the repressions and searching for information about their relatives. All these engaged groups consisted of pairs of two people who actively discussed what they saw and exchanged known historical facts related to the

exhibition. It is important to note that mostly discussions of engaged visitors were based on theory rather than recollections shared by older relatives as their conversations often included the phrases “I read that...”, or “I heard that...” without reference to their relatives. However, there still were some moments when they mentioned personal or familial connections: for instance, in a group of male and female, a man recalled a flag similar to one his grandmother had, and he shared the story behind it near section 12b. In a group of two females, one of the women remembered how a relative caused a fire in a communal kitchen while observing the kitchen’s reconstruction. Interestingly, these groups also actively interacted with the exhibition’s interactive elements, listening to audio recordings, watching videos, and using the provided databases to search for additional information.

Adults (40–60 years). As for the adult group, there were only 5 observations: a pair consisting of a male and a female, two groups of two females each, and two independent female visitors. Visual objects, particularly reconstructions and items specific to certain eras, received the most attention. Presumably, it is due to the small sample size, but most of the groups engaged with the exhibition rather superficially: they talked on the phone, discussed unrelated topics, or focused more on the setting than on the content of the exhibition. However, even the less interested adults interact with the exhibition in a completely different manner compared to teenagers. They mostly took photographs of some striking and large visual elements, such as reenactments, caricatures, and everyday objects. Additionally, they do not exhibit the same focused attention on the figure of Stalin. Even if they are indifferent, they do not perceive the historical narratives as frivolously as teenagers do.

There was only one group that could be considered as engaged, with two females in it. The women began their exploration of the exhibition with a film about the Novochoerkassk massacre and then discussed state repression for a considerable time. After the film, they explored a database of political repression victims, searching for their relatives. Not finding them, they expressed some frustration, as they already had information about the existence of such relatives. They concluded their interaction with the exhibition by examining products from their childhood, commenting that “things were better before”.

Elderly (60+ years). The observed groups of visitors above 60 years old included two women, two single women, and a pair of male and female. Almost all the participants demonstrate a relatively high level of engagement with the various themes presented in the exhibition. Certainly, here, as in other groups, primary attention is directed towards visual materials and

physical objects. However, the interaction with them by the older people is likely driven more by the memories encapsulated within such objects. Overall, observations of elderly people reveal that they pay particular attention to aspects of the exhibition that are familiar to them and related to their own memories of childhood and youth. For instance, a group of two women spent a considerable amount of time near the reconstruction of a communal kitchen discussing memories associated with living in a communal apartment during their childhood or with household items and furniture. Another couple, a man and a woman, looked at the installation of the kitchen of a communal apartment and discussed for quite a long time the objects they themselves used and which are still lying somewhere in their garage and on the mezzanine. In contrast to the youngest age cohort, and indeed to all younger age groups, elderly people exhibit a special empathy towards the victims of the Stalinist regime and pay more careful attention to the displays dedicated to this topic. Their interest in the subject is also evident in their discussions. Even during solitary visits to the exhibition, there is still a higher level of attention and engagement compared to similar solitary visits by representatives of other ages.

Mixed-aged groups. In mixed-generation groups, there were only two observations, but for the aforementioned reasons, they warrant separate consideration. The first group consisted of two women, one around 35 years old and the other around 60, likely a mother and daughter. They toured almost the entire exhibition together, discussing some exhibits with each other. They briefly viewed sections 7, 5, 3, and 10b, spending no more than a minute at each and only looking without any other interactions, indicating a low level of involvement according to our classification. In each section, they notably focused on mundane details; for example, at the “Leader’s Office”, they commented on having a similar lamp at home. Their discussions about the exhibition also revolved around everyday matters, e.g. the mother was telling the daughter that products used to be better in the past.

In another observation, there were two females who appeared to be approximately 30 and 60 years old respectively, and the male who was about 70 years old. A young woman was the first to enter the exposition, and she had a rather cursory look at the reconstructions (1) and the stand devoted to the dispelling of the cult of personality by Khrushchev (10a). She was then approached by an elderly man and woman, and it was clear from their interactions that they were together. The couple also went to look at the reconstructions (1), and they stayed there for quite a while and had a long discussion about life in Soviet times and Soviet politics. At a certain point, near the barrack reconstruction, the male mentioned

that it housed the “builders of the future happy life” with a sarcastic tone. They further discussed the communal kitchen, with one of the elderly women recalling her childhood in a communal flat. She then mentioned visiting a vast communal room on Vasileostrovskaya, remarking that it had identical cabinets to those of her parents. Additionally, she mentioned that a former soldier had lived in such a room, for which the male said that soldier was “rewarded for executing people well”. At this time a young girl was standing nearby on her phone, looking completely disinterested. During their exit from the exhibit, they engaged in a discussion about Soviet repressions. The male asked, “Who wrote 25,000 denunciations against each other? Did Stalin write them?” to which the elderly woman replied, “It’s the same nowadays.”

Discussion and conclusion

Hence, the present research was aimed to explore the people’s behavior within the frame of the exhibition ‘Soviet Era’ in the Museum of Political History of Russia. The methods of structural observation, content analysis and visual analysis were implemented for the analysis of the construction of the museum frame and the visitors’ behavior within it.

It was observed that due to the found inconsistency between real and perceived narratives of the exhibition, the meaning of the exhibition may vary depending on the observer — their route, attention to detail, as well as personal views and memories. For example, for some older visitors, the exhibition about the repressions became more of a showcase of familiar household items, large and conspicuous ones, and they paid little or no attention to the overarching narrative of the exhibition.

We observed that individuals in younger age cohorts mostly approach the exhibition without empathy, viewing it without engaging their personal memories or emotions. Adolescents (below 20), in particular, often take the exhibition lightly, making jokes and taking selfies against the background of historical exhibits. It seems that for teenagers, Soviet history is a meme or a brand. The youth group (20–40) can be conditionally divided into two categories: some engage with the exhibition on a very superficial level, while others delve deeply into the topic, actively utilizing the multimedia materials on display, such as the database of victims of Stalinist repression and documentary films about different periods of the USSR. This differs significantly from the behavior within this exposition of people of older ages, who, even if not very interested exactly in the topics being reprised,

get involved emotionally, show more empathy. Among the group of adults (40–60), people often paid attention to familiar objects, shared memories and facts from their biography, most often household ones. People from the older group (over 60) reacted to the exposition in a similar way. In addition, it was in this group that visitors paid the most attention to the victims of state repressions, demonstrating compassion for the victims, discussing the horrors of terror and war. These findings are consistent with the research conducted by Kravtsova and Omelchenko (2023). As reflected in their results, younger generations often lack the knowledge and immersion in the exhibition's context, which manifests differently in their behavior: some try to fill this gap by engaging more deeply, while others, due to a lack of interest, make no effort to absorb new information from the exhibition. Older visitors, on the other hand, heavily rely on their personal memories and experiences, which influences the objects they pay attention to and the topics they discuss in groups.

To summarize, this study reinforces already existing findings in the research field and also makes a contribution to a rather understudied field at the moment. The research is presumed to be just an opportunity to form and test a methodology for investigation of the behavior of museum visitors as a space of interaction with memory. The advantage of the chosen method in particular is its independence from the already reflexive attitudes toward memory that can be developed, for example, in interviewing. A limitation of this study is the relatively small sample size of observed visitors, which may not be representative of all visitors. Moreover, lack of resources has to be considered, that is lack of technical equipment (e.g. for recording visitors' conversations), limited time for observation conduction and lack of manpower for data collection. By expanding on mentioned areas, the study may bring more insights to the field of research related to the interaction of individuals and collective memory, the transmission and dissemination of memory, and working with memory politics.

Источники

Архина А. Нормализация памяти о сталинской эпохе в современной России // 30 лет без Союза: потери, удаchi, перспективы: материалы Всероссийской студенческой конференции / ФГБОУ ВО «ИГУ»; науч. ред. Ю. А. Зуляр. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. — С. 195–201.

Малинова О. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. — М.: Политическая энциклопедия, 2015. — 206 с.

Малинова О. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // *Полития*. — 2017. — № 4, вып. 87. — С. 6–22.

Миллер А., Липман М. Историческая политика в XXI веке. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 648 с.

Морозов И. А., Слепцова И. С. С пристрастием вглядываясь в прошлое: «ад» и «рай» советской эпохи в современных музейных нарративах // *Журнал социологии и социальной антропологии*. — 2020. — № 23, вып. 5. — С. 195–224. — DOI: 10.31119/jssa.2020.23.5.8.

Ферретти М. Расстройство памяти: Россия и сталинизм // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. — 2002. — № 5. — С. 40–54.

Чуйкина С. Конструирование памяти о забытом событии через музейные технологии: производство эмоций на выставках о Первой мировой войне в 2014 году // *Политика аффекта: музей как пространство публичной истории*. — М.: Новое литературное обозрение, 2019. — С. 215–273.

Anderson B. R. O. Memory and Forgetting // *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. — 2nd ed. — London; N. Y.: Verso, 2006. — P. 187–206.

Assmann J. Communicative and Cultural Memory // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / Ed. by A. Erll, A. Nünning. — Berlin; N. Y.: De Gruyter, 2008. — P. 109–118.

Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. — 3rd print. — Cambridge; London: Harvard University Press, 1976. — 586 p.

Gray C. The Politics of Museums. — London: Palgrave Macmillan, 2015. — 197 p. — DOI: 10.1057/9781137493415.

Halbwachs M. On Collective Memory. — Chicago; London: University of Chicago Press, 1992. — P. 37–51. — DOI: 10.7208/chicago/9780226774497.001.0001.

Houdek M., Phillips K. R. Public Memory // *Oxford Research Encyclopedia of Communication*. — Oxford: Oxford University Press, 2017. — P. 1–30. — DOI: 10.1093/acrefore/9780190228613.013.181.

Kravtsova A., Omelchenko E. Public Perceptions of Russia's Gulag Memory Museums // *Problems of Post-Communism*. — 2023. — Vol. 70, no. 5. — P. 570–580. — DOI: 10.1080/10758216.2022.2152052.

Krukar J. Walk, Look, Remember: The Influence of the Gallery's Spatial Layout on Human Memory for an Art Exhibition // *Behav Sci*. — 2014. — Vol. 4, no. 3. — P. 181–201. — DOI: 10.3390/bs4030181.

Leinhardt G., Crowley K., Knutson K. (eds.). Looking Through the Glass: Reflections of Identity in Conversations at a History Museum // *Learning Conversations in Museums*. — London: Routledge, 2003. — P. 175–219. — DOI: 10.4324/9781410606624-12.

Zhang C. X., Xiao H., Morgan N., Ly T. P. Politics of Memories: Identity Construction in Museums // *Annals of Tourism Research*. — 2018. — Vol. 73. — P. 116–130. — DOI: 10.1016/j.annals.2018.09.011.

Сведения об авторе

Рыжухина Кристина Ильинична, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия.
kiryzhukhina@edu.hse.ru

Статья поступила в редакцию: 18.11.2024;
поступила после рецензирования и доработки: 07.12.2024;
принята к публикации: 24.12.2024.

KRISTINA I. RYZHUKHINA

*HSE University,
St. Petersburg, Russian Federation*

**THE MUSEUM SPACE AS A MEDIUM
IN INTERACTION OF PUBLIC WITH MEMORY:
THE ANALYSIS OF VISITORS' BEHAVIOR
OF THE EXHIBITION "SOVIET ERA" IN THE MUSEUM
OF POLITICAL HISTORY OF RUSSIA**

Abstract. The article is devoted to the study of the perception of museum expositions about the Soviet era by visitors of different age groups. Based on the case study of the exhibition "The Soviet Era" at the Museum of Political History of Russia in St. Petersburg, a frame analysis was conducted that considers the museum space as a social context in which visitors exhibit various behaviors. For this purpose, methods of visual analysis of the museum space, content analysis of the narratives of the exposition and structured observation of the behavior of visitors were used. The study revealed that younger age groups (under 40 years old) perceive exposure without emotional involvement, unlike older ones, who interpret events through the prism of personal experience. Discrepancies were also found between the narratives embedded in the exposition and their perception by visitors, which is due to the attentiveness and route of viewing the exposition.

Keywords: museum, visitors' behavior, memory politics, cultural memory, communicative memory.

For citation: Ryzhukhina K. I. The Museum Space as a Medium in Interaction of Public with Memory: The Analysis of Visitors' Behavior of the Exhibition "Soviet Era" in the Museum of Political History of Russia. St. Petersburg Sociology Today. 2024. No. 26. P. 70–98. DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.awkm-zc54; EDN: KMSGCZ

References

Anderson B. R. O. *Memory and Forgetting. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. 2nd ed. London; New York, Verso, 2006. 234 p.

Arhina A. *Normalizatsiya pamyati o stalinskoj epohe v sovremennoj Rossii*. 30 let bez Soyuza: poteri, udachi, perspektivy: materialy Vserossijskoj studencheskoj konferencii / FGBOU VO "IGU"; nauch. red. Yu. A. Zulyar. Irkutsk, Izdatel'stvo IGU, 2021, pp. 195–201.

Assmann J. *Communicative and Cultural Memory. Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin; New York, De Gruyter, 2008, pp. 109–118.

Ferretti M. Memory disorder: Russia and Stalinism (Rasstrojstvo pamyati: Rossiya i stalinizm). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2002, no. 5, pp. 40–54. (In Russ.)

Goffman E. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. 3rd print. Cambridge; London, Harvard University Press, 1976, 586 p.

Gray C. *The Politics of Museums*. London, Palgrave Macmillan UK, 2015, 197 p. DOI: 10.1057/9781137493415.

Halbwachs M. *On Collective Memory*. Chicago; London, University of Chicago Press, 1992, pp. 37–51. URL: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226774497.001.0001>.

Houdek M., Phillips K. R. *Public Memory. Oxford Research Encyclopedia of Communication*. Oxford, Oxford University Press, 2017, pp. 1–30. URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228613.013.181>.

Kravtsova A., Omelchenko E. Public Perceptions of Russia's Gulag Memory Museums. *Problems of Post-Communism*, 2023, vol. 70, no. 5, pp. 570–580. URL: <https://doi.org/10.1080/10758216.2022.2152052>. (In Russ.)

Krukar J. Walk, Look, Remember: The Influence of the Gallery's Spatial Layout on Human Memory for an Art Exhibition. *Behavioral Sciences*, 2014, vol. 4, no. 3, pp. 181–201. URL: <https://doi.org/10.3390/bs4030181>.

Leinhardt G., Crowley K., Knutson K. (eds.). *Looking Through the Glass: Reflections of Identity in Conversations at a History Museum. Learning Conversations in Museums*. London, Routledge, 2003, pp. 175–219. URL: <https://doi.org/10.4324/9781410606624-12>.

Malinova O. *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti*. Moscow, Politicheskaya enciklopediya, 2015, 206 p. (In Russ.)

Malinova O. Kommemoratsiya istoricheskikh sobytij kak instrument simvolicheskoy politiki: Vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza. *Politiya*, 2017, no. 4, iss. 87, pp. 6–22. (In Russ.)

Miller A., Lipman M. *Istoricheskaya politika v XXI veke*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, 648 p. (In Russ.)

Morozov I., Sleptsova I. Biased Peering into the Past: The "Hell" and "Heaven" of the Soviet Era in Contemporary Museum Narratives. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*

(The Journal of Sociology and Social Anthropology), 2020, no. 23, iss. 5, pp. 195–224. URL: <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.5.8>. (In Russ.)

Tchouikina S. *Constructing the memory of a forgotten event through museum technologies: The production of emotions at exhibitions about the First World War in 2014*. Politics of Affect: the museum as a space of public history (Konstruirovanie pamyati o zabytom sobytii cherez muzejnye tekhnologii: Proizvodstvo emocij na vystavkah o Pervoj mirovoj vojne v 2014 godu. Politika affekta: muzej kak prostranstvo publichnoj istorii). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2019, pp. 215–273. (In Russ.)

Zhang C. X., Xiao H., Morgan N., Ly T. P. Politics of Memories: Identity Construction in Museums. *Annals of Tourism Research*, 2018, vol. 73, pp. 116–130. URL: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2018.09.011>.

Information about the author

Ryzhukhina Kristina I., HSE University,
St. Petersburg, Russian Federation.
kiryzhukhina@edu.hse.ru

Received: 18.11.2024;
revised after review: 07.12.2024;
accepted for publication: 24.12.2024.

DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.2m0v-2131

EDN: DOGXBW

УДК 316.7

АГАТА ВЯЧЕСЛАВОВНА СЕРГЕЕВА

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия*

МОЛОДЕЮЩАЯ НОСТАЛЬГИЯ: В КАКОМ ВОЗРАСТЕ МОЖНО НАЧИНАТЬ СКУЧАТЬ ПО УШЕДШИМ ВРЕМЕНАМ. НА ПРИМЕРЕ ВИДЕО ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ TikTok И YouTube-ПРОЕКТА «ПОПКУЛЬТ»

Аннотация. В эссе исследуется феномен «молодеющей ностальгии» у подростков и молодых взрослых через контент-анализ ностальгического контента в социальной сети TikTok и YouTube-проекта «Попкульт». Анализируется, как воспоминания о детстве становятся способом справиться с кризисами и социальной нестабильностью. Анализ комментариев показывает, что ностальгия выполняет функцию поддержания личной и коллективной идентичности. В работе используются концепции рефлексивной и восстановительной ностальгии, а также теория коллективной памяти. Особое внимание уделено тому, как ускоренные социальные изменения и кризисы стимулируют интерес к прошлому.

Ключевые слова: ностальгия, медиатизация памяти, коллективная память, кризис четверти жизни, цифровизация.

Ссылка для цитирования: Сергеева А. В. Молодеющая ностальгия: в каком возрасте можно начинать скучать по ушедшим временам. На примере видео пользователей социальной сети TikTok и YouTube-проекта «Попкульт» // Петербургская социология сегодня. — 2024. — № 26. — С. 99–108. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.2m0v-2131; EDN: DOGXBW

В социальной сети TikTok под хештегом «nostalgia» опубликовано 7,1 млн видеороликов, а под хештегом «ностальгия» — 497 тысяч. Все они включают в себя контент, построенный или отсылающий к коллективным воспоминаниям о прошлом. Если в TikTok в поле для поиска ввести «#ностальгия», то на экране пользователя появится скроллящаяся лента со всеми публикациями, отмеченных этим хештегом. Среди русскоязычных публикаций под этими хештегами наиболее популярны видео «Как ощущался мир в детстве». В качестве

примеров для эссе были выбраны следующие три публикации: 1) <https://vt.tiktok.com/ZSFHdMdse/> 3,3 млн просмотров; 2) <https://vt.tiktok.com/ZSFHdUkEY/> 3,1 млн просмотров; 3) <https://vt.tiktok.com/ZSFHd67Dv/> 7,5 млн просмотров.

В этих видео пользователи публикуют фотографии или видео летних солнечных пейзажей, игрушек или предметов, популярных в 2000–2010 годах. Чаще всего эти видео сопровождаются звуком поющих птиц или музыкой жанра *ambient*, которую характеризуют как обволакивающую и атмосферную. Под такими видео можно встретить комментарии «Сейчас мир ощущается так, будто Солнце куда-то исчезло», «Тогда все казалось другим... жаль, что детство прошло и его не вернуть». Люди активно делятся своими воспоминаниями из детства, которые вызвал визуальный ряд в ролике, расстраиваются, что сейчас «уже не то», мир изменился, и, судя по всему, не в лучшую сторону.

Для анализа были выбраны 70 случайных комментариев под 3 видео. В нем под голос поющей птицы сменяются изображения летних дворов, детских площадок и домов. Сами изображения имеют яркую теплую гамму, с наложением желтого фильтра, создавая эффект летнего солнца. Настроение у видеоряда спокойное, позитивное, доброе. Всего под видео был оставлен 10 541 комментарий.

Кодировка была сделана по следующим категориям: Категория 1 «Развернутость комментария», Категория 2 «Реакция и эмоции, вызванные видеорядом (при условии наличия эмоционально-окрашенных и оценочных слов в комментарии, смайликов, заглавных букв)», Категория 3 «Желание вернуться назад», Категория 4 «Наличие конкретного воспоминания», Категория 5 «Ощущение узнавания мест / событий на видео».

В результате под подобными видео люди склонны делиться своими эмоциями и мнением, практически 1/3 комментариев развернутые и осмысленные. Несмотря на позитивную направленность видео, под ним в 2 раз больше комментариев, в которых люди выражают грусть и желание вернуться назад, чем радостных реакций, что парадоксально, ведь ностальгию принято считать положительным чувством. Достаточно большой процент комментариев (35%) содержит конкретное воспоминание, как, например, «6 утра, тебе в домофон звонят подруги, зовут гулять, ты не поевши выбегаешь на улицу, вы весело проводите время, играя в „Стоп-землю“ / „Акулу“ / „Слепого крота“ до самого вечера, потом вас с балкона кричат родители», что говорит о вовлеченности аудитории в просматриваемый контент. Кроме того, что пользователь потратил время, чтобы оставить развернутое высказывание, он обратился

к своей памяти и не просто отреагировал на видеоконтент, а поделился эмоционально окрашенной частью своего прошлого. Так, чувство ностальгии является достаточно сильным для того, чтобы заставить привыкшего к быстрому потреблению информации пользователя остановиться и отрефлексировать увиденное. Более того, пользователи видят в подобных роликах места, пейзажи, которые кажутся им знакомыми. В 26% комментариев люди отмечают, что в их детстве все выглядело и ощущалось так же.

Таким образом, ностальгический контент захватывает широкую аудиторию, повышая ее лояльность через ассоциативные ряды и воздействие на добрые и безопасные воспоминания. Можно предположить, что чувство ностальгии — это хороший инструмент в создании медиаконтента, с помощью которого можно вовлечь аудиторию в активное взаимодействие. Главным вопросом останется определение правильной тематики и содержания контента, ведь чем более точным и эмоционально окрашенным будет наполнение, тем больший отклик можно ожидать от пользователей.

Однако остается вопрос, почему вроде бы позитивные видео вызывают у пользователей грусть и пронзительное желание вернуться туда, где когда-то было так хорошо и солнечно. Люди, чье детство пришлось на 2000-е годы, сейчас только-только перешли в категорию молодых взрослых. Можно было бы сказать, что 25 лет и ниже — достаточно ранний возраст для тоски по ушедшим временам, ведь для них детство и юность недавно закончились, а молодость только успела начаться.

В этом эссе мы попробуем разобраться, почему люди начинают ностальгировать в таком раннем возрасте и какие еще примеры ностальгии молодых взрослых можно встретить в медиапространстве. Понятие ностальгии прошло путь от формы репрессивного компульсивного расстройства и разновидности депрессии до многослойного понятия, которое, в общем, можно назвать тоской по прошлому (Абрамов 2012). Несмотря на то что ностальгия чаще расценивается как чисто положительное эмоциональное переживание, когда старая песня или знакомый запах вызывают приятные воспоминания о событиях из нашего прошлого, ностальгия может рождать и негативные чувства. (McDonald 2017)

С. Бойм разделила ностальгию на два типа: рефлексивную (reflective) и восстановительную (restorative) (Бойм 1999: 90–100). Если в первом типе человек принимает прошлое как нечто неотвратимое, а воспоминания расценивает как эстетически приятные ментальные воссоздания прошлого опыта, то второй вид ностальгии вызывает деструктивные

чувства. Восстановительная ностальгия приводит к болезненной тоске по тому, что ушло, и осознанию неизбежности хода времени.

Под выбранными видео чаще всего повторяются комментарии по типу «раньше было лучше», а желание вернуться назад упомянуто в 30% комментариев. И несмотря на то, что комментариев, где пользователи делятся теплыми воспоминаниями о детстве в положительном ключе, то есть обращаются к рефлексивной ностальгии, немало, все-таки большинство склонно уходить в рефлексивную ностальгию.

Так как социальная сеть — это пространство публичной коммуникации, а видео с ностальгией набирают больше миллиона просмотров, можно утверждать, что такой контент лежит в области коллективных эмоций. Ностальгия часто обсуждается в рамках культурной и коллективной памяти и сама подразделяется на индивидуальную и коллективную.

Индивидуальная и коллективная ностальгии выполняют восстановительную функцию: они помогают людям поддерживать личную или групповую преемственность, когда соответствующая потребность подрывается (Smeeke, Sedikides, Wildschut 2023). Другими словами, с помощью воспоминаний о прошлом человек поддерживает свою целостность, постоянность в пространстве и времени. Ощущение того, что «я был, есть и буду». В группе тоска по прошлому и воспоминания также фиксируют и сохраняют важный прожитый опыт. Ностальгия возникает в тот момент, когда появляется угроза целостности.

М. Хайдеггер, разбирая слова Новалиса о том, что «ностальгия — это тяга быть повсюду дома», писал: «„Быть повсюду“ — это не значит быть только здесь и там, не просто находиться в одном месте в каждый момент времени, но это значит „быть в целом“» (Хайдеггер 2007). Стремление человека к целостности и есть ностальгия. Нам кажется, что в прошлом мы были более цельными, правильными, собранными. Человек находится в вечном состоянии трансгрессии. Состояние перехода, развитие в одну или другую сторону, колебания окружающей реальности погружают человека в стресс. Так как чувство безопасности является одной из базовых потребностей человека (Maslow 1954), то в меняющихся обстоятельствах жизни он ищет спокойствия в своих воспоминаниях или в воспоминаниях общества, если метаморфозы, особенно негативные, происходят на социальном уровне.

Действительно, в ряде причин, по которым сейчас люди испытывают ностальгию гораздо раньше и чаще, чем прежде, присутствует ускоренная модернизация, принуждающая людей адаптироваться к меняющимся политическим, экономическим и социальным условиям, а «на этом

фоне недавнее прошлое невольно казалось тихой бухтой стабильности и предсказуемого социального устройства» (Абрамов 2012). Нынешнее поколение молодых взрослых в России столкнулось с рядом ситуаций, требующих от людей быстрого взросления: пандемия ковида, начало СВО, экономический кризис и многие другие проблемы современного общества. Поколение зумеров, взрослевшее в достаточно стабильное и свободное время, вынуждено принять изменившуюся реальность. Ни для кого не секрет, что за время пандемии обострились психические заболевания. Например, по данным ВОЗ, заболеваемость депрессивным и тревожным расстройствами увеличилась на 25% (На фоне пандемии... 2022). В подобных видео в «ТикТоке» люди обращаются к коллективной ностальгии прежде всего за тем, чтобы выработать позитивные эмоции, которые, как кажется, остались где-то за далеко пределами 2020 года.

Ф. Дэвис связывает феномен коллективной ностальгии с культурным переходом, когда люди входят в процесс «поиска коллективной идентичности» и обращаются в прошлое к чему-то стабильному и определенному вместо того, чтобы воспринимать новое (Davis 1979). Люди в возрасте от 20 до 25 лет сталкиваются с кризисом четверти жизни. Уже не ребенок и не подросток, но еще не полноценно взрослый человек впервые начинает адаптироваться к реальной жизни. Этот кризис можно назвать состоянием перехода (своеобразной инициации), в момент которого его участники ищут поддержку в воспоминаниях, в данном случае коллективных. Любая социальная сеть, в том числе и «ТикТок», позволяет поделиться любыми переживаниями или воспоминаниями с большим количеством людей. По мнению М. Хальбвакса, «воспоминания нашего детства подобны стереотипным отпечаткам, что они являются изначально и остаются <...> образами-клише, о которых наше сознание ничего больше не ведало, с тех пор как они запечатлелись „на скрижалях нашей памяти“ и являются одними из основных элементов в формировании коллективной памяти» (Хальбвакс 2007). Таким образом, коллективная ностальгия по детству и юности для молодых людей становится опорой на пути полного взросления.

Способность подростков и молодых взрослых ностальгировать также отмечают маркетинговые и аналитические компании. По исследованиям Magid (Nostalgia knows no age... 2023), более короткий период для возникновения ностальгических чувств у подростков (3–5 лет), в отличие от взрослых (от 10 лет), открывает перед компаниями значительные возможности использовать силу ностальгии для того, чтобы возродить интерес к своему продукту или интеллектуальной собственности (Agromayor 2023). Так, компании одежды могут использовать адаптацию

к точке входа и повторного вовлечения через героев любимых мультфильмов, перевыпуская вещи с ними. Подобное утверждение открывает большой спектр возможностей для медиапроектов, направленных на подростков и молодых взрослых. Заигрывание с чувством ностальгии может позволить авторам и креаторам создавать продукты, которые, помимо достижения высокого отклика аудитории, станут культурным маркером, срезом воспоминаний целой возрастной группы.

Подтверждает это проект «Попкульт» блогера Сыендука (Сыендук 2024). Автор разбирает главные события массовой культуры за год. Первый выпуск был посвящен 2000 году, а всего было выпущено 12 роликов, последний из которых рассказывает о 2010 году. Целевая аудитория проекта лежит в примерном диапазоне от 16 до 30 лет и во многом пересекается с аудиторией ностальгических видео в «ТикТоке». Каждый ролик проекта Сыендука набрал более 2 млн просмотров, что достаточно высокий показатель для платформы YouTube и может говорить только о востребованности ностальгического контента.

Проект «Попкульт» отличается достаточно щепетильным подходом автора к созданию ролика. Сыендук подробно подбирает фильмы, сериалы, мультсериалы, комиксы, телешоу и популярные субкультуры. Он уделяет большое внимание проектам, чьей целевой аудиторией были именно дети и подростки. Все проекты, которые он перечисляет, были тем контентом, на котором зрители «Попкульт» росли. Под роликами часто встречаются слова, где люди благодарят автора за возможность заглянуть в прошлое. Комментарии «Боже, одна лишь заставка заставляет тебя уже представить, какое путешествие во времени ты сейчас переживешь!!! Мое почтение!!! Низкий поклон тебе, Диман!!!» и «Попкульт — великолепная машина времени» доказывают, что этот проект — пример рефлексивной ностальгии, которая помогает зрителям поднять себе настроение через те вещи, которые когда-то помогли им сформировать свои вкусы и интересы. Несмотря на то что с выхода разбираемых в «Попкульте» проектов прошло относительно небольшое количество времени, напоминания о них заставляют молодых людей ностальгировать.

Для большинства детство — это уголок безопасности, беззаботности и счастья. «Мне не нравится, что многие люди считают, что ностальгия — это привилегия взрослого человека. Дети чувствуют ностальгию точно так же, если не более остро. На мой взгляд, ностальгия — это самая распространенная человеческая эмоция. Ведь жизнь — это непрерывная череда потерь. И дети чувствуют эти потери так же, как и все остальные» — принято считать, что авторство этих

слов принадлежит Хаяо Миядзаки, оscarоносному режиссеру, чьи работы пронизаны ностальгией по детству. Его фильмы становились мостом для детей во взрослый мир, по которому, в свою очередь, уже взрослые зрители могли вернуться в детство. Мультфильмы Миядзаки вызывают у взрослых чувство сентиментальной ностальгии, напоминая им о невинности и детстве: «Наш взгляд начинает притягиваться к непрерывной вибрации детства и волшебным мирам бесконечного воображения, запечатленным на экране» (Gaw, Jeong 2023). Если с помощью ностальгии государство может управлять людьми, то искусство использует ее как красивое средство создания трогательных и пронзительных историй. Медиапроекты и UGC-контент, возможно, прибегают к более простым и прозаичным инструментам для обращения зрителя к чувству ностальгии, но иногда делают это не менее эффективно.

Заключение

Таким образом, ностальгия — чувство, которое можно испытывать в любом возрасте и которое сейчас переживают молодые взрослые по всему миру, находясь в кризисе четверти жизни. Обращаясь к рефлексивной ностальгии, не заикливаясь на негативном восприятии потери прошлого, человек, в постоянном состоянии перехода, находит в ней для себя опору. Если «жизнь — череда потерь», потеря старого и обретения нового, потери «себя» в потоке бешено изменяющегося мира, то воспоминания о детстве, о хороших временах могут стать островком покоя среди бури.

Обращение к коллективной памяти через ностальгический контент укрепляет чувство принадлежности к группе. Это особенно актуально для молодых людей на пути к самостоятельной жизни. Так, анализируя, как и почему возникает ностальгия, социологи могут глубже понять механизмы социальной поддержки и адаптации. Кроме этого, через подобные «тренды» на ностальгию социологи могут осуществлять мониторинг общественных настроений и поведения людей, исследуя, как они влияют на потребительские привычки и политические предпочтения общества.

Источники

Абрамов Р. Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. — 2012. — Т. 0, № 4. — С. 5–23.

Бойм С. Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: случай Ильи Кабакова // Новое литературное обозрение. — 1999. — № 39. — С. 90–100.

На фоне пандемии COVID-19 во всем мире распространенность тревожных расстройств и депрессии выросла на 25% [Электронный ресурс]: Всемирная организация здравоохранения [сайт]. 20.03.2024. — URL: <https://www.who.int/ru/news/item/02-03-2022-covid-19-pandemic-triggers-25-increase-in-prevalence-of-anxiety-and-depression-worldwide> (дата обращения: 20.03.2024).

Сындук, sndk/ПОПКУЛЬТ [Электронный ресурс] // YouTube. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=45Lt1MVfBPI&list=PLeZaefB7m27wCVeIrpYBRUHAdk0cks0sq> (дата обращения: 20.03.2024).

Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // М. Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления. — СПб.: Наука, 2007. — 620 с.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. — М.: Новое издательство, 2007. — 348 с.

Davis F. Yearning for yesterday: A sociology of Nostalgia. — N. Y.: Free Press, 1979. — 146 p.

Gaw M., Jeong T. J. Why Studio Ghibli nostalgia hits different [Electronic recourse] / Washington Square News. — New York, 2023. — URL: <https://nyunews.com/arts/film/2023/12/15/studio-ghibli-nostalgia/> (access date: 05.07.2024).

Maslow A. H. Motivation and Personality. — N. Y.: Harper and Row, 1954. — 395 p.

McDonald H. J. The Art of Nostalgia: Nostalgia as an aesthetic form of memory // Psychology Today. — URL: <https://www.psychologytoday.com/intl/blog/time-travelling-apollo/201710/the-art-nostalgia> (access date: 05.07.2024).

Nostalgia knows no age: Harnessing young hearts for brand success. [Electronic recourse]: Magid. 2023 [сайт]. 20.03.2024. — URL: <https://magid.com/news-insights/nostalgia-knows-no-age-harnessing-young-hearts-for-brand-success/> (access date: 05.07.2024).

Smeeke A., Sedikides C., Wildschut T. Collective nostalgia: Triggers and consequences for collective action intentions // Brit J Soc Psychol. — 2020. — No. 62. — P. 197–214. — DOI: 10.1111/bjso.12567.

Сведения об авторе

Сергеева Агата Вячеславовна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия.
avsergeeva@hse.ru

Статья поступила в редакцию: 17.12.2024;
поступила после рецензирования и доработки: 23.12.2024;
принята к публикации: 24.12.2024.

AGATA V. SERGEEVA

*HSE University,
Moscow, Russian Federation*

YOUTHFUL NOSTALGIA: AT WHAT AGE CAN YOU START TO MISS BYGONE TIMES

Abstract. The essay explores the phenomenon of “emerging nostalgia” among adolescents and young adults through content analysis of nostalgic material on the social media platform TikTok and the YouTube project “Popkult.” The essay examines how childhood memories serve as a means of coping with crises and social instability. Comment analysis reveals that nostalgia functions to sustain both personal and collective identity. The study draws on the concepts of reflective and restorative nostalgia, as well as the theory of collective memory. Emphasis is placed on how accelerated social change and crises drive an increased interest in the past.

Keywords: nostalgia, mediatization of memory, collective memory, quarter-life crisis, digitalization.

For citation: Sergeeva A. V. Youthful Nostalgia: at What Age Can You Start to Miss Bygone Times. *St. Petersburg Sociology Today*. 2024. No. 26. P. 99–108. DOI: 10.25990/socintras.pss-26.2m0v-2131; EDN: DOGXBW

References

- Abramov R. N. Time and space of nostalgia. *Sociological Journal*, 2012, no. 4, pp. 5–23. (In Russ.)
- Against the backdrop of the COVID-19 pandemic, the prevalence of anxiety disorders and depression worldwide has increased by 25%* [Electronic resource]: World Health Organization [website]. 03.20.2024. URL: www.who.int/ru/news/item/02-03-2022-covid-19-pandemic-triggers-25-increase-in-prevalence-of-anxiety-and-depression-worldwide (access date: 20.03.2024). (In Russ.)
- Boym S. The end of nostalgia? Art and cultural memory at the end of the century: the case of Ilya Kabakov. *New literary review*, 1999, no. 39, pp. 90–100. (In Russ.)
- Davis F. *Yearning for yesterday: A sociology of Nostalgia* — N. Y.: Free Press, 1979.
- Gaw M., Jeong T. J. Why Studio Ghibli nostalgia hits different [Electronic edition]. *Washington Square News*. New York, 2023. URL: <https://nyunews.com/arts/film/2023/12/15/studio-ghibli-nostalgia/> (access date: 07.05.2024).
- Halbwachs M. *Social framework of memory*. Transl. from French and entry article by S. N. Zenkin. Moscow, Novoye izdatelstvo, 2007, 348 p. (In Russ.)
- Heidegger M. Basic concepts of metaphysics. *Time and Being: Articles and speeches*. St. Petersburg: Nauka, 2007, 620 p. (In Russ.)
- Maslow A. H. *Motivation and Personality*. New York, 1954.
- McDonald H. J. The Art of Nostalgia: Nostalgia as an aesthetic form of memory. *Psychology Today*. URL: <https://www.psychologytoday.com/intl/blog/time-travelling-apollo/201710/the-art-nostalgia> (access date: 07.05.2024).

Nostalgia knows no age: Harnessing young hearts for brand success. [Electronic resource]: Magid. 2023 [website]. 20.03.2024. URL: <https://magid.com/news-insights/nostalgia-knows-no-age-harnessing-young-hearts-for-brand-success/> (date of access: 05.07.2024).

Smeeke A., Sedikides C., Wildschut T. Collective nostalgia: Triggers and consequences for collective action intentions. *British Journal of Social Psychology*, 2020, no. 62, pp. 197–214. DOI: 10.1111/bjso.12567.

Suendukh. *sndk/Popcult*. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=45Lt1MVfBPI&list=PLcZeafB7m27wCVeIrpYBRUHAdk0cks0sq> (access date: 20.03.2024).

Information about the author

Sergeeva Agata V., HSE University,
Moscow, Russian Federation.
avsergeeva@hse.ru

Received: 17.12.2024;
revised after review: 23.12.2024;
accepted for publication: 24.12.2024.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.t47c-a178

EDN: BSLSOE

УДК 316.74:2

АНЖЕЛИКА ДЕНИСОВНА ГЕЙМ

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ

Аннотация. В статье рассматриваются основные формы взаимодействия между Русской православной церковью и государством. Исследуются различные формы поддержки, включая финансовую помощь, предоставление налоговых льгот, передачу имущества, а также участие в восстановлении и сохранении культурного и исторического наследия. Анализируются механизмы взаимодействия между государственными структурами и церковью, подчеркивается важность такого сотрудничества для укрепления духовных и культурных ценностей общества. Также обсуждаются перспективы и возможные улучшения в области государственной поддержки Русской православной церкви.

Ключевые слова: Русская православная церковь, благотворительность, развитие государства, социальные программы, государственная поддержка.

Ссылка для цитирования: Гейм А. Д. Взаимодействие Русской православной церкви и государства: основные направления и формы // Петербургская социология сегодня. — 2024. — № 26. — С. 109–122. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.t47c-a178; EDN: BSLSOE

Введение

Вопросы взаимодействия религиозных организаций и государства остаются актуальными в современном обществе, где религия играет важную роль в формировании культурной и общественной идентичности. Русская православная церковь (РПЦ) занимает ключевое место в духовной и культурной жизни России, что обуславливает необходимость анализа ее взаимодействия с государственными структурами.

Взаимодействие Русской православной церкви и государства проявляется в различных сферах: от законодательного регулирования и предоставления финансовой помощи до совместных социальных и образовательных проектов. Этот процесс отражает более широкий контекст государственной политики, направленной на укрепление традиционных ценностей и обеспечение общественной стабильности.

Вопрос изучения взаимоотношений РПЦ с государственной властью в условиях возрастающего интереса к религиозным аспектам общественной жизни, а также усиления роли РПЦ в таких сферах, как образование, благотворительность и общественная дипломатия, актуален и слабо представлен в научных публикациях. Изучение основных направлений государственной поддержки помогает понять, как осуществляется взаимодействие церкви и государства в современном контексте и какие вызовы стоят перед ними. Кроме того, анализ этой исследовательской проблемы способствует более глубокому пониманию процессов формирования государственной политики, а также ее влияния на религиозную и общественную жизнь, что делает исследование востребованным как в научной, так и в практической плоскости.

Проблемы церковно-государственных отношений в России, а также положение и деятельность Русской православной церкви, являются предметом пристального внимания исследователей. Новый этап в изучении церкви и религии начался в период перестройки, в 80-е годы прошлого века. Открытие архивов и введение в научный оборот документов способствовало дальнейшей институционализации исследовательского направления. С позиций междисциплинарного подхода началось изучение исторических аспектов эволюции РПЦ, взаимоотношений православия и права, вопросов религиозной безопасности, триады «РПЦ — государство — верующие». Отдельные работы были посвящены и формам взаимодействия церковной и государственными органами власти.

В этих работах можно выделить несколько направлений в исследованиях форм взаимодействия между РПЦ и государством. Первый пул составляют работы, которые посвящены историческим аспектам государственно-конфессиональных отношений. К примеру, работа М. И. Одинцова «Государство и церковь в России. XX век» посвящена исследованию взаимоотношений между государством и церковью в прошлом веке (Одинцов 1994). Особое внимание автор обращает на ключевые события в истории России и их последствия для РПЦ. В других работах анализируется политико-общественная деятельность Русской православной церкви, например В. С. Слободниковой

(Слобожников 2007), А. Солдатов (Солдатов 2003) и Н. А. Митрохина (включен в реестр иностранных агентов 08.09.2023) (Митрохин 2004). Изучению состояния отношений между Русской православной церковью и государством посвящены работы А. Залужного (Залужный 2004). Основная цель его работы состоит в анализе правовых аспектов формирования государственной политики в сфере религии, выявлении проблем и возможных путей их решений. Автор освещает исторический контекст принятия законов о свободе совести и религиозных организаций, анализирует действующие законы и нормативные акты, которые регулируют деятельность религиозных организаций в РФ, изучает проблемы правоприменительных практик.

Цель данного исследования состоит в выявлении основных направлений и форм взаимодействия РПЦ и государства (на примере современной РФ). В первой части статьи представлен анализ нормативных документов по взаимодействию РПЦ и российского государства, вторая часть посвящена выявлению основных форм взаимодействия и рассмотрению успешных практик сотрудничества между церковью и государством.

Анализ нормативных документов по взаимодействию РПЦ и государства

Перед тем как определить возможности поддержки РПЦ государством, стоит отметить, что законодательная база включает множество нормативных актов, направленных на определение правового статуса религиозных организаций (Федеральный закон 1997), их взаимодействие с государственными органами и порядок предоставления государственной поддержки. Эти акты создают правовую основу для благотворительной помощи (Федеральный закон 1996), передачи церкви имущества религиозного назначения (Федеральный закон 1996), предоставления налоговых льгот (Налоговый кодекс 1998) и регламентируют другие формы поддержки. Так, ст. 14 Конституции РФ провозглашает светский характер государства, отделение церкви от государства и свободу совести. Тем не менее эта же статья подразумевает право государства поддерживать отношения с религиозными организациями в целях социального и культурного развития. В ст. 28 определено о гарантиях свободы совести и свободы вероисповедания, что позволяет церкви свободно развивать свою деятельность в рамках закона.

Важным нормативным документом является Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (№ 125-ФЗ

от 26 сентября 1997 г.). В законе закреплён правовой статус религиозных организаций и определяются их права и обязанности в части права религиозных организаций, включая РПЦ, владеть и использовать имущество, необходимое для их деятельности, право религиозных организаций на безвозмездное пользование государственным имуществом, в том числе зданиями и земельными участками.

В 2010 году в РФ был принят другой федеральный закон, который определил порядок передачи религиозным организациям имущества (Закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» (№ 327-ФЗ от 30 ноября 2010 г.)). В этом законе определен порядок передачи религиозным организациям объектов религиозного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности. Устанавливаются также критерии для передачи имущества, включая его историческую и культурную значимость, и регламент процесс подачи заявлений, рассмотрения дел и принятия решений о передаче имущества. Закон предоставляет правовую базу для передачи исторических храмов, монастырей и других объектов религиозного значения в собственность или безвозмездное пользование Русской православной церкви. Это позволяет церкви восстанавливать и поддерживать объекты культурного наследия, что способствует сохранению духовного и исторического наследия страны.

Следует отметить, что Налоговый кодекс Российской Федерации предусматривает налоговые льготы для религиозных организаций, включая освобождение от налога на прибыль, налога на имущество и других налогов на определенные виды деятельности. Предусмотрено также освобождение церковных учреждений от НДС при проведении религиозных обрядов и мероприятий.

Результаты исследования

Взаимодействие между государственными органами и церковными структурами в России осуществляется через различные форматы сотрудничества, которые направлены на поддержку и развитие духовной, культурной, образовательной и социальной сфер. Это сотрудничество включает совместные проекты, консультации, рабочие группы, соглашения и программы. Взаимодействие нацелено на укрепление духовных и нравственных ценностей общества, сохранение культурного наследия и решение социальных проблем. Рассмотрим основные форматы взаимодействия и приведем примеры успешного сотрудничества.

Консультационные советы и комиссии создаются при органах государственной власти для обсуждения вопросов, связанных с деятельностью религиозных организаций, в том числе Русской православной церкви. В состав таких советов входят представители государственных структур и религиозных организаций, что позволяет учитывать интересы всех сторон и находить компромиссные решения. Например, Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации¹ является платформой для обсуждения ключевых вопросов, касающихся государственной политики в области религии, взаимодействия государства и церкви, разработки законодательных инициатив и регулирования религиозной жизни в России.

Соглашения о сотрудничестве между государственными органами и церковными структурами заключаются для реализации совместных проектов и программ в области культуры, образования, здравоохранения и социальной поддержки. Такие соглашения обычно предусматривают конкретные формы взаимодействия, финансирование и организацию мероприятий. Одним из них является Соглашение между Министерством образования и науки Российской Федерации и Русской православной церковью — включает в себя разработку образовательных программ, поддержку православных школ и гимназий, а также проведение совместных научных конференций и семинаров².

Государственные и церковные структуры реализуют совместные социальные и благотворительные программы, направленные на помощь нуждающимся, поддержку малоимущих, реабилитацию наркозависимых, оказание помощи больным и инвалидам. Одной из таких программ можно назвать программу «Милосердие»³ — совместная инициатива Русской православной церкви и Министерства здравоохранения РФ по созданию сети приютов, социальных и реабилитационных центров для бездомных, наркозависимых и других социально незащищенных групп населения.

Проведенное исследование показало, что, к примеру, в Санкт-Петербурге активно действуют различные социальные центры РПЦ, которые

¹ Совет по взаимодействию с религиозными объединениями // kremlin.ru. — URL: <http://www.kremlin.ru/structure/regulation/17> (дата обращения: 17.07.2024).

² Соглашение о сотрудничестве между Министерством образования Московской области и епархиями Московской митрополии Русской Православной Церкви // mosreg.ru. — URL: <https://mo.mosreg.ru/deyatelnost/obschee-obrazovanie-v-mo/duhovno-nravstvennoe-vospitanie-i-obrazovanie/02-11-2021-17-36-12-soglasenie-o-sotrudnichestve-mezhdu-ministerstvom> (дата обращения: 22.08.2024).

³ Милосердие // miloserdie.ru. — URL: <https://miloserdie.help> (дата обращения: 17.07.2024).

оказывают помощь представителям практически всех социальных групп. Так, информант в проведенном нами интервью обратил внимание на иницилируемую и координируемую РПЦ помощь тем, кто нуждается:

«...церковь ведет в настоящее время большое социальное служение. И у нас даже есть цифры, причем достаточно скромные у меня, а социальное служение довольно поставлено на серьезную основу, создано даже социальное благочиние в Санкт-Петербургской епархии, и они ведут большую работу, координирующую работу. В настоящее время есть четыре детских приюта, шесть богаделен, один ночлежный дом, десять детских кризисных центров. Ведут большую работу по профилактике аборт» (интервью, 2024 г.).

Сотрудничество между государственными органами и церковными структурами в России осуществляется в рамках различных форматов взаимодействия, направленных на достижение общих целей по укреплению духовных и нравственных ценностей, сохранению культурного наследия и улучшению социальной сферы. Примеры успешного сотрудничества показывают, что такое взаимодействие приносит значимые результаты, способствующие развитию общества и укреплению межконфессионального мира в стране.

«...у нас государство настолько многонациональное, многоконфессиональное, что даже церковь большинства у нас, наша русская православная церковь... для нее важной частью работы является развитие поддержания межрелигиозного диалога. И это тоже ответ на вопрос сближения только государства только с русской православной церковью. Нет, это скорее попытка государства, как института, отражающего интересы большинства общества, стабильного института, найти себе союзника в институте таком стабильном, как исторически укорененные религиозные организации... например для Петербурга, у нас аж восемь конфессий можно насчитать таких» (интервью, 2024 г.).

Также стоит отметить, что государство поддерживает РПЦ и в финансовом плане, так, помощь осуществляется через несколько форм, таких как гранты, субсидии и целевые программы. Эти формы поддержки направлены на содействие различным проектам и инициативам, связанным с восстановлением храмов, поддержанием культурного и исторического наследия, а также с реализацией социальных и образовательных программ.

«...есть такая вещь, как внеклассная работа, факультативная работа, связанная прежде всего с формированием уважительного отношения к православию как культурно созидательной традиции нашей,

и на сегодня в православии действительно создаются очень часто в храмах и музейные экспозиции. Это уже явление такое заметное становится. Вот здесь есть храм Всех Скорбящих Радость по соседству. Там аж две экспозиции. Одна из них причем посвящена защитникам Невского пятачка, потому что настоятель возглавляет поисковые отряды, раскапывающие места боев, восстанавливающие историческую память и предающие останки бойцов захоронению. Таким образом, церковь сегодня является силой, которая активно взаимодействует с обществом по целому ряду направлений. Очень характерно, что при выделении участков для храмового строительства строится не только храм, но обязательно строится помещение для воскресной школы, место для ведения работы с молодежью. Такие просветительские центры, что ли, обязательно наличие помещений для таких просветительских центров. Это тоже не только дань времени, но это такое материальное свидетельство о той роли, которую церковь выполняет или пытается еще более активно выполнять. Проектов очень много, иногда они носят разрозненный характер» (интервью, 2024 г.).

Рассмотрим финансовые вопросы функционирования РПЦ. Анализ эмпирических данных показал, что бюджет Русской православной церкви складывается из трех оснований: отчислений епархий, коммерческой деятельности собственных предприятий и пожертвований. Поскольку в Российской Федерации церковь отделена от государства и является некоммерческой организацией с особым статусом, то среди прочих мер государственной поддержки можно выделить правовую и экономическую.

К первой относятся всевозможные льготы, которые доступны для РПЦ. Все они связаны непосредственно с религиозной деятельностью. Так, согласно Налоговому кодексу РФ, РПЦ освобождена от следующих видов налогообложения: налога на добавленную стоимость, налога на прибыль, налога на имущество, земельного налога и государственных пошлин.

Во владении Русской православной церкви за весь период начиная 1991 года было множество производственных объектов. К примеру, до 2010 года РПЦ владела 25% «БМВ Русланд» через дочернюю компанию ЗАО «АО Витал», ликвидированную в этом же году, связь с производством прослеживается по цепочке РО «Московская Патриархия», владеющая «Фондом Православного телевидения» (Фонд 2024), владеющая ЗАО «АО Витал», которая, в свою очередь, владеет четвертью «БМВ Русланд». Анализ вторичных данных показывает (Расследование RBC 2016), что по состоянию на 2014 год общий годовой доход РПЦ составлял порядка 5,6 млрд рублей.

На данный момент подсчитать точно доходы согласно открытым источникам не представляется возможным, но, если учесть, что официально РПЦ владеет двумя объектами, ООО «Гостиница «Даниловская» (Гостиница 2024), выручка которой за 2023 год составила 137 млн рублей, и ООО «ХПП «Софрино» РПЦ» (ООО ХПП 2024), выручка которого за 2023 год составила 2,4 млрд рублей, также ОАО «Ритуальная православная служба» (ОАО Ритуальная 2024), которая принадлежит РПЦ на следующих основаниях: ОАО «РПС» — это реорганизованная ЗАО «РПС» (ЗАО, учредителем которой является РО «Московский Патриархат», выручка ОАО «РПС» за 2023 год составила 43,8 млн рублей), то по итогам за 2023 год сумма 2 580 800 000 рублей, согласно расследованию RBC, является примерно 55%-ной прибылью. При этом важно отметить, что прибыль в большинстве своем инвестируется в реконструкцию храмов и соборов, оплату работы священнослужителей, оплату счетов и благотворительность в виде организаций приютов и др. Поэтому важным аспектом во взаимодействии в обществе является и участие государства в поддержании церкви.

Изучение мер государственной поддержки РПЦ позволило выделить основные формы финансовой поддержки. Так, отчетливо различаются гранты, субсидии и целевые программы. Гранты предоставляются на конкурсной основе и направлены на реализацию конкретных проектов. Финансирование может идти как на реставрацию церковных объектов, так и на социальные программы, проводимые Русской православной церковью. Основной платформой для оформления заявок является «Фонд Президентский Грантов» (Фонд 2024), включающий множество проектов, в том числе и проекты от Русской православной церкви. Среди наиболее актуальных и интересных можно выделить «Введение в культуру древнерусской иконописи». Целью этого проекта является сохранение, развитие и популяризация русской православной иконописи на территории Костромской области (Введение 2024). Проект «Надежда и опора» (Надежда 2024) нацелен на один из видов социального служения — «оказание безвозмездной помощи и повышение качества помощи, оказываемой лицам без определенного места жительства».

Второй формой финансовой поддержки являются субсидии, они представляют собой безвозвратное предоставление денежных средств для поддержки текущей деятельности или отдельных проектов Русской православной церкви. Они могут быть направлены на строительство новых храмов, поддержку образовательных и социальных инициатив. Так, в 2023 году от Правительства Москвы в программу предоставления субсидий вошло десять храмовых строений (Патриархия 2024).

И наконец, целевые программы, которые финансируются государством и направлены на поддержку комплексных мероприятий, включающих восстановление объектов культурного наследия, проведение социальных и культурных мероприятий, направленных на укрепление роли Русской православной церкви в обществе. Так, например, согласно докладу «О выполнении федеральной целевой программы „Культура России (2012–2018 годы)“ и эффективности использования финансовых средств за весь период ее реализации» (Доклад 2018), «работы по сохранению памятников истории и культуры также проводились на объектах как религиозного назначения Русской Православной Церкви».

Приведенные сведения (интервью и открытые источники) позволили выделить основные каналы связи Русской православной церкви и государства. К действующим институтам относится Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации (Совет 2024) или же Отдел по связям с религиозными организациями. Данные экспертных интервью, проведенных в Санкт-Петербурге, позволили выявить то, как оценивается текущее состояние сотрудничества между епархией и администрацией, выделить направления в сотрудничестве, возможные инициативы и проекты, определить роль РПЦ в социально-культурной жизни Санкт-Петербурга, механизмы поддержки религиозных проектов со стороны администрации города, каналы информирования и вовлечения общественности в совместные проекты епархии и администрации.

Заключение

Проведенное исследование и анализ вторичных данных позволили сформулировать конкретные рекомендации по усилению партнерских отношений между РПЦ и городской администрацией, повышению их эффективности в будущем. Основными направлениями в государственной поддержке Русской православной церкви можно назвать следующие:

1. Институциональная поддержка. Государство оказывает Русской православной церкви поддержку как одному из институтов, обеспечивающему духовные и культурные развитие общества. Это выражается в официальном признании ее роли в сохранении исторического и культурного наследия России, а также в участии церкви в разработке государственных программ, связанных с патриотическим и духовным воспитанием, образованием и в целом, социальной политикой.

2. Финансовая помощь. Государство нередко выделяет финансирование на реставрацию культовых зданий, строительство храмов и проведение крупных церковных мероприятий. Это является элементом общей политики сохранения культурного наследия и поддержки духовно-нравственного воспитания.
3. Содействие в законодательной сфере. Поддержка РПЦ на уровне законодательства проявляется в принятии нормативных актов, обеспечивающих защиту религиозных чувств верующих, регулирование миссионерской деятельности и предоставление религиозным организациям льгот, включая налоговые.
4. Совместные социальные проекты. РПЦ и государственные структуры сотрудничают в области социальной политики (поддержка малоимущих, помощь в реабилитации зависимых, участие в благотворительных программах). Это позволяет эффективно решать социальные проблемы с учетом духовных потребностей общества.

Взаимодействие Русской православной церкви и государства охватывает широкий спектр форм и направлений: от финансовой и законодательной помощи до сотрудничества в социальных и образовательных проектах. Такое взаимодействие отражает стремление укрепить традиционные ценности и гармонизировать отношения между государством и обществом. Однако важно сохранять баланс, чтобы сотрудничество не приводило к смешению функций государства и религиозной организации.

Источники

В 2023 году в программу предоставления субсидий из бюджета Москвы по реставрации храмов вошли десять храмовых строений // patriarchia. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6037067.html> (дата обращения: 22.08.2024).

Введение в культуру древнерусской иконописи // Фонд президентских грантов. — URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=7cb6055d-853c-4524-8b64-c1dab7156fe8> (дата обращения: 14.08.2024).

«Гостиница „Даниловская“» // Audit-it. — URL: https://www.audit-it.ru/contragent/5167746444311_ooo-gostinita-danilovskaya (дата обращения: 20.10.2024).

Доклад о выполнении Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)» и эффективности использования финансовых средств за весь период ее реализации // Rosrest. — URL: https://rosrest.com/wp-content/uploads/2019/10/Доклад-о-ходе-реализации-ФЦП-«Культура-России-2012-2018_годы».pdf (дата обращения: 17.07.2024).

Залужный А. Г. Правовые проблемы формирования вероисповедной политики в современной России // Религия и право. — 2004. — № 3, вып. 35. — С. 21–25.

ЗАО «АО ВИТАЛ» // Audit-it. — URL: https://www.audit-it.ru/contragent/1037739207901_zao-ao-vital (дата обращения: 20.10.2024).

ЗАО «ПРАВОСЛАВНАЯ РИТУАЛЬНАЯ СЛУЖБА» // Audit-it. — URL: https://www.audit-it.ru/contragent/1027739806038_zao-pravoslavnaya-ritualnaya-sluzhba (дата обращения: 20.10.2024).

Митрохин Н. А. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. — М.: НЛЮ, 2004. — 648 с.

Московская Патриархия // Audit-it. — URL: https://www.audit-it.ru/contragent/1037700011843_moskovskaya-patriarkhiya (дата обращения: 20.10.2024).

Надежда и опора // Фонд президентских грантов. — URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=5ed50206-7e92-454b-9940-97e2ee0c0bc9> (дата обращения: 22.08.2024).

Налоговый кодекс Российской Федерации. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 19.10.2024).

ОАО «Ритуальная православная служба» // Audit-it. — URL: https://www.audit-it.ru/contragent/1027739166454_oao-ritualnaya-pravoslavnaya-sluzhba (дата обращения: 20.10.2024).

Одинцов М. И. Государство и церковь в России. XX век. — М.: Луч, 1994. — 171 с.

ООО «ХПП „Софрино“ РПЦ» // Audit-it. — URL: https://www.audit-it.ru/contragent/1105038007799_ooo-khpp-sofrino-rpts (дата обращения: 20.10.2024).

Расследование РБК: на что живет церковь // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/investigation/society/24/02/2016/56c84fd49a7947ecbff1473d> (дата обращения: 20.10.2024).

Слобожникова В. С. Религиозные практики в структуре политического процесса современной России // Демократия, управление, культура: проблемные измерения современной политики. Политическая наука: Ежегодник 2006 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А. И. Соловьев. — М.: Российская политическая энциклопедия (Росспэн), 2007. — С. 498–525.

Совет по взаимодействию с религиозными объединениями // Kremlin. — URL: <http://www.kremlin.ru/structure/regulation/17> (дата обращения: 17.07.2024).

Солдатов А. Русская православная церковь на пути к монополизации «духовного пространства России» // Отечественные записки. — 2003. — № 1, вып. 10. — URL: <https://strana-oz.ru/2003/1/russkaya-pravoslavnaya-cerkov-na-puti-k-monopolizacii-duhovnogo-prostranstva-rossii> (дата обращения: 08.03.2023).

Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СПС «Консультант Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 29.10.2024).

Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СПС «Консультант Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 29.10.2024).

Федеральный закон от 30.11.2010 № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной

или муниципальной собственности» // СПС «Консультант Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107378/ (дата обращения: 29.10.2024).

Фонд православного телевидения // Audit-it. — URL: https://www.audit-it.ru/contragent/1037739773026_fond-pravoslavnogo-televideniya (дата обращения: 20.10.2024).

Фонд президентских грантов // Фонд президентских грантов. — URL: <https://президентскиегранты.рф> (дата обращения: 10.06.2024).

Сведения об авторе

Гейм Анжелика Денисовна, Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия.
anzhelikageym@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 26.05.2024;
поступила после рецензирования и доработки: 12.12.2024;
принята к публикации: 24.12.2024.

ANGELIKA D. GEYM

*St. Petersburg University
St. Petersburg, Russian Federation*

INTERACTION BETWEEN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE STATE: THE MAIN DIRECTIONS AND FORMS

Abstract. The article examines the main forms of interaction between the Russian Orthodox Church and the state. Various forms of support are examined, including financial assistance, provision of tax benefits, transfer of property and real estate, as well as participation in the restoration and preservation of cultural and historical heritage. The mechanisms of interaction between government agencies and the church are analyzed, the importance of such cooperation for strengthening the spiritual and cultural values of society is emphasized. Prospects and possible improvements in the field of state support for the Russian Orthodox Church are also discussed.

Keywords: Russian Orthodox Church, charity, state development, social programs, state support.

For citation: Geym A. D. Interaction Between the Russian Orthodox Church and the State: The Main Directions and Forms. St. Petersburg Sociology Today. 2024. No. 26. P. 109–122. DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.t47c-a178; EDN: BSLSOE

References

- CJSC "Orthodox Funeral Service".* Audit-it. URL: https://www.audit-it.ru/contragent/1027739806038_zao-pravoslavnyaya-ritualnaya-sluzhba (access date: 20.10.2024).
- Council for interaction with religious associations.* Kremlin. URL: <http://www.kremlin.ru/structure/regulation/17> (access date: 17.07.2024).
- "Danilovskaya Hotel".* Audit-it. URL: https://www.audit-it.ru/contragent/5167746444311_ooo-gostinitsa-danilovskaya (access date: 20.10.2024).
- Federal Law "On Freedom of Conscience and on Religious Associations" dated 26.09.1997 No. 125-FZ. *Consultant Plus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (access date: 29.10.2024).
- Federal Law "On Non-Profit Organizations" dated 12.01.1996 No. 7-FZ. *Consultant Plus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (access date: 29.10.2024).
- Federal Law "On the Transfer of State or Municipal Property for Religious Purposes to Religious Organizations" dated 30.11.2010 No. 327-FZ. *Consultant Plus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107378/ (access date: 29.10.2024).
- Hope and Support.* Presidential Grants Foundation. URL: <https://президентскиегранты.РФ/public/application/item?id=5ed50206-7e92-454b-9940-97e2ee0c0bc9> (access date: 22.08.2024).
- In 2023, the program of subsidies from the Moscow budget for the restoration of temples included ten temple buildings.* Patriarchia. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6037067.html> (access date: 22.08.2024).
- Introduction to the culture of ancient Russian icon painting.* Presidential Grants Foundation. URL: <https://президентскиегранты.РФ/public/application/item?id=7cb6055d-853c-4524-8b64-c1dab7156fe8> (access date: 14.08.2024).
- JSC "Ritual Orthodox Service".* Audit-it. URL: https://www.audit-it.ru/contragent/1027739166454_oao-ritualnaya-pravoslavnyaya-sluzhba (access date: 20.10.2024).
- JSC VITAL CJSC.* Audit-it. URL: https://www.audit-it.ru/contragent/1037739207901_zao-ao-vital (access date: 20.10.2024).
- LLC "HPP "Sofrino" ROC".* Audit-it. URL: https://www.audit-it.ru/contragent/1105038007799_ooo-khpp-sofrino-rpts (access date: 20.10.2024).
- Mitrokhin N. A. *The Russian Orthodox Church: the current state and current problems.* Moscow, NLO, 2004, 648 p.
- Moscow Patriarchate.* Audit-it. URL: https://www.audit-it.ru/contragent/1037700011843_moskovskaya-patriarkhiya (access date: 20.10.2024).
- Odintsov M. I. *The State and the Church in Russia. XX century.* Moscow, Luch, 1994, 171 p.
- Orthodox Television Foundation.* Audit-it. URL: https://www.audit-it.ru/contragent/1037739773026_fond-pravoslavnogo-televideniya (access date: 20.10.2024).
- Presidential Grants Foundation.* Presidential Grants Foundation. URL: <https://президентскиегранты.РФ> (access date: 10.06.2024).
- RBC investigation: what the church lives on.* RBC. URL: <https://www.rbc.ru/investigation/society/24/02/2016/56c84fd49a7947ecbff1473d> (access date: 20.10.2024).
- Report on the implementation of the federal target program "Culture of Russia (2012–2018)" and the effectiveness of the use of financial resources for the entire period of its implementation.* Rosrest. URL: https://rosrest.com/wp-content/uploads/2019/10/Report-on-the-progress-of-implementation-of-the-Federal-Target-Program-Culture-of-Russia-2012-2018_gods.pdf (access date: 17.07.2024).

Slobozhnikova V. S. Religious practices in the structure of the political process in modern Russia. *Democracy, governance, culture: problematic dimensions of modern politics*. Political Science, Yearbook 2006. Russian Association of Political Science. Ed.-in-chief A. I. Solovyov. Moscow, Russian Political Encyclopedia (Rosspen), 2007, pp. 498–525.

Soldatov A. *The Russian Orthodox Church on the way to monopolization of the "spiritual space of Russia"*. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=10&article=15> (access date: 03.08.2023).

Tax Code of the Russian Federation. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (access date: 19.10.2024).

Zaluzhny A. G. Legal problems of formation of religious policy in modern Russia. Religion and law. *Information and analytical journal*, 2004, no. 3, iss. 35, pp. 21–25.

Information about the author

Geym Angelika D., St. Petersburg University,
St. Petersburg, Russian Federation.
anzhelikageym@gmail.com

Received: 26.05.2024;

revised after review: 12.12.2024;

accepted for publication: 24.12.2024.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.tm9c-m008

EDN: GEHIGY

УДК 316:061

**АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА АНДРЕЕВА,
ЕЛИЗАВЕТА СЕРГЕЕВНА БАЛАЦЮК,
ДАНИИЛ МИХАЙЛОВИЧ ВОЛОДИН,
ЕЛИЗАВЕТА ВИТАЛЬЕВНА КРЕСНИКОВА,
ТИМУР БОРИСОВИЧ ШАРИПОВ**

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия*

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЦЕНТРА МОЛОДЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «АГЕНТНОСТЬ И УСТОЙЧИВОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ»

Аннотация. В представленном обзоре освещены основные итоги международной конференции «Агентность и устойчивость молодежи в эпоху глобальных вызовов», прошедшей на базе Центра молодежных исследований Высшей школы экономики — Санкт-Петербург с 31 октября по 1 ноября 2024 года. Конференция была приурочена к пятинадцатилетию центра и стала местом притяжения для исследователей из 11 регионов России, а также Бразилии, Аргентины и Индии. В центре обсуждения оказались такие исследовательские проблемы, как агентность молодежи, миграция молодых людей, потребительские практики и установки молодежи, транзición во взрослость, локальные идентичности молодых людей, включенность молодежи в поле политики, молодежь на рынке труда и в цифровой среде.

Ключевые слова: молодежь, глобальные вызовы, конференция, агентность.

Ссылка для цитирования: Андреева А. С., Балацюк Е. С., Володин Д. М., Кресникова Е. В., Шарипов Т. Б. Международная конференция Центра молодежных исследований «Агентность и устойчивость молодежи в эпоху глобальных вызовов» // Петербургская социология сегодня. — 2024. — № 26. — С. 123–132. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.tm9c-m008; EDN: GEHIGY

В 2024 году исполнилось 15 лет Центру молодежных исследований, который неизменно находится на острие социологической науки, проводит фундаментальные и прикладные исследования, затрагивающие множество проблематик, связанных с молодежью: солидарности, трудовые и образовательные траектории, потребительские практики, миграции, гражданственность и социальный активизм, телесные идентичности и гендерные режимы и многие другие. 15-летие центра отметили проведением международной конференции «Агентность и устойчивость молодежи в эпоху новых глобальных вызовов», которая стала площадкой для представления и обсуждения результатов исследований более 100 участников из 11 регионов России, а также из Индии, Аргентины и Бразилии. В течение двух дней исследователи могли заслушать пленарные доклады, принять участие в секциях, посвященных рынку труда, взрослению, ценностям и идентичностям, городским практикам и практикам потребления, социальной ответственности, политике, миграции, цифровой среде, а также в круглом столе с представителями низовых молодежных инициатив Санкт-Петербурга.

Открытие конференции состоялось на пленарном заседании, где директор Центра молодежных исследований, профессор Елена Леонидовна Омельченко, представила доклад об особенностях академической карьеры молодых ученых в Высшей школе экономики. Несмотря на все барьеры и сложности — нестабильный график, низкую заработную плату, высокие требования к производительности труда (публикации, исследовательская и преподавательская деятельность и так далее), — молодые люди высоко оценивают значимость академической карьеры в своей жизни, оправдывая это тем, что наука дает возможность реализовать свой творческий потенциал и создает пространство для свободного диалога. Следом выступила Маниша Патхак-Шелат, профессор Центра развития менеджмента и коммуникаций института MICA, Индия. В докладе «Everyday Playful Resilience: Transcultural negotiations as Youth Agency» профессор сфокусировалась на историях молодежи Глобального Юга, проявляющих агентность в процессах производства и потребления глобальной и локальной культур.

На второй пленарной секции первого дня представили свои доклады коллеги из Аргентины и Бразилии, занимающиеся изучением молодежи Глобального Юга. Ана Миранда, руководительница программы молодежных исследований в FLACSO, Аргентина, в выступлении «Grammars of Youth: Studying youth transitions from Latin America» рассказала о «шрамах», сопровождающих транзитии во взрослость аргентинской молодежи, часто называемой «потерянным

поколением». Исследовательница в области политической и исторической антропологии Лаура Кропфф Кауса из Национального университета Рио-Негро, Аргентина в докладе «*Navigating Life and Death: Indigenous Youth Resistance to Formations of Otherness in Argentina*» через призму концепции некополитики проанализировала жизненные траектории коренного народа мапуче, выбивающиеся из традиционного евроамериканского жизненного курса. Антрополог Клаудиа Перейра из Папского католического университета Рио-де-Жанейро, Бразилия, выступила с докладом «*Youth cultures and inequality in Brazil: observing some social actions in street skateboarding*». Она отметила, что скейтбординг-культура (и шире — улица) становятся для бразильской молодежи значимой площадкой для высказываний, где они могут проявлять агентность и быть услышаны.

Второй день конференции открылся пленарным докладом Ануджи Агравал, профессора департамента социологии Делийской школы экономики Университета Дели. В докладе «*Youth resilience: a gendered perspective from the Indian context*» Ануджа Агравал обратила внимание на гендер как центральную категорию в жизненных курсах молодежи Индии, где сохраняется низкая вовлеченность женщин в рабочую силу, а девушки сталкиваются с множеством структурных ограничений патриархальной культуры. Преодоление этих барьеров проявляется в тех рефлексивных выборах, что совершают молодые индианки относительно своей карьеры и гражданского участия.

Проблематика молодежной идентичности оказалась на конференции в центре внимания. Что значит быть молодым сейчас? Как меняется молодежь в текучем и нестабильном обществе постмодерна? И какие ориентиры видят для себя молодые люди, выходящие в поле взросления? Поиск ответов на эти вопросы стал лейтмотивом выступлений всех участников конференции. Свое отражение эта дискуссия нашла и на секции «**Локальные идентичности и чувство места**», где главными объектами дискуссий выступили город и пространство, которые и структурируют жизнь молодежи, и активно осваиваются молодыми людьми с целью конструирования идентичности.

Роль пространства в контексте молодежных солидарностей Юга России освещалась в докладе Натэллы Русиной и Лауры Шпиро (КубГУ). На примере нескольких кейсов из сельской местности Юга России были рассмотрены основания для позитивной и негативной идентификации жителей с местом их проживания. Ресурсом для формирования позитивной идентификации с местом для сельской молодежи выступает солидаризация органов местного самоуправления с локальным

бизнесом, которая способствует развитию сетей между жителями и их включенности в общественную жизнь через создание условий и пространств для подобной деятельности.

Какие еще характеристики места влияют на жизненные траектории молодых людей? Наталья Соловьева, младший научный сотрудник Центра молодежных исследований, в своем докладе «Чувство места у молодежи Северо-Запада: как аффективные факторы (не) дают покинуть свой дом» представила исследование эмоциональной связи с пространством в нарративе молодых людей Северо-Западного региона, описывающих свои миграционные планы.

Отношение к пространству как к полю социального взаимодействия и воплощения практического опыта молодежи может быть рассмотрено и с точки зрения «собственной логики городов». Так, в докладе стажеров-исследователей ЦМИ Даниила Володина, Валерии Поповой и Тимура Шарипова основной фокус был обращен к городу как к субъекту с собственным габитусом. На примере двух городов, Пскова и Петрозаводска, авторы рассмотрели особенности воспроизводства социокультурной среды («габитус города», включающий в себя не только историческую, социальную и культурную специфику города, но и особенности его физического пространства) в повседневности горожан («городской габитус»). Это позволило исследователям определить взаимосвязь между «габитусом города» и креативным потенциалом Пскова и Петрозаводска, а также выявить факторы различия в функционировании их креативно-предпринимательских сред.

Агентность молодежи стала одним из ключевых фокусов конференции. Молодые люди выступают как независимые участники социальных взаимодействий, которые готовы не только рефлексивно воспринимать существующие ценности и установки в обществе, но и самостоятельно предлагать новые практики и формы взаимодействия и конструировать условия для их закрепления и развития. Примером этому стали доклады секции **«Агентность и социальная ответственность молодежи»**.

Яркими кейсами, репрезентирующими агентность молодых людей, стали молодежное предпринимательство и гражданское участие. Например, доклад Яны Крупец и Юлии Епановой — заместителя директора и научного сотрудника ЦМИ соответственно — был посвящен обретению устойчивости молодых самозанятых Санкт-Петербурга — предпринимателей и фрилансеров. Важным выводом доклада стало выделение ряда способов, с помощью которых самозанятые переживают кризисные изменения на рынке. К таким способам относятся управление стрессом, диверсификация навыков, наращивание социального капитала.

Обретение с их помощью устойчивого положения отражает высокую степень самостоятельности молодых людей как экономических агентов.

Другим примером агентности стала деятельность молодых активистов в некоммерческом секторе, представленная в докладе сотрудниц ЦМИ Екатерины Бемлер и Елизаветы Балацук. Исследовательницы отметили, что создание и реализация общественно значимых проектов выступает способом обретения самостоятельности для молодежи. Иницилируемые молодыми людьми проекты направлены на создание инклюзивных пространств, формирование комьюнити и экспертное просвещение окружающих. Посредством такой деятельности молодые активисты Санкт-Петербурга обретают индивидуальное благополучие, развивают личные компетенции и наращивают символический и социальный капитал в поле гражданского участия.

Продолжение обсуждения социального участия молодых людей в жизни общества произошло на круглом столе **«„Просто брать, делать, несмотря ни на что“: опыт реализации инициативных проектов в Санкт-Петербурге»**. Исследователям удалось побеседовать с молодыми представителями коммерческих и некоммерческих организаций об их опыте работы над проектами, трудностями, которые приходится преодолевать в процессе привлечения (трудно)доступных ресурсов, взаимодействия с различными институтами, и в сохранении чувства сопричастности чему-то важному и ценному.

В круглом столе принимали участие создатели проектов в сфере моды, экологии, устойчивого развития, инклюзии и транзитного трудоустройства: Олег Бележенко, создатель СЕО автономной некоммерческой организации «Анна помогает» и кофейни транзитного трудоустройства «СПЭШЛ»; Дарья Токарева, промышленный дизайнер, проектировщик устойчивого будущего, генеральный директор и основатель компании SPAWN, Ксения Ежова, соосновательница urcuscle-бренда INDIVIZUAL; Дарья Растоскуева, управляющая в проекте транзитного трудоустройства «Теплица».

Участники затронули значимые в контексте города вопросы работы НКО и КО, не раз упоминали о важности взаимной поддержки как внутри сообщества создателей-креаторов, так и со стороны среды: пользователей, покупателей, клиентов, публики, а также о перспективах взаимодействия с другими организаторами в рамках потенциального сотрудничества. Кроме того, создатели организаций поделились своими планами о дальнейшем развитии проектов. Выступления инициативной молодежи вызвали горячий отклик аудитории: поступили вопросы об опыте взаимодействия с государственными органами и спонсорами,

сотрудничестве и поиске финансовой поддержки, а также о людях, которые входят в команды проектов и работают на их развитие.

Не менее насыщенной по своему наполнению стала секция **«Молодежное потребление»**. В ее рамках выступающие обратились к таким практикам среди молодых людей, как потребление алкоголя и тренд «slow life». Вопрос об особенностях потребления алкоголя среди молодых людей был поднят в двух докладах — Валерии Кондратенко, младшего научного сотрудника Лаборатории экономико-социологических исследований, и Дмитрия Бобрикова, младшего научного сотрудника Лаборатории психофизиологии эмоций.

Дмитрий Бобриков сосредоточился в своем выступлении на роли кулуарного капитала в потребительских практиках молодых посетителей баров Санкт-Петербурга. В свою очередь, Валерия Кондратенко описала, как потребление алкогольных напитков молодыми людьми взаимосвязано с подобными практиками их родителей — оказалось, особую значимость в потреблении алкоголя приобретают потребительские практики матери.

Живой отклик аудитории вызвало выступление Кирилла Афанасьева, доцента ЛГУ им. А. С. Пушкина, на тему «Низкотехнологичные практики современной городской молодежи в Санкт-Петербурге». Докладчик описал и типологизировал различные DIY-практики и потребительские установки молодежи, которые направлены на замедление темпа жизни (сокращение частоты использования мобильных устройств), уменьшение потребления (фриганство, свопы) и обращение к ручному производству тех или иных благ (ремесленничество, самостоятельная готовка по рецептам).

В рамках секции **«Поколение и взросление II»** внимание было уделено особенностям поколения зумеров в разных контекстах. Так, Надежда Муращенкова (НИУ ВШЭ) и Валентина Гриценко (МГППУ) представили свой доклад «Этническая, гражданская и глобальная идентичности vs материальное благосостояние: вклад в психологическое благополучие русских старшеклассников из Центрального и Дальневосточного регионов страны». Авторы представили результаты исследования идентичности и материального благополучия школьников из двух регионов России, а также обсудили характеристики поколения зумеров и особенности их поведения в различных сферах, включая профессиональную деятельность и социальное взаимодействие. Доклад породил методологическую дискуссию: обсуждался инструмент, который использовался в исследовании, а также проблема сбора данных, поскольку исследование проводилось среди учеников школ.

Ирина Прус (ЕУСПб) представила доклад «Изобретая антиэйджизм: паблики „ВКонтакте“ и техники самодисциплины» по результатам лонгитюдного исследования, в рамках которого автор изучает активистов сообществ и их установки в отношении возрастной дискриминации. Для большинства участников исследования философия антиэйджизма заняла важную роль в жизни. Так, некоторые из них продолжили свою социально активную деятельность, а другие решили изучить вопрос возрастной дискриминации в научном контексте, поступив в университет на программы по социальным наукам. После выступления развернулась дискуссия на тему плюсов и минусов использования социальных сетей и мессенджеров для исследований подобного рода.

Любопытно, как сами молодые люди, находясь в позиции исследователей, осмысливают себя, свою агентность, рефлексировать по поводу собственного опыта, а также препарировать и анализируют различные окружающие их сообщества и социальные группы. На конференции в течение двух дней активно работала большая студенческая секция **«Первые шаги в науке»**, где студенты бакалавриата и магистратуры на русском и английском языках делились результатами своих исследований. Многие из представленных докладов подводили итоги групповых проектов, студенческих экспедиций, а также индивидуальных проектов студентов (курсовых и дипломных работ).

Студенты делились своими исследовательскими находками и открытиями в различных областях: включенность молодежи в деятельность религиозных организаций, адаптация молодых людей на рынке труда, социальная эксклюзия в петербургских коммунах, стратегии выбора молодыми семьями мест проживания, рефлексия локальной идентичности креативной молодежи, практики адаптации мигрантов, практики культурного потребления молодыми людьми, процессы взросления, формирования идентичности и многое другое.

Помимо пестрого набора тематик, секция отличилась и широким спектром методологий и подходов, которые использовали молодые ученые. Среди них — включенное наблюдение, полуструктурированные интервью, ментальное картографирование, анкетные опросы и так далее. Так, Екатерина Федотенкова и Павел Новичков (НИУ ВШЭ) опросили несколько сотен студентов московских вузов в рамках исследования «Связь между степенью патриотизма и вовлеченностью в чтение русской литературы среди московской молодежи», в котором авторы операционализировали понятие патриотизма как состоящее из нескольких компонентов. Юлия Квон, Виолетта Вишневская и Мария Костина (НИУ ВШЭ) применили смешанную методологию

(качественный и количественный анализ) для изучения опыта академической мобильности студентов нескольких университетов Петербурга и пришли к выводу, что она способна оказать положительный эффект на профессиональное развитие молодых специалистов.

Борис Белозеров, студент второго курса бакалавриата НИУ ВШЭ СПб: *«Я участвовал в конференции впервые! Это был интересный опыт. Я участвовал в студенческой секции, где я с коллегами делился результатами нашей экспедиции в Кострому. Наша презентация заключалась в изучении ментальных карт. Я занимался анализом самых часто упоминаемых мест в Костроме и составлением карты Костромы с зонами, которые часто упоминали информанты. Мне понравилось работать со старшими коллегами из магистратуры. Я получил новые знания, которые помогают мне в реализации моих учебных проектов. Сейчас мы планируем написать научную статью по материалу презентации! Спасибо ЦМИ за конференцию!»*

Алина Петрова, студентка четвертого курса бакалавриата НИУ ВШЭ СПб: *«В рамках студенческой секции я с коллегами выступала на втором потоке первого дня конференции с докладом „Роль «мест силы» в укорененности местных жителей: кейс креативной молодежи Костромы“, в котором мы представили анализ эмпирических данных, собранных во время экспедиции „Креативная Кострома: городские пространства, молодежные сцены и солидарности“. Этот опыт стал для меня особенно значимым, я была рада поделиться результатами нашего исследования. Мы собрали богатый материал о молодежных сообществах, креативном секторе города и миграционных намерениях молодежи. Мне запомнились выступления других докладчиков, которые затрагивали различные аспекты социологии города: исследование коммун, социального окружения горожан, стратегий выбора мест для проживания. В целом было интересно слушать коллег по темам, близким к моим исследовательским интересам, участвовать в дискуссиях и поддерживать младших коллег в их первом опыте выступления на конференции».*

В работе секций приняли участие и иностранные студенты. Чэнь Бин, студентка аспирантуры РУДН, сформулировала основные направления политической деятельности правительства Республики Корея по продвижению корейского языка в международных отношениях. Сюе Сяохань (РУДН) выступила с докладом о четырех факторах, оказывающих влияние на молодых людей из стран Центрально-Азиатского региона. Юлия Горбачева (НИУ ТГУ) представила свой доклад на тему «Практики социальной адаптации транслокальных мигрантов в Томске

(на примере студентов ФИПН ТГУ)», в котором рассказала о сравнительно беспроблемной адаптации студентов, отметив, однако, в целом не самую высокую осведомленность о подобного рода программах, предлагаемых университетом.

Конференция продемонстрировала неугасающий интерес к исследованиям молодежи в российском и международном академическом сообществе. Новые времена рожают новые вызовы, и изучая, как к ним адаптируется молодежь, мы получаем шанс заглянуть в будущее. Конференция «Агентность и устойчивость молодежи в эпоху новых глобальных вызовов» позволила всесторонне посмотреть на молодежь — учащуюся и работающую, столичную и региональную, городскую и сельскую — и услышать мнения исследователей (прежде всего молодых, для которых эта тема актуальна вдвойне) из разных концов России и мира.

Сведения об авторах

Андреева Анастасия Сергеевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.
as.andreeva@hse.ru

Балацук Елизавета Сергеевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.
ebalatsyuk@hse.ru

Володин Даниил Михайлович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.
dvolodin@hse.ru

Кресникова Елизавета Витальевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.
ekresnikova@hse.ru

Шарипов Тимур Борисович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.
tsharipov@hse.ru

Статья поступила в редакцию: 07.12.2024;
поступила после рецензирования и доработки: 12.12.2024;
принята к публикации: 24.12.2024.

**ANASTASIIA S. ANDREEVA, ELIZAVETA S. BALATSYUK, DANIIL M. VOLODIN,
ELIZAVETA V. KRESNIKOVA, TIMUR B. SHARIPOV**
HSE University, St. Petersburg, Russian Federation

INTERNATIONAL CONFERENCE “YOUTH AGENCY AND RESILIENCE IN THE AGE OF GLOBAL CHALLENGES”

Abstract. The presented review highlights the main results of the international conference “Youth Agency and Resilience in the Age of Global Challenges”, held at the Center for Youth Studies of the Higher School of Economics — St. Petersburg from October 31 to November 1, 2024. The conference was timed to coincide with the fifteenth anniversary of the Center and became a place of attraction for researchers from 11 regions of Russia, as well as Brazil, Argentina and India. The discussion focused on such research issues as youth agency, migration of young people, consumer practices and attitudes of young people, transition to adulthood, local identities of young people, inclusion of young people in the political field, young people in the labor market and in the digital environment.

Keywords: youth, conference, global challenges, agency.

For citation: Andreeva A. S., Balatsyuk E. S., Volodin D. M., Kresnikova E. V., Sharipov T. B. International Conference “Youth Agency and Resilience in the Age of Global Challenges”. St. Petersburg Sociology Today. 2024. No. 26. P. 123–132. DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.tm9c-m008; EDN: GEHIGY

Information about the authors

Andreeva Anastasiia S., HSE University,
St. Petersburg, Russian Federation. as.andreeva@hse.ru

Balatsyuk Elizaveta S., HSE University,
St. Petersburg, Russian Federation. ebalatsyuk@hse.ru

Volodin Daniil M., HSE University,
St. Petersburg, Russian Federation. dvolodin@hse.ru

Kresnikova Elizaveta V., HSE University,
St. Petersburg, Russian Federation. ekresnikova@hse.ru

Sharipov Timur B., HSE University,
St. Petersburg, Russian Federation. tsharipov@hse.ru

Received: 07.12.2024;
revised after review: 12.12.2024;
accepted for publication: 24.12.2024.

**МАРИНА ВАЛЕРЬЕВНА КОРНИЛОВА¹,
КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГАЛКИН²**

¹ *Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия*

² *Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

ОБЗОР КРУГЛОГО СТОЛА «КАК ОТЛОЖИТЬ СТАРЕНИЕ ЧЕРЕЗ ХОББИ. УЧАСТИЕ, АДАПТАЦИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИЯ СВОЕГО ВОЗРАСТА В МОДЕЛИНГЕ»

Аннотация. В рамках конференции «Социальные исследования старения. Отложенное старение во времена постковида и неопределенности» состоялся круглый стол «Как отложить старение через хобби. Участие, адаптация и презентация своего возраста в моделинге». В рамках круглого стола были рассмотрены актуальные вопросы участия пожилых людей в моделинге и роли моды в сохранении активности пожилых людей. В данном обзоре представлены ключевые темы круглого стола.

Ключевые слова: пожилые люди, отложенное старение, социологические исследования старения, моделинг, хобби пожилых людей.

Ссылка для цитирования: Корнилова М. В., Галкин К. А. Обзор круглого стола «Как отложить старение через хобби. Участие, адаптация и презентация своего возраста в моделинге» // Петербургская социология сегодня. — 2024. — № 26. — С. 133–139. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.etmp-4n81; EDN: GGQJZV

19 ноября 2024 года в Социологическом институте РАН — филиале ФНИСЦ РАН состоялась уже ставшая традиционной Всероссийская конференция с международным участием «Социальные исследования старения. Отложенное старение во времена постковида и неопределенности». Одним из новшеств этого года было проведение круглого стола на тему «Как отложить старение через хобби. Участие, адаптация и презентация своего возраста в моделинге».

Современные исследования в области социологии моды активно развиваются, охватывая все более широкий спектр вопросов. Они исследуют такие темы, как конструирование образов, социальное значение

моды и ее роль в формировании идентичности и взаимодействии внутри общества (Crane et al. 2006; Etuk et al. 2022). Мода становится не только средством самовыражения, но и важным социальным феноменом, затрагивающим аспекты культурной, экономической и психологической жизни. Она помогает укреплять социальные связи и открывает возможности для инклюзивности, особенно среди старших поколений, что делает эту тему актуальной для современного общества. Особую значимость приобрели исследования, посвященные тому, как люди старшего возраста используют моду для выражения своей индивидуальности (Мануильская 2018). Участие в модных показах и создание уникальных образов помогает не только подчеркнуть личный стиль, но и разрушить стереотипы, связанные с возрастом. Такие проявления служат инструментами для осмысления концепции возраста как гибкого и многообразного явления.

Исследователи отмечают, что такие концепции, как «перенниалы» — активные люди любого возраста, сохраняющие интерес к культуре и социальным взаимодействиям, — становятся примером переосмысления хронологических рамок (Guillen 2023). Эти люди демонстрируют, что возраст больше не должен определять ни возможности, ни предпочтения, ни степень активности. Вместо этого он становится характеристикой, которую можно творчески интегрировать в повседневную жизнь. При этом мода способствует изменению восприятия возраста обществом. Например, все больше акцентируется внимание на том, что зрелый возраст — это не ограничение, а возможность для новых достижений. Это может быть выражено через стиль, участие в творческих процессах и социальную активность (Kornilova 2023). Такие исследования помогают лучше понять, как люди интегрируются в общество, выражая свою идентичность с помощью моды. Более того, они помогают разрушать барьеры, связанные с эйджизмом, создавая пространство для более глубокого диалога.

Современные тенденции моды также способствуют разрушению устаревших границ увлечений. Сегодня старшее поколение активно осваивает новые сферы деятельности, начиная от технологических хобби до модного дизайна (Мак 2023). Это не только подчеркивает их внутреннюю привлекательность, но и помогает обществу адаптироваться к новым реалиям, где возрастные ограничения становятся все менее актуальными. Эффект от таких изменений распространяется на другие возрастные группы, способствуя формированию межпоколенческого взаимопонимания.

Медиа играют решающую роль в изменении общественного восприятия старшего возраста. В последние годы они все чаще демонстрируют успешные примеры людей старшего возраста в качестве моделей и дизайнеров. Известные журналы, такие как *Vogue* и *Harper's Bazaar*, включают в свои публикации фотосессии с участием зрелых моделей, что является важным шагом к инклюзивности. Эти образы не только вдохновляют, но и доказывают, что мода доступна для всех возрастов, разрушая ограничения и стереотипы.

Благодаря этому стиль и мода становятся частью повседневной жизни людей старшего поколения. Важным аспектом является создание платформ, где их мнения и опыт ценятся, а их вклад в модную индустрию становится заметным. Это не только повышает самооценку участников, но и расширяет представления о моде как о культурном явлении. мода перестает быть исключительно атрибутом молодости, трансформируясь в универсальный инструмент самовыражения.

Шведский социолог П. Асперс в своих работах исследует моду как рынок услуг, подчеркивая, что социальный статус и принадлежность к определенным группам оказывают влияние на ее развитие (Aspers 2012; Aspers 2010). Он отмечает, что взаимодействие между дизайнерами, моделями и потребителями способствует созданию новых трендов, которые могут быть адаптированы для разных возрастов. Взаимодействие этих участников помогает формировать более разнообразные образы, включающие в себя элементы культуры и возраста. Исследования Асперса подчеркивают, что мода является не только эстетическим, но и социальным процессом.

Участие в модной индустрии оказывает значительное влияние на жизнь представителей старшего поколения. На круглом столе обсуждались вопросы, связанные с тем, как мода помогает старшему поколению чувствовать себя уверенно и вдохновленно. В формате диалога исследователи, участники и дизайнеры обсудили ключевые аспекты моды, которые могут влиять на качество жизни зрелых людей.

Одной из главных тем стало обсуждение биографических историй участников, вовлеченных в моделинг. Многие из них отмечали, что участие в показах стало для них важным этапом самовыражения, предоставив возможность погрузиться в новую творческую среду. Это позволило не только подчеркнуть свою индивидуальность, но и открыть новые перспективы, связанные с восприятием возраста. Участие в таких инициативах дает старшему поколению возможность создавать новые связи и активно участвовать в общественной жизни.

Рис. 1. Участники круглого стола после одного из показов

Дискуссия также затронула вопросы, связанные с тем, как участие в модной индустрии помогает переосмыслить возрастные ограничения. Участники круглого стола подчеркнули, что мода позволяет избавиться от стереотипов, связанных с внешностью и хронологическим возрастом. Более того, дизайнеры отметили, что создание одежды для пожилых людей требует особого внимания к их уникальным потребностям, что делает процесс еще более индивидуализированным. Важно учитывать не только функциональность, но и эмоциональный отклик, который создает одежда. Модные показы становятся не просто платформой для демонстрации одежды, но и способом раскрытия личности каждого участника. Они помогают подчеркнуть внутреннюю гармонию и дают возможность зрителям пересмотреть устоявшиеся представления о красоте и возрасте. Таким образом, мода становится мощным инструментом для создания позитивного образа старшего поколения.

Это подчеркивает, что мода может быть средством переосмысления ценностей как для ее участников, так и для аудитории.

Ключевым итогом круглого стола стало признание того, что мода играет важную роль в преодолении эйджизма и формировании новых культурных норм. Участие в модных показах дает возможность старшему поколению не только выразить себя, но и интегрироваться в современное общество на равных. Этот процесс способствует не только самореализации, но и созданию условий для диалога между поколениями. Такой диалог помогает укрепить понимание и уважение к различным жизненным этапам. Кроме того, обсуждение подтвердило, что мода может стать мощным средством борьбы со стереотипами. Она помогает показать, что возраст — это не ограничение, а ресурс, который можно использовать для развития, творчества и взаимодействия. Это делает моду неотъемлемой частью жизни старшего поколения, способствуя созданию более инклюзивного и гармоничного общества. Благодаря таким инициативам формируется более глубокое понимание значения моды как универсального социального явления.

Источники

Мануильская К. М. Мода и стиль как один из факторов активного долголетия // Человек. — 2018. — № 2. — С. 66–78.

Aspers P. Markets in fashion: A phenomenological approach. — London: Routledge, 2012. — 288 p.

Aspers P. Orderly Fashion. A Sociology of Markets. — Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2010. — 237 p.

Crane D., Bovone L. Approaches to material culture: The sociology of fashion and clothing // Poetics. — 2006. — Vol. 34, no. 6. — P. 319–333.

Etuk A. et al. Sociological factors and consumer buying behaviour towards fashion clothing // International Journal of Applied Research in Social Sciences. — 2022. — Vol. 4, no. 2. — P. 21–34.

Guillen M. The Perennials: Unleashing the Power of our Postgenerational Society. Bonnier Books. 2023. 240 p.

Kornilova M. V. Fashionable Activity in Older Age: Opportunities and Risks // Social Work & Social Research. Financial Capability and Asset Building for All: Conference Reports, November 24–25, 2023. — Baku, Azerbaijan, 2023. — P. 163–166.

Mak H. W. et al. Hobby engagement and mental wellbeing among people aged 65 years and older in 16 countries // Nature medicine. — 2023. — Vol. 29, no. 9. — P. 2233–2240.

Сведения об авторах

Корнилова Марина Валерьевна, кандидат социологических наук,
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия.
mmgr@mail.ru

Галкин Константин Александрович, кандидат социологических наук,
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия.
kgalkin1989@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 23.12.2024;
принята к публикации: 24.12.2024.

MARINA V. KORNILOVA¹, KONSTANTIN A. GALKIN²

¹ *Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russian Federation*

² *The Sociological Institute of the RAS — Branch of FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russian Federation*

**REVIEW OF THE DISCUSSION
“HOW TO POSTPONE AGING THROUGH HOBBIES.
PARTICIPATION, ADAPTATION AND PRESENTATION
OF ONE’S AGE IN MODELING”**

Abstract. Within the framework of the conference “Social Research on aging. Delayed aging in times of post-covid and uncertainty”, a round table was held on “How to postpone aging through a hobby. Participation, adaptation and presentation of one’s age in modeling.” The round table discussed topical issues of the participation of older people in modeling and the role of fashion in keeping older people active. This review presents the key topics of the round table.

Keywords: older people, delayed aging, sociological studies of aging, modeling, hobbies of the older.

For citation: Kornilova M. V., Galkin K. A. Review of the Discussion “How to Postpone Aging through Hobbies. Participation, Adaptation and Presentation of One’s Age in Modeling”. St. Petersburg Sociology Today. 2024. No. 26. P. 133–139. DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.etmp-4n81; EDN: GGQJZV

References

- Manuilskaya K. Fashion and style as one of the factors of active longevity. *Man*, 2018, no. 2, pp. 66–78.
- Aspers P. *Markets in fashion: A phenomenological approach*. London, Routledge, 2012, 288 p.
- Aspers P. *Orderly Fashion. A Sociology of Markets*. Princeton; Oxford, Princeton University Press, 2010, 237 p.
- Crane D., Bovone L. Approaches to material culture: The sociology of fashion and clothing. *Poetics*, 2006, vol. 34, no. 6, pp. 319–333.
- Etuk A. et al. Sociological factors and consumer buying behaviour towards fashion clothing. *International Journal of Applied Research in Social Sciences*, 2022, vol. 4, no. 2. pp. 21–34.
- Guillen M. *The Perennials: Unleashing the Power of our Postgenerational Society*. Bonnier Books. 2023. 240 p.
- Kornilova M. V. Fashionable Activity in Older Age: Opportunities and Risks. *Social Work & Social Research. Financial Capability and Asset Building for All: Conference Reports*. 24–25 November, 2023, Baku, Azerbaijan, pp. 163–166.
- Mak H. W. et al. Hobby engagement and mental wellbeing among people aged 65 years and older in 16 countries. *Nature medicine*, 2023, vol. 29, no. 9, pp. 2233–2240.

Information about the authors

Kornilova Marina V., Candidate of Sociological Sciences,
Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russian Federation.
mmrr@mail.ru

Galkin Konstantin A., Candidate of Sociological Sciences,
The Sociological Institute of the RAS — Branch of FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russian Federation.
kgalkin1989@mail.ru

Received: 23.12.2024;
accepted for publication: 24.12.2024.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.8q28-at28

EDN: FPKNIO

УДК 338(091)

АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ ЗАОСТРОВЦЕВ

МЦСЭИ «Леонтьевский Центр»,

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Травин Д. Как мы жили в СССР.

М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 512 с.

ISBN 978-5-4448-2531-0

Ссылка для цитирования: Заостровцев А. П. Рецензия на книгу: Травин Д. Как мы жили в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 512 с. ISBN 978-5-4448-2531-0 // Петербургская социология сегодня. — 2024. — № 26. — С. 140–147. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.8q28-at28; EDN: FPKNIO

Книга известного петербургского специалиста в области исторической социологии и экономической истории представляет научно-популярное осмысление периода жизни автора, хронологически почти совпадающего с тем, который назвали развитым социализмом. Автор слегка затрагивает конец 60-х годов XX века (хотя рассуждениям о поколении «шестидесятников» отводится достаточно места) и потом погружается в 70-е годы, останавливаясь лишь на рубеже перестройки. Весь этот период он именует долгими семидесятыми.

Однако книга не есть строгое хронологическое повествование. Автор поднимает ту или иную проблему советской жизни и всесторонне ее рассматривает, перемежая при этом научно-популярные подходы с публицистическими и собственными личными впечатлениями, которые обильно и постоянно включаются в текст.

Структура книги весьма оригинальна. Как послесловия к каждой из четырех глав идут многостраничные вставки, которые посвящены

осмыслению эпохальных советских фильмов. Эти послесловия почти не привязаны к содержанию предшествующих им глав, а скорее призваны отразить дух времени. И они, в отличие от глав, идут в хронологическом порядке, даже немного заходя в горбачевскую перестройку (фильм М. Захарова «Убить дракона», 1988 г.).

Первые две главы посвящены экономике. Изложение начинается с экономики дефицита, которая затрагивала всех и каждого, постоянно и довольно ощутимо. Можно сказать, что она сформировала «социалистический образ жизни». Заметим, что само слово «дефицит» в том значении, в котором его привыкли употреблять советские граждане, появилось в словаре сравнительно недавно. Еще в 1920-е годы его связывали исключительно с финансовым дисбалансом (превышением расходов над доходами), и лишь потом оно перекочевало на нехватку товаров и услуг.

Прежде всего, обратим внимание на первую главу, в которой представлена система снабжения граждан, где почти не существовало купли-продажи: ее заменяет административная раздача благ в зависимости от статусов в иерархии. А этих статусов было столько, что даже полное описание индийской кастовой системы меркнет по сравнению с ней. Зарплата доцента в Ленинграде весила куда больше, чем точно такая же зарплата доцента в Тамбове, из-за большей доступности товаров по заниженным административно назначаемым ценам. В то же время зарплата доцента в Ленинграде имела меньшую покупательную способность, чем даже номинально меньшая зарплата заведующего мясным отделом гастронома. Во-первых, из-за большей доступности дефицитного блага (мяса и мясных изделий), во-вторых, из-за возможностей поучаствовать в неформальном теневом обмене дефицита на дефицит: качественное мясо без костей (для «обычных людей» оно продавалось исключительно с костями) на новые итальянские туфли (лишь в редчайших случаях доставлявшихся в советскую торговлю) от заведующего обувным отделом крупного универмага.

Система теневого обмена была двоякой. Описанный выше обмен мяса на туфли был нелегальным. А вот распределение благ пропорционально ступеням служебной иерархии было тeneвым, но легальным. Даже не жившие при социализме слышаны про так называемые распределители. Нормы наделения дефицитом там были прописаны разного рода официальными бумагами с грифом ДСП. По понятным причинам они не афишировались.

Заслугой автора книги является то, что он не ограничивается описанием административной раздачи товаров (включая квартиры) и услуг (например, турпутевок или мест в гостиницах), но и приводит похожую систему при поступлении в вузы на престижные в то время специальности. Иллюстрирует ее на собственном примере. Понятно, что как у еврея по материнской линии у него не было никаких шансов поступить на дневное отделение экономического факультета по специальности «политическая экономия» (несмотря на то, что автор «Капитала», Карл Маркс, был стопроцентным евреем).

Важно, что квотирование мест для поступающих Д. Травин не связывает только с «еврейским вопросом». Оно было универсальным. Тут рецензент может сказать свое слово как поступающий точно туда же на 5 лет раньше автора книги. Приемные комиссии должны были решать сложнейшие математические задачи: как разместить на весьма ограниченное количество мест претендентов с различными социальными весами, зачастую неформальными, но обязательными к соблюдению. На первом месте шли члены КПСС с рабочим стажем. Учитывалось и социальное происхождение (из рабочих, колхозников, служащих). Одновременно нужно было принять и блатных выпускников школ: детей партбоссов, высокопоставленных хозяйственников и силовиков, вузовской номенклатуры. На последнем месте шли дети рядовых преподавателей того же факультета, на который претендовали их отпрыски. Рецензент с большим трудом прошел по последней категории. А как автору книги удалось оказаться через год на дневном отделении, вы прочитаете у него самого.

Единственным упущением в части, характеризующей социалистический быт, является отсутствие рассказа о знаменитых «б сотках». Они и сейчас для многих некая дополнительная опора в жизни. Даже для жителей крупных городов. О малых и речи нет: многие их обитатели способны протянуть на запасах несколько месяцев. Однако автор поступил правильно: он пишет о социализме в свете личного опыта. В области же ведения подсобного хозяйства он у автора, как можно понять, нулевой.

Вторая глава закрывает вопрос потребления и переходит к производственной сфере, включая организацию снабжения предприятий. Посвященная довольно скучной материи, она тем не менее написана живо и читается достаточно легко. Все ее содержимое дает нам яркую картину абсурда, формировавшего социалистическую реальность: предприятия работают на спускаемые сверху и постоянно пересматриваемые

показатели, растрачивая впустую огромные объемы сырья, материалов и не удовлетворяя при этом даже непритязательного советского потребителя значительной частью своей продукции. Работники таких предприятий, понятное дело, трудятся «спустя рукава» (ибо тоже являются дефицитным ресурсом, на который всегда есть запрос) и, при возможности, воруют с рабочих мест все, что судьба позволяет им украсть, отчасти восполняя таким путем отсутствие товаров в официальной торговле.

В то же время автор книги не пошел в глубь описываемого предмета и не поставил вопрос о том, был ли какой-то смысл в существовании подобной системы? Ведь если взглянуть на нее согласно критериям эффективности, принятым в рыночной экономике, она действительно не представляет собой ничего, кроме каких-то странных игр. По-другому она выглядит, если раскрыть ее как механизм закрепощения человека и реализации монополии номенклатуры на политическую власть. Оцениваемая по этим параметрам, она эффективна, а рыночная экономика — нет. Именно поэтому и не пошла так называемая «косыгинская реформа»: сделать ее экономически эффективной означало, в конечном счете, покуситься на «святое» — руководящую и направляющую роль КПСС¹. Поэтому она и была чисто имитационной и ничего принципиально не поменяла в административной экономике.

Д. Травин обходит и другой принципиально важный момент: целевую функцию системы. О ней лишь вскользь упоминается, тогда как она заслуживает особого разговора. Этой целевой функцией (если остановится на ее экономическом аспекте) было соревнование с Западом (прежде всего, США) в области развития передовых вооружений. И надо честно признать, что с этой задачей социалистическое хозяйство справлялось куда лучше, чем с производством модной одежды или телевизоров. Автор видит причину такого положения дел в наличии соревнования между различными военно-промышленными КБ. Не отвергая полностью это обстоятельство, рецензент находит главную причину все же в другом.

В области потребительских и многих других товаров невоенного назначения не было прямой конкуренции с зарубежными производителями. Производители и потребители были соединены административно

¹ Впоследствии соединение тоталитарной власти компартии с рыночной экономикой удалось в КНР, но таковое существует в постоянной борьбе двух начал, и их баланс поддерживается за счет строгого административного контроля за действиями значимых рыночных акторов («капитализм в золотой клетке»).

выстраиваемыми хозяйственными связями, где первым был гарантирован сбыт, а вторым — отсутствие выбора. При наличии госмонополии на внешнюю торговлю телевизор «Радуга» не соревновался с Sony, ибо последняя марка попросту отсутствовала в СССР как таковая. Другие дело в военной сфере: ракете SS-20 непосредственно противостояла реально существующая ракета «Томагавк», самолету «МиГ-23» — реально имевший место самолет F-16 и т. д. Качества вооружений сопоставлялись в прокси-войнах типа вьетнамских или израильско-арабских. И тут, как говорится, игра шла «по гамбургскому счету». Хочешь — не хочешь, а соответствуй. И система бросала все возможные ресурсы (и в количественном, и в качественном измерении) на достижение этого соответствия. Все остальное проходило по остаточному принципу.

Третья глава названа в духе покойного философа Александра Зиновьева: «Гомосос: среда обитания». Упор в ней делается на идеологическое воспитание советского человека: в школе, институте, посредством книг, кино и телевидения и вообще с помощью преподавания и пропаганды идеологизированных учений (последняя сфера и автору, и рецензенту, как бывшим «попам марксистского прихода», особенно близка). Радует, что автор не поддался широко распространенному мифу о прусском учителе, который якобы за счет передачи знаний сделал возможной победу над австрийцами под Садовой (1866 г.). Любопытный человек задаст себе вопрос: а так уж много ли надо было знаний солдату в середине XIX века? Автор правильно подчеркивает, что если в чем и отличился прусский учитель, то это в воспитании в духе конформизма и бездумного подчинения, которое переключалось в российские гимназии, а потом и в советские школы.

Советская школа оценивается им как тьма с отдельными проблемами. Таковых было два: во-первых, физико-математические школы (идеология идеологией, а ракеты должны лететь не по Марксу, а по объективным законам физики к Марсу, а гораздо чаще просто точно в цель и поражать врага), во-вторых, английские школы (преимущественно для детей привилегированных родителей). Применительно к последним автор приводит слова из интервью рецензента о том, что там дети познавали политическую систему Великобритании, о которой дети из «простых» понятия не имели. Здесь, пользуясь случаем, добавлю о «вредоносности» английских школ: мы не читали газету Moscow News, которую в то время писали корявым языком наши полуграмотные выпускники филфаков; мы читали только подлинник — газету английских коммунистов Morning Star, где регулярно наталкивались на

карикатуры на британских премьер-министров. И тут понятно, какие «несвоевременные» мысли возникали у учеников.

Об идеологических «науках». Понятно, что прежде всего, Д. Травин говорит о наиболее близкой ему — политической экономии. В целом соглашусь, что «светлые пятна» были только у московских авторов, имевших привилегированный доступ к первоисточникам и писавших про современный капитализм с фигой в кармане. Однако должен упомянуть и одну книгу по экономике СССР. Научный руководитель моей кандидатской диссертации, профессор Алексей Малафеев, успел до окончания оттепели издать фундаментальную работу «История ценообразования в СССР. 1917–1963» (М., 1964). Уже в 90-е годы прошлого века мне открылось, что почти все писавшие про экономику СССР на Западе ссылались на нее как на главный (если не единственный) источник сведений о ценах, в частности, о колоссальном отрицательном разрыве между заготовительными ценами на продукцию сталинских колхозов и ее себестоимостью.

В целом же об этих квазинауках можно сказать следующее: дураков они делали глупее, умных — умнее. Автор книги намекает на это обстоятельство, указывая, что доступ к научной литературе у идеологов был куда шире (включая спецхраны и не только), чем у какого-нибудь «технаря». Последнему это было не только недоступно, но и не нужно, да и в абсолютном большинстве случаев просто не интересно. Как правило, он застревал в своих представлениях об обществе на уровне того примитива, который до него доносился через СМИ и часы занятий, отведенных в техническом вузе на марксистско-ленинскую подготовку по самым убогим учебникам.

Последняя, четвертая, глава является как бы продолжением третьей. Об этом свидетельствует и ее название: «Адаптация гомососа». Однако читатель ошибется, если подумает, что она о «глубинном народе» того времени. В целом она о противостоянии творческих людей из самых разных сфер науки и искусства и системы, жестко ограничивавшей их самовыражение, право на собственную точку зрения и освещение фактов как настоящего, так и прошлого. Эта борьба шла с переменным успехом. Система действовала изошренно, отлавливала даже аллюзии (самое часто встречающееся в этой главе слово). Так, КГБ вступился за честь своего предшественника, и пришлось в результате графу Мерзляеву (превратившегося по ходу развития сюжета в Мерзяева) стать просто тайным советником из Петербурга, а не служащим Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Впрочем,

фильму «О бедном гусаре замолвите слово» (1980) это не очень повредило, хотя и несколько ослабило историческую достоверность. Если же вернуться к слову «аллюзия», то в современных условиях вся заключительная глава книги есть преднамеренный контекст. Рецензент, конечно, может и ошибаться, но право на это суждение сохраняет за собой.

В заключение о тех вставках, которые Д. Травин назвал последовательно первым, вторым, третьим и четвертым кинозалами. Вышеупомянутый профессор Малафеев любил говорить: «Социализм построили на вине и на кине». Новые художественные фильмы смотрела без преувеличения вся страна. Находку автора книги с разбором кинофильмов как отражения времени надо признать удачной. Единственное, о чем приходится сожалеть, так это о том, что в список не попал фильм «Берегись автомобиля». На взгляд рецензента, можно было пожертвовать разбором двух-трех фильмов из списка ради него одного.

Свою работу (скорее всего, не только эту) автор называет историей для ленивых. Суть его мысли в том, что человек не несет в себе некий исторически устоявшийся социально-культурный код, а может быть переформатирован для нужд той или иной социальной конструкции. Поэтому социум в целом не задается пройденным им в прошлом путем, а есть продукт тех или иных действий современников в тех или иных внешних по отношению к человеку обстоятельствах.

Рецензент не будет здесь вдаваться в спор по методологическому подходу. Тем более что сам автор на последней странице книги выдал очень верное суждение о том, что «гомосос» принял (пусть и нелегко) рыночную экономику с ее товарным изобилием, а демократию отправил в помойку. Встает тогда вопрос: а почему человек из стран Балтии, Польши, Чехии принял и то, и другое? Кто его так разом «переформатировал»?

Д. Травин выражает надежду на то, что новые поколения россиян (по крайней мере, российской элиты) осмыслят необходимость демократии для нормального существования общества так же, как их отцы осознали необходимость рынка для нормального потребления. Вот только не очень понятно: зачем? Снизу ее никто не требует («выбросили на помойку»), не борется за политические права, а сохранение «статус-кво» обеспечивает все преимущества гарантированного монопольного распоряжения государственной властью как своей коллективной собственностью. Возможно, автор постарается разъяснить это противоречие читателю в следующей своей книге.

Сведения об авторе

Заостровцев Андрей Павлович,
кандидат экономических наук, МЦСЭИ «Леонтьевский Центр»,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия.
zao-and@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 02.11.2024;
принята к публикации: 24.12.2024.

ANDREY P. ZAOSTROVTSEV

*National Research University Higher School of Economics, Leontief Center,
St. Petersburg, Russia*

**BOOK REVIEW:
Travin D. How We Lived in the USSR.
Moscow: New Literary Review, 2024, 512 p.
ISBN 978-5-4448-2531-0**

For citation: Zaostrovtssev A. P. Book Review: Travin D. How We Lived in the USSR. Moscow: New Literary Review, 2024, 512 p. ISBN 978-5-4448-2531-0. St. Petersburg Sociology Today. 2024. No. 26. P. 140–147. DOI: 10.25990/socinstras.pss-26.8q28-at28; EDN: FPKNIO

Information about the author

Zaostrovtssev Andrey P., Candidate of Economic Sciences,
National Research University Higher School of Economics,
Leontief Center,
St. Petersburg, Russia.
zao-and@yandex.ru

Received: 2.11.2024;
accepted for publication: 24.12.2024.

Научное издание

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ
2024
Выпуск 26

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 — 55387 от 17.09.2013

У ч р е д и т е л ь:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: *И. И. Елисеева*

Научные редакторы: *С. И. Бояркина, К. С. Дивисенко, Н. В. Колесник*

Журнал «Петербургская социология сегодня» включен в базу РИНЦ
Права на материалы, опубликованные «Петербургской социологией сегодня»,
принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без письменного разрешения редакции.
Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации
на официальном сайте журнала: <https://petersociology.ru/ru/about>
на сайте издателя: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=3067
на сайте РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=33540

И з д а т е л ь:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес издателя: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Телефон издателя: 8 499 125-00-79. Сайт издателя: <https://www.fnisc.ru>
Адрес редакции: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14
Телефон редакции: 8 812 316-24-96. Электронная почта редакции: si_ras@mail.ru

Технический редактор *А. Б. Левкина*. Корректор *А. А. Нотик*. Оригинал-макет *С. В. Красильнюк*. Подписано в печать 27.12.2024. Формат 60×84^{1/16}. Печать цифровая. Усл. печ. л. 8,6. Тираж 300 экз. Заказ № 050. Свободная цена. Отпечатано в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме», 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40. Тел. (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespb.ru. www.renomespb.ru